

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

А. М. Плотникова

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ (на материале русских глаголов)

Утверждено
редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия по спецкурсу
для студентов филологического факультета,
обучающихся по специальности 021700 «Филология»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2005

ББК Ш141.12-32

П396

Рецензенты:

кафедра риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (заведующий кафедрой А. П. Чудин ов, доктор филологических наук, профессор);

Н. А. Дьячкова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку Уральского государственного педагогического университета

Плотникова А. М.

П396 Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов): Учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. — 140 с.

ISBN 5-7996-0324-9

В пособии излагаются основные положения когнитивной семантики, рассматриваются ее источники, этапы формирования, методы, основные категории и ключевые понятия. В работе раскрывается влияние когнитивных процессов на становление семантической структуры многозначных глаголов. В адаптированном для учебного процесса виде представлены результаты исследования когнитивных механизмов семантической деривации глаголов. В приложениях даны модель и образцы когнитивного анализа семантики русских глаголов, задания и вопросы.

Для студентов и аспирантов филологических специальностей и всех интересующихся проблемами когнитивной лингвистики.

ББК Ш141.12-32

ISBN 5-7996-0324-9

© А. М. Плотникова, 2005

© Уральский государственный университет, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение. Основные понятия когнитивной семантики	5
§ 1. О содержании термина «когниция»	8
§ 2. Возникновение и развитие когнитивной лингвистики	10
§ 3. Когнитивная семантика в ряду дисциплин когнитивного цикла	13
§ 4. Основные направления когнитивных исследований русского глагола	14
§ 5. Когнитивные процессы концептуализации и категоризации действительности	17
Глава 1. Концептуализация мира в значениях социальных глаголов	
§ 1. Формирование, типы и средства вербализации концептов	19
§ 2. Концепт «процесс» и его репрезентация в языке	26
§ 3. Полипропозитивный характер значений социальных глаголов	29
§ 4. Лексические значения социальных глаголов как репрезентанты процессуального знания	36
§ 5. Когнитивные сценарии социального поведения человека	41
Глава 2. Категоризация мира в значениях социальных глаголов	
§ 1. Основные подходы к категоризации действительности	53
§ 2. Структура прототипической категории и виды прототипов	57
§ 3. Когнитивные основания классификации глагольной лексики	66
§ 4. Уровневый подход к семантической категоризации глаголов	72
Глава 3. Полисемия социальных глаголов в когнитивном аспекте	
§ 1. Когнитивная специфика семантической деривации социальных глаголов	80
§ 2. Прототипическое значение глагола-полисеманта и развитие образ-схем	85
§ 3. Актантные трансформации глагола-полисеманта	89
§ 4. Метафорические модели социальных глаголов с когнитивной точки зрения	96
§ 5. Особенности семантической деривации широкозначных глаголов	101
Заключение	108
<i>Приложение 1. Модель когнитивного анализа многозначного глагола</i>	110
<i>Приложение 2. Задания и вопросы</i>	117
Список литературы	130

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одно из ведущих направлений современной лингвистики — когнитивная семантика исследует значения языковых единиц как результат познавательной деятельности человека и способ репрезентации знания. Когнитивная парадигма, возникшая на рубеже XX–XXI вв., является новым этапом осмысления проблем языка и мышления, языка и действительности. Достижения когнитивной семантики существенно обогащают представления о языке и становятся неотъемлемым компонентом, без которого невозможно представить семантику как научную область лингвистического знания и как учебную дисциплину.

В учебном пособии рассматриваются основные понятия когнитивной семантики, ее история, современное состояние и тенденции развития, отмечается связь когнитивной семантики с лингвокультурологией, психолингвистическими исследованиями категоризации действительности, структурно-семантическими исследованиями лексики. Основное внимание в книге уделяется осмыслению понятийного аппарата когнитивной семантики и ключевых проблем этой науки, изучение которых будет способствовать расширению лингвистического кругозора студента-филолога и аспиранта и уточнению их представлений о языке как когнитивном механизме.

В пособии предлагаются методы когнитивного анализа семантики глагола, освоение которых позволит студенту и аспиранту приложить теоретические достижения когнитивной семантики к анализу конкретного языкового материала. В когнитивном аспекте рассматриваются проблемы полипропозитивности и широкозначности. Выявляются и характеризуются модели семантической деривации глаголов, в основе которых лежат когнитивные механизмы.

Автор благодарит профессора Л. Г. Бабенко за консультации, советы и предложения, позволившие уточнить содержание пособия, а также выражает искреннюю признательность профессору Н. А. Дьячковой и доценту Т. М. Ворониной, принявшим участие в обсуждении пособия и высказавшим ценные замечания.

Введение

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Области научного знания не существуют совершенно изолированно друг от друга, а находятся в постоянном взаимодействии, обнаруживая новые точки пересечения и формируя новые научные направления. Современная лингвистика характеризуется наличием целого ряда научных направлений, которые возникли в результате взаимодействия и синтеза нескольких наук. К таким пограничным областям лингвистического знания относятся социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и др. Но статус когнитивной лингвистики, которую иногда ставят в один ряд с перечисленными выше дисциплинами, следует определять иначе.

С одной стороны, она является одной из дисциплин когнитивного цикла, наряду с когнитивной психологией, антропологией, моделированием искусственного интеллекта, и имеет свой объект и предмет исследования. Так, Е. С. Кубрякова пишет: «Когнитивная лингвистика — лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» (Кубрякова и др., 1996, 53). С другой стороны, когнитивная лингвистика — это не только отдельное лингвистическое направление, но и новая научная парадигма знания, ставящая перед лингвистикой новые задачи и предлагающая способы решения проблем в других, смежных лингвистических областях. А. А. Кибрик и В. А. Плунгян отмечают: «С содержательной точки зрения когнитивная лингвистика, несомненно, должна считаться частью функционализма. Однако по сложившейся в современной американской лингвистике классификации функциональная и когнитивная лингвистика — это хотя и совместимые, но параллельно существующие направления» (Кибрик, Плунгян, 2002, 324). По гносеологическим установкам, противоположным установкам формальной лингвистики (не описание,

а объяснение языковых фактов с антропоцентрических позиций), когнитивная лингвистика пересекается с функциональной. Общий методологический подход позволяет исследователям говорить о когнитивной лингвистике как об одном из направлений в рамках функционализма или объединять когнитологию и функционализм в единую когнитивно-функциональную парадигму.

Функциональная лингвистика, рассматривающая язык как целенаправленную систему средств выражения и постулирующая телеологический принцип (принцип целесообразности использования языкового явления), исследует коммуникативную деятельность человека и взаимодействие языковых единиц с контекстом и ситуацией общения. Когнитивная лингвистика рассматривает внутренние, ненаблюдаемые процессы, управляющие обработкой, хранением и использованием знаний, исследует способы познания мира с помощью языковых знаков. С некоторой долей условности можно сказать, что функциональная лингвистика ориентирована на экстравертное представление о языке, а когнитивная лингвистика — на интровертное.

Когнитивная лингвистика — развивающееся направление, имеющее и сторонников, и противников. Наиболее известными представителями европейской и американской когнитивной лингвистики являются Д. Герартс, Р. Джекендорф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, Ч. Филлмор. Теоретическая концепция отечественной когнитивной лингвистики разработана Е. С. Кубряковой (Кубрякова, 1994, 1996, 1997, 1999а, 2004). Идеи когнитивной лингвистики развивают в России А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, Н. Н. Болдырев, А. В. Кравченко, Е. В. Рахилина, Р. М. Фрумкина, Л. О. Чернейко и др. Исследовательское поле современной когнитивной лингвистики чрезвычайно широко. Как в любой относительно новой научной дисциплине, в когнитивной лингвистике окончательно не сформировался терминологический аппарат и не определился инвентарь изучаемых единиц, существуют различия в формулировках ее предмета и задач, возникают дискуссии о методах и направлениях.

Об активном формировании когнитивной парадигмы научного знания в современной лингвистике свидетельствует следующее:

1) систематизация научного аппарата и, как следствие, создание терминологического словаря (см.: Словарь когнитивных терминов. М., 1996);

2) формирование истории когнитивной лингвистики, выделение этапов в ее развитии и становлении (Болдырев, 2000; Рахилина, 2001; Стернин, 2001);

3) формулирование постулатов когнитивной лингвистики («эвристик», по А. Н. Баранову);

4) осознание когнитивной лингвистики как направления, объединяющего ряд самостоятельных дисциплин: когнитивную грамматику, когнитивную семантику, когнитивное исследование дискурса и др. (Словарь когнитивных терминов, 1996; Кубрякова, 1997; Новое в зарубежной лингвистике, 1988; *Topics in cognitive linguistics*, 1988; Болдырев, 2000; и др.);

5) разработка методов когнитивной лингвистики (Баранов, 2003; Стернин, 2003; Рахилина, 2000; Чернейко, 1997; и др.);

6) активное обсуждение проблем когнитивной лингвистики на конференциях (например, на ежегодно проводимых конференциях по когнитивной науке в Тамбовском университете), в лингвистических журналах, сборниках статей и в отдельных монографических исследованиях, а также создание Российской ассоциации когнитивной лингвистики (2003).

Как следствие, происходит включение когнитивной лингвистики в учебники и учебные пособия в качестве отдельного направления (Кронгауз, 2002) и издание самостоятельных учебных пособий, адресованных студентам вузов (Болдырев, 2000; Маслова, 2004; Попова, Стернин, 2003, 2003а; Рудакова, 2002; и др.).

Когнитивный подход к анализу языковых фактов стал характерной чертой различных направлений современной лингвистики. Такие черты современной когнитивистики, как акцентирование антропоцентризма, признание объективно существующих связей между лингвистикой и психологией, лингвистикой и культурологией, послужили причинами интереса ученых к когнитивной парадигме научного знания. Это выразилось, во-первых, в широком употреблении терминов когнитивной лингвистики (особенно терминов «концепт», «концептосфера», «прототип»), а во-вторых, в воз-

никновении на базе когнитивной лингвистики целого ряда пограничных направлений. К числу таковых можно отнести:

1) лингвокультурологический подход к исследованию способов репрезентации знаний в разных языках с акцентом на национальной специфике языковых средств (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, Г. Г. Слышкин, Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова и др.) и проблемах межкультурной коммуникации (Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. А. Стернин и др.);

2) семантический подход, исследующий специфику концептуального содержания языковых единиц (А. Н. Бабушкин, И. А. Стернин, З. Д. Попова и др.);

3) психолингвистический подход, исследующий языковую способность, языковую компетенцию и то, как языковые формы репрезентируют оперативные единицы сознания (В. А. Пищальникова, Е. В. Лукашевич и др.).

Отличительной чертой этих направлений, возникших в рамках когнитивного подхода, является интерес к языковой личности и осознание необходимости учитывать роль человеческого фактора в языке. Признавая человека творцом языка, когнитивная лингвистика исследует, как и какие знания человека о мире представлены в языке.

§ 1. О содержании термина «когниция»

В буквальном переводе на русский язык «когниция» (лат. *cognitio*) означает «познание». Первыми этот термин стали употреблять психологи, называя когнитивную психологию теорией, альтернативной бихевиоризму — господствовавшему в первой половине XX в. направлению в американской психологии. В основе бихевиоризма лежит представление о психологии как о науке, которая занимается внешними реакциями на стимулы и внешним поведением человека и не анализирует психическую деятельность, деятельность сознания. Когнитивная психология — это психология познавательных процессов: восприятия, внимания, памяти, воображения, мышления. Как пишет один из авторитетных пред-

ставителей этого научного направления Роберт Солсо, «когнитивная психология изучает то, как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и как эти знания влияют на наше внимание и поведение» (Солсо, 2002, 28). Именно когнитивная психология стала ядром, вокруг которого группировались другие когнитивные науки. Конечно, интерес к познанию человека возник задолго до появления когнитивной науки, предыстория всех когнитивных наук начинается в античности и связана с размышлениями Платона и Аристотеля о происхождении знания. Философы и теологи Возрождения, эмпирики XVIII в., философы и психологи XIX–XX вв., используя теоретические и экспериментальные методы, размышляли о когнитивных процессах и роли языка в познании мира. Однако, по словам Дж. Андерсона, «только в последние 125 лет стало понятным, что человеческое познание может быть предметом научного изучения, а не философских размышлений» (Андерсон, 2002, 18).

Когнитивная наука — это междисциплинарная наука, вырабатывающая единую научную программу исследования процессов, регулирующих познание. Она включает комплекс отдельных научных дисциплин, каждая из которых имеет свой объект, предмет и методы исследования. Объединяя гуманитарные и естественные науки (когнитивную психологию, лингвистику, антропологию, нейрофизиологию и нейропсихологию, моделирование искусственного интеллекта), когнитивная наука занимается человеческим разумом и мышлением и теми ментальными процессами, которые с ними связаны.

Итак, в центре когнитивной науки находится когниция — совокупность сознательных и неосознанных ментальных действий, связанных с получением информации, ее переработкой, извлечением из памяти, формированием понятий и образов, со способностями к рациональному решению проблем (Словарь когнитивных терминов, 1996, 81–84).

Наряду с восприятием, вниманием, памятью, к когнитивным способностям человека психологи относят и язык. В 1967 г. была опубликована первая книга по когнитивной психологии. Это монография Ульрика Найсера «Когнитивная психология» («Cognitive

Psychology»)). Из десяти ее глав шесть посвящены восприятию и вниманию, а четыре — языку, памяти и мышлению. В последних работах по когнитивной психологии больше внимания уделяется высшим психическим процессам. Например, в учебнике Дж. Андерсона «Когнитивная психология» две главы посвящены восприятию и вниманию, а десять глав — языку, памяти и мышлению.

Психологи, работающие в русле когнитивного подхода, признают роль языка не только как когнитивной способности человека, но и как средства доступа к деятельности сознания. По мнению Т. Г. Скребцовой, суждение о том, что «когнитивные способности человека и усвоенные им модели познания находят непосредственное выражение в языке», является программным тезисом когнитивной лингвистики (Скребцова, 2000, 8). Таким образом, лингвистические исследования открывают путь к изучению высших когнитивных процессов и позволяют рассматривать язык как основной механизм познания мира.

§ 2. Возникновение и развитие когнитивной лингвистики

История когнитивной лингвистики, развитие ее проблематики, формирование терминологического аппарата достаточно подробно охарактеризованы в научной литературе (Кубрякова, 1994, 1997; Болдырев, 2000; Рахилина, 2001; Ченки, 2002; Маслова, 2004; и др.).

Становление когнитивной лингвистики как самостоятельного научного направления обычно связывают с симпозиумом, организованным Рене Дирвеном и другими европейскими учеными весной 1989 г. в Дуйсберге (Германия). Тогда было принято решение о создании Международной ассоциации когнитивной лингвистики, а также о подготовке к изданию журнала и серии монографий по данному научному направлению.

Этому событию предшествовал выход в свет книги Дж. Миллера и Ф. Джонсона-Лэрда «Язык и восприятие» (1976), статьи Дж. Лакоффа и Г. Томпсона «Представляем когнитивную граммати-

ку» (1975), книги Ж. Фоконье «Ментальные пространства» (1985), первого тома «Оснований когнитивной грамматики» Р. Лангакера (1987), книги «Женщины, огонь и опасные предметы» Дж. Лакоффа (1987). В 1985 г. В. И. Герасимов делает обзор основных работ зарубежных когнитологов и выделяет в когнитивной лингвистике ряд направлений, таких как психосемантика У. Чейфа, процедурная семантика Т. Винограда, когнитивная теория употребления языка Т. ван Дейка и др. (Герасимов, 1985). В 1988 г. выходит 23-й том серии «Новое в зарубежной лингвистике», посвященный когнитивным аспектам описания языка.

Так постепенно очерчивался круг явлений, интересующих когнитивную лингвистику, хотя на первоначальном этапе она представляла собой «совокупность индивидуальных исследовательских программ менее чем десятка широко известных авторов» (Паршин, 1996, 30).

Формирование терминологического аппарата когнитивной лингвистики происходило и происходит под влиянием других наук, в первую очередь когнитивной психологии. Так, для обозначения ментальных структур, репрезентированных языковыми средствами, лингвисты до сих пор используют термины когнитивной психологии и гештальт-психологии (фрейм, сценарий, скрипт, гештальт, образ-схема и др.), вкладывая в них новое, лингвистическое содержание.

Самостоятельность любой науки определяется не столько ее терминологией, сколько спецификой методологии. В отечественной лингвистике когнитивный подход возник в противовес структурному. Когнитивная лингвистика рассматривает язык как средство организации, обработки и передачи информации. Эти процессы, естественно, невозможно представить без субъекта познания — говорящего, языковой личности. Поэтому появление отечественной когнитивной лингвистики обусловлено доминирующим в лингвистике второй половины XX в. антропоцентрическим взглядом на язык. Изучение языковой картины мира, человеческого фактора в языке (Роль человеческого фактора в языке, 1988), языковой личности (Караулов, 1987) создало фундамент для современных когнитивных исследований. От описательных методов структурной

лингвистики когнитивная лингвистика переходит к методам объяснительным. А. Н. Баранов пишет: «Когнитивная парадигма предложила иные — по сравнению со структурализмом — методы верификации научного исследования. Если в структурной лингвистике верификация результатов определялась следованием определенным процедурам анализа (ср. процедуры “открытия” фонемного и морфемного состава языка) и требовала повторяемости при выполнении тех же процедур, то в когнитивной лингвистике — междисциплинарной по сути — верификация была перенесена в сферу психологии и нейрофизиологии, а также в область компьютерного моделирования...» (Баранов, 2003, 306–307). Таким образом, методы когнитивной лингвистики приближаются к методам естественных наук. Для верификации данных когнитивная лингвистика также активно использует экспериментальные методы психолингвистики, что позволяет ученым высказывать категорические суждения о том, что «психолингвистика подготовила методологический переход лингвистики в когнитивную парадигму» (Лукашевич, 2002, 32). Но, по словам О. Н. Селиверстовой, «обращение к данным психологии при аргументации выдвигаемых положений также не является принципиально новым» (Селиверстова, 2002, 16). Принципиальная новизна когнитивного подхода видится ей в исследовании процессов формирования значений или процессов, связанных с реализацией значения в акте речи, а не в описании «готовых» семантических концептов.

Итак, для методологии когнитивной лингвистики характерны следующие черты:

1) открытость (привлечение методов других гуманитарных и естественных наук для выявления универсальных принципов, лежащих в основе когнитивных способностей человека);

2) объяснительный характер (уход от формализованных моделей, стремление не описать лингвистические факты, а дать им объяснение);

3) внимание к языковой интуиции (интроспекции), лингвистическому обоснованию психологических процессов;

4) учет роли человека как субъекта когнитивной деятельности в процессах познания мира.

§ 3. Когнитивная семантика в ряду дисциплин когнитивного цикла

В отечественной лингвистике специфика когнитивного подхода, по мнению большинства ученых, наиболее ярко проявилась в когнитивной семантике. Ученые даже отмечают непоследовательность в употреблении терминов «когнитивная семантика» и «когнитивная лингвистика», которые зачастую смешиваются и рассматриваются как синонимичные. Интерес к когнитивной семантике объясняется рядом причин. Во-первых, в отличие от зарубежных ученых отечественные когнитологи исследуют преимущественно естественный язык, в котором находит отражение результат освоения мира человеческим сознанием. Исследование значений языковых единиц позволяет изучать понятийную картину мира. Во-вторых, в докогнитивной, традиционной семантике накоплен значительный опыт исследования значения в соотношении с категориями мышления и категориями действительности. С разных позиций исследовались вопросы связи значения и понятия, значения и значимости, значения и функции; существует множество различных описаний структуры лексического значения с выделением макро- и микрокомпонентов (Л. М. Васильев, В. А. Звегинцев, Н. Г. Комлев, Э. В. Кузнецова, М. В. Никитин, Л. А. Новиков, А. И. Смирницкий, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.).

В когнитивной семантике значение также является основным объектом исследования. Но, сравнивая традиционную и когнитивную семантику, мы можем говорить о смещении акцентов в изучении значения. Как пишет Е. С. Кубрякова, «с современной точки зрения вопрос о значении знака должен быть сформулирован как вопрос о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под “крышу” знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» (Кубрякова, 1993, 23). Обращая внимание не на структуру значения, а на то, как и какая информация о мире представлена в значениях языковых единиц, когнитологи определяют значение как «концепт, схваченный знаком» и говорят о том, что в значении репрезентировано опосредованное языком представление о мире. На основании таких представлений о значении Н. Н. Болдырев называет когнитивную се-

мантику теорией концептуализации и категоризации, теорией того, как человек воспринимает и осмысливает окружающий мир и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений (Болдырев, 2000, 18).

Появление когнитивной семантики позволило переосмыслить ряд традиционных проблем и поставить перед наукой задачи освоения новых лингвистических объектов. Постепенно сформировался круг тем, интересующих современную когнитивную семантику. Из них к числу наиболее значительных относятся следующие:

1) теория прототипов как способов категоризации мира в сознании человека;

2) проблема словарного представления значения и создание семантического метаязыка;

3) теория метафоры как познавательного механизма человека и источника сведений об организации человеческого мышления;

4) проблема полисемии (по словам Е. В. Рахилиной, «важнейшей задачей когнитивной семантики оказывается описание типов или способов перехода от одного значения к другому»; Рахилина, 1998, 299–300);

5) композиционная семантика, то есть семантика языковых единиц, за значениями которых стоят комплексные, полипропозитивные когнитивные сущности;

6) когнитивный статус частей речи, в первую очередь глагола как носителя пропозициональной информации.

§ 4. Основные направления когнитивных исследований русского глагола

Идея рассмотрения частей речи как когнитивных категорий принадлежит Е. С. Кубряковой. В монографии «Части речи с когнитивной точки зрения» она пишет: «...существительные, прилагательные, глаголы, предлоги и т. п. объективируют и активизируют при их использовании разные структуры знания и вызывают у нас разные ассоциации, впечатления, образы, картины, сцены и т. п.: разные представления или разные типы репрезентаций»

(Кубрякова, 1997, 40–41). При выявлении когнитивных структур, стоящих за частями речи, исследовательница обращает внимание на онтологические различия между предметным и процессуальным мирами. Следствием этих онтологических различий является противопоставление существительных и глаголов как репрезентантов противоположных когнитивных структур. По мнению Е. С. Кубряковой, ядром существительных является онтологическая категория предмета, а лучшим образцом класса существительных — легко выделяемое сенсорным путем физическое тело, обладающее свойством отдельности и целостности и противопоставляемое в пространстве другим телам (там же, 1997, 258–260). Характеризуя когнитивный статус глагола, она выделяет три его существенных признака:

1) хронотопную характеристику («глаголом интерпретируется особое восприятие времени и пространства» (там же, 286);

2) моторную программу, то есть последовательность выполнения действий, необходимых для реализации значения глагола;

3) реляционный потенциал, то есть способность устанавливать связи между объектами, «открывать» места для актантов — участников ситуации и сирконстантов — обстоятельств.

Все это, по словам Е. С. Кубряковой, «делает категорию глагола базирующейся не столько на одном-единственном концепте, сколько совмещающей самые сложные для человеческой мысли концепты времени и пространства с их достаточно условным, но антропоцентрическим членением» (там же, 1997, 286).

Когнитивные исследования глагола начали проводиться недавно, но уже определились основные их направления и круг проблем:

1. Когнитивное моделирование глагольной многозначности (Г. И. Кустова, Е. В. Падучева, Р. И. Розина). В основе концепции лежит идея смыслового единства значений многозначного слова, обеспечивающая определенную логику семантической деривации. Задача исследователя — сформулировать закономерности семантических переходов, выявить механизмы и модели семантической деривации, выяснить, какие параметры значения глагола принимают наиболее активное участие в развитии значений, определить, являются ли модели семантической деривации регулярными, то

есть повторяющимися в семантических парадигмах разных слов. Результатом моделирования деривации глагола стала система «Лексикограф» — семантический словарь, представленный в форме базы данных (Кустова, Падучева, 1994).

2. Изучение пространственной организации глагольной лексики, выделение и характеристика семантического, денотативного, деривационного и концептуального пространств русского глагола (Л. Г. Бабенко). Рассматривая, как в значениях глаголов интерпретируется информация о процессуально-событийном мире, Л. Г. Бабенко формулирует способы существования русской глагольной лексики в терминах пространства. Она пишет: «Использование понятия пространства в лексикологических изысканиях позволит, как нам кажется, по-новому увидеть организацию лексики, так как основной для рассмотрения становится проблема связей слов, измерения этих связей в параметрах “близкое — далекое”. <...> На наш взгляд, можно выделить следующие типы пространственной организации лексики: лексическое пространство, лексико-семантическое, денотативное и концептуальное. Каждое пространство состоит из компонентов, а также из специфических объединений этих компонентов (комплексов) на основе близости расстояний между ними» (Бабенко, 1999, 11).

3. Исследование особенностей концептуализации глагольного значения и характеристика полипропозитивных глаголов (Л. Г. Бабенко, Н. Б. Лебедева; полипропозитивному характеру глагольного значения посвящен § 3 главы 1 данного пособия).

4. Функциональная категоризация глагола (Н. Н. Болдырев). Понимая категориальное значение глагола как «функциональное отношение между предметом мысли и образом знака», Н. Н. Болдырев (1995) отмечает синтагматическую и синтаксическую ориентированность глагола, связанную с выполнением им в предложении функции предиката. Формирование смысла, передаваемого глаголом, происходит в момент его использования в речи и определяет функциональную категоризацию глагола. Исследователь пишет: «...понятие функциональной категоризации основывается на признании интегративного принципа формирования смысла высказывания — как результата взаимодействия лексических и грамматических значений всех слов, используемых в высказывании. Соответственно то или иное функциональное осмысление слова,

обусловленное его функциональной категоризацией, представляет собой многофакторный процесс и обеспечивается использованием необходимых слов в определенной грамматической форме и в определенном сочетании друг с другом в рамках конкретной грамматической структуры высказывания» (Болдырев, 2000, 97–98).

Наряду с решением общетеоретических проблем, ученые исследуют концепты, репрезентированные отдельными глаголами. Например, в сборниках разных лет, объединенных в серию «Логический анализ языка», представлены исследования многих глаголов (см.: Логический анализ языка, 2000, 2000а, 2002, 2003а). В когнитивном аспекте рассматриваются отдельные семантические классы глаголов, например: глаголы звучания (Падучева, 1998), глаголы восприятия (Падучева, 2003), глаголы иррационального понимания (Иомдин, 1999), глаголы беспорядочного движения (Макеева, 2003) и др.

§ 5. Когнитивные процессы концептуализации и категоризации действительности

Отводя человеку активную роль в познании мира и рассматривая когнитивную деятельность как совокупность процессов восприятия, мышления, памяти, направленных на освоение окружающего мира, ученые выделяют два ключевых когнитивных процесса — концептуализацию и категоризацию мира.

Концептуализация представляет собой «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу человека» (Кубрякова, 1996, 93). Концептуализация является результатом классификационной деятельности человека, поскольку позволяет разделять поступающую информацию на значимые элементы (концепты) и использовать эти элементы для обеспечения логических операций. Языковая концептуализация включает совокупность способов семантического представления концептов.

Категоризация так же, как и концептуализация, классификационный процесс, но отличающийся конечным результатом. Е. С. Кубрякова пишет: «Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации — на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории» (Кубрякова, 1996, 93). Обработывая поступающую информацию, человек членит мир и выделяет классы, группы, категории и осуществляет идентификацию объектов, мысленно соотносит объект с определенной категорией. Категоризация в языке обнаруживается, в частности, в существовании различных семантических классов слов (семантических полей, тематических групп, лексико-семантических групп и др.). Например, семантическое поле «время», тематическая группа «предметы мебели», лексико-семантическая группа «глаголы движения» и т. п.

Процессы концептуализации и категоризации мира возможны на довербальной стадии развития человека, но результаты этих процессов получают объективацию в языке. Как пишет Х. Гейвин, специалист в области когнитивной психологии, «язык является итогом работы когнитивной системы человека» (Гейвин, 2003, 197). Но в языке не только репрезентируются готовые концепты и категории. Человек в процессе познавательной деятельности порождает новые концепты и даже новые категории, творит новые ментальные пространства и, следовательно, формирует значения языковых единиц, а не только получает их в готовом виде. Выявление закономерностей категоризации и концептуализации мира, отраженных в значениях языковых единиц, является основной задачей когнитивной семантики.

Глава 1

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА В ЗНАЧЕНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

§ 1. Формирование, типы и средства вербализации концептов

Одним из основных понятий когнитивной семантики является понятие концепта. Термин «концепт» возник в научной литературе в начале XX в. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (Аскольдов, 1997, 269). В отечественной лингвистике термин «концепт» начинает использоваться в 80-е и особенно активно в 90-е гг. XX в. Первоначально он употреблялся преимущественно в переводных работах и иногда заменялся словами «понятие» или «смысл» (Фрумкина, 1995, 87–89). В научной литературе сегодня существует несколько определений концепта и несколько подходов к концептуальному анализу. Одним из самых известных и часто цитируемых является определение А. Вежбицкой, данное в работе 1995 г. «Лексикография и концептуальный анализ»: «Концепт есть объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире “Действительность”» (цит. по: Вежбицкая, 1996).

Не претендуя на обзор всех лингвистических работ, посвященных концептам, считаем возможным выделить два основных подхода к концептуальному анализу, активно развивающихся в современной лингвистике, — лингвокультурологический и семантический.

Представители лингвокультурологического подхода, наряду с термином «концепт», используют его аналоги — «лингвокультурема», «логоэпистема» и вслед за Ю. С. Степановым рассматривают концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов, 1997, 40). Ученые определяют концепт как ментальное образование, об-

ладающее национальной спецификой и являющееся фактом культуры. Объектом концептуального анализа при этом становятся культурно маркированные единицы: безэквивалентная лексика, фразеологизмы, паремии, прецедентные тексты (Воркачев, 1995, 2002, 2003, 2004; Слышкин, 2000; Воробьев, 1997; Карасик, 2001; Корнилов, 2003; Красных, 2003; Маслова, 2001, 2004; Шмелев, 2002; и др.).

При семантическом подходе к исследованию концептов мыслительные образы, стоящие за языковыми знаками, выявляются путем анализа семной и семантической структур слова, характеристик его сочетаемости. Так, анализ сочетаемости абстрактных имен позволяет Л. О. Чернейко охарактеризовать их гештальтную структуру: «Стратегия концептуального анализа в описании структуры языкового знания, то есть представлений носителей языка, скрытых в имени и раскрывающихся в его сочетаемости, в обнаружении “образов содержания знака”» (Чернейко, 1997, 295). Семантически ориентированный концептуальный анализ проводится различными способами. З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают использовать полевую модель структуры концепта, которая выстраивается из анализа семантики и сочетаемости ключевого слова — репрезентанта концепта и выявления составляющих семантического поля (Попова, Стернин, 2003). Исследование семантического поля является отправной точкой моделирования структуры концепта в работах В. А. Лукина (1996), Л. Г. Бабенко (1999). При этом, конечно, не происходит отождествления концептуального и семантического уровней, семантическая информация является средством доступа к концептуальным структурам. Е. С. Кубрякова пишет: «Семантический анализ направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений... концептуальный анализ предстает как поиск тех общих компонентов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» (Кубрякова, 1998, 88).

Способы формирования концептов как «квантов структурированного знания» различны. В научной литературе отмечается, что концепты возникают в результате сенсорного и логического взаимодействия человека с окружающей его действительностью: 1) на ос-

нове чувственного опыта, то есть в результате непосредственного восприятия органами чувств; 2) на основе предметно-практической деятельности человека; 3) на основе экспериментально-познавательной деятельности; 4) на основе мыслительной деятельности, то есть в результате умозаключений, рассуждений, выводов; 5) на основе вербального и невербального опыта. Причем различные способы дополняют друг друга, а формирование полноценного знания возможно лишь в результате сочетания различных способов (Болдырев, 2000, 24–25; Попова, Стернин, 2003, 40). Рассматривая концепт как многомерное ментальное образование, В. А. Маслова считает, что каждый концепт, помимо смыслового содержания, включает в себя ряд других компонентов: общечеловеческий, или универсальный; национально-культурный; социальный; групповой; индивидуально-личностный (Маслова, 2004, 42).

Поскольку концепты заключают разные по степени абстрактности форматы знания, в теории концептуального анализа сложилась следующая типология концептов:

1. Конкретно-чувственный образ — образ конкретного предмета или явления, существующий в сознании человека (например, конкретный компьютер, телефон, автомобиль).

2. Мыслительная картинка, или представление, — обобщенный, чувственный, эмпирически представляемый образ предмета, отражающий совокупность его наглядных признаков. Например, компьютер — это устройство, имеющее процессор, монитор, клавиатуру, мышь и другие составляющие, которые фиксируются в сознании человека как его значимые элементы, хотя индивидуальные представления о компьютере могут быть различными у разных людей. Мыслительная картинка может быть репрезентирована во внутренней форме слова (например, *колокольчик* — ‘растение с цветками, по форме похожими на маленькие колокола’), может отражаться в словарных дефинициях (так, словарные дефиниции прилагательных цвета содержат отсылку к наиболее значимым объектам — носителям цветового признака, например: *белый* — ‘цвета снега, мела’).

3. Схема — образ предмета, имеющий пространственно-контурный характер (например, клавиатура компьютера — совокупность клавиш, расположенных в определенном порядке). Обычно

схема репрезентируется словами с локативной, пространственной семантикой, семантикой формы, например, *дорога, тропинка, озеро, остров, шар, куб, брусок* и т. д. Словарные дефиниции таких слов содержат указания на форму, внешний вид, очертания предметов, например: *галочка* — ‘пометка в виде двух сходящихся вниз черточек, образующих острый угол; птичка’*.

4. Понятие — это концепт, содержащий наиболее существенные признаки предмета, возникшие в результате рационального осмысления предмета и абстрагирования от второстепенных признаков. Так, Л. О. Чернейко говорит о том, что понятие возникает в результате логического конструирования концепта: «Основа понятия — логическая. Основа концепта — сублогическая» (Чернейко, 1997, 287). Понятие отражено в словарных дефинициях, например: *компьютер* — ‘устройство для автоматической обработки информации посредством выполнения заданной, четко определенной последовательности операций; ЭВМ’ (Толковый словарь русского языка конца XX в., 1998, 317).

5. Пропозиция — концепт, представляющий мыслительный образ типовой ситуации. Ядром пропозиции является предикат (носитель признака, выражающий отношения между участниками ситуации), определяющий места для актантов. Пропозиция репрезентируется в первую очередь синтаксическими средствами языка — предложениями, но в свернутом виде может содержаться в других, преимущественно в словообразовательном отношении производных языковых единицах (подробно об этом см. в главе 1, § 3).

6. Фрейм — многокомпонентный концепт, включающий совокупность данных для представления стереотипной ситуации. Термин «фрейм» первоначально использовался в исследованиях по психологии и искусственному интеллекту (М. Минский). Как лингвистический термин фрейм впервые употребляется Ч. Филлмором в середине 70-х гг. в его работе «Фреймы и семантика понимания» (переведена на русский язык в 1988 г.). Фрейм состоит из слотов, которые заполняются данными о параметрах ситуации. Например,

---

* Здесь и далее, если не отмечено иначе, словарные дефиниции даны по Большому толковому словарю русского языка (БТС) под ред. С. А. Кузнецова (СПб., 2000).

И. М. Кобозева, анализируя фрейм «зеркало», выделяет следующие слоты: схема — интерьер жилого помещения; топологический (то есть пространственный) тип — пластина; топологические элементы: форма, функции, элементы; ориентация — вертикальная; положение в схеме — параллельно стене, вплотную к ней или на незначительном расстоянии от нее; конфигурация, части, способ крепления, величина, подвижность, типовой ориентир (Кобозева, 2001).

7. Сценарий, или скрипт, — это динамически представленный концепт как последовательность сменяющих друг друга эпизодов (сцен). Термин «когнитивный сценарий», или «скрипт», используется психологами для обозначения стереотипных событий. Так, сотрудники Йельского университета Р. Шенк и Р. Абельсон под скриптом понимают организованные единицы стереотипной информации, которые создаются людьми в различных ситуациях; например, скрипт «посещение ресторана» включает ряд эпизодов: клиент входит в ресторан, ищет стол, решает, где сесть, садится, берет меню, выбирает пищу, подзывает официанта и т. д. (Андерсон, 2002, 164–165; Солсо, 2002, 237). По мнению психологов, скрипты кодируют наиболее распространенную последовательность эпизодов. Как пишет Р. Солсо, «скрипты — это “общепринятая” последовательность причинных связей. В естественном языке мы не проговариваем детально и точно последовательность причинных событий, но (обычно) даем достаточно деталей, так чтобы другой человек со сходным жизненным опытом мог понять последовательность событий» (Солсо, 2002, 526). Сценарии, или скрипты, ориентированы на динамические способы репрезентации значений, что дает основание противопоставлять их фреймам как статическим структурам. Сценарии являются способом хранения знаний о стереотипных ситуациях (например, сценарий «театр» включает ряд эпизодов: покупка билетов, посещение театра, наблюдение за происходящим на сцене, антракты и т. д., которые связываются в динамический образ — сценарий). Сценарий репрезентируется словами с процессуальной семантикой, например: *лекция, игра, ссора, экскурсия*.

8. Гештальт — это концептуальная структура, представляющая собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональ-

ные компоненты как результат нерасчлененного восприятия ситуации. Гештальт репрезентируется абстрактными именами *власть, свобода, судьба* и др. (Чернейко, 1997). А. П. Бабушкин называет их «калейдоскопическими концептами» и говорит, что их специфика заключается в «текучести», то есть в том, что они не имеют фиксированных ассоциатов, развертываясь то как мыслительная картинка, то как фрейм, то как сценарий. (Обзор существующих классификаций концептов представлен в работах: Бабушкин, 1996; Болдырев, 2001; Попова, Стернин, 2003; Рудакова, 2003; и др.)

По способности/неспособности быть выраженными средствами языка концепты могут быть вербализованными и невербализованными. Вербализованные концепты репрезентируются в языке отдельными значениями слов (ЛСВ), фразеологизмами, предложениями, грамматическими категориями. Поэтому в зависимости от характера языковой реализации концепта выделяют лексические, фразеологические, грамматические и синтаксические концепты. Невербализованные концепты не имеют языкового воплощения, однако существуют в сознании большинства носителей языка (например, в русском языке нет слова, аналогичного *week-end*, однако есть соответствующий концепт). Такие концепты называют языковыми лакунами (проблема лакунарности в когнитивном аспекте освещена в кн.: Попова, Стернин, 2003, 39–49).

По степени конкретности/неконкретности содержания выделяют конкретные (*стол, карандаш, автомобиль*) и неконкретные концепты (*воля, душа, труд*).

По субъектной отнесенности выделяют концепты индивидуальные и инвариантные, то есть существующие в определенной культуре и известные большинству носителей данной культуры (Залевская, 2001).

По акцентированию ценностного элемента плана содержания рассматривают концепты когнитивные и лингвокультурологические (Карасик, Слышкин, 2001). Лингвокультурологические концепты отличаются от когнитивных наличием ценностного отношения, сформировавшегося в определенной культуре. Такие концепты обладают национально-культурной маркированностью и включаются в концептосферу национального языка. Образцом лингвокультурологического изучения концептов является фундаментальный

труд Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (2001). Описание ряда концептов (например, *дух, душа, свобода, воля, тоска, удаля, смирение* и др.) представлено в работе А. Д. Шмелева «Языковая модель мира» (2002). Сегодня исследование лингвокультурологических концептов только начинается, например, изданы работы, посвященные национальной специфике таких лингвокультурологических концептов, как «любовь» (Воркачев, 1995), «безразличие» (Воркачев, 1997), «счастье» (Воркачев, 2004), «зависть» (Ермакова, 2000), «лень» (Левонтина, 1999), «труд» (Савенкова, 2003), «хлеб» (Синячкин, 2002), «толерантность» (Стернин, Шилихина, 2001), и других социальных, эмоциональных, нравственных концептов.

Список культурных концептов приводит В. И. Карасик (2000, 150–151). Он выделяет три типа концептов: этнокультурные (то есть актуальные для этнокультуры в целом, например, русский концепт «щедрость» или американские культурные концепты «self», «privacy», «challenge»), социокультурные (то есть существующие для той или иной группы в рамках данной лингвокультуры, например, английский концепт «dignity», обозначающий достоинство, серьезность, самоконтроль, осознание своей важности и другие черты поведения, свойственные аристократам) и индивидуально-культурные («чуждак» в художественной картине мира М. Горького) (Карасик, 2000, 140). Национальная специфика концептов выявляется в сопоставительных исследованиях, в работах по межкультурной коммуникации, в этнолингвистике. Так, Т. А. Фесенко пишет: «Концепт существует в ментальной реальности человека (его сознании) как совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций и т. д. Осознание его как ментального образования позволяет не только реконструировать ментальный мир носителя концептуальной системы, мир его психики, но и воссоздать его этнокультурный образ, его этноментальную характерологию, ибо концепт — это фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире человека» (Фесенко, 1999, 344).

С точки зрения тематики концепты включаются в различные концептосферы. Так, выделяют эмоциональные концепты (*любовь*,

радость, удивление и т. п.), религиозные концепты (*Бог, святость, грех*), социальные концепты (*толерантность, приватность, свобода, война*), нравственные концепты (*ложь, совесть, правда, добро*) и т. д.

Термин «концепт» употребляется как базовый по отношению ко всем перечисленным выше типам структур знания, репрезентированным в языке.

Таким образом, **концепт** — это мыслительная структура, которая представляет собой результат переработки человеком информации, отражающий в обобщенной форме его знания и опыт и репрезентируемый средствами языка.

§ 2. Концепт «процесс» и его репрезентация в языке

В основе концептуальной системы человека лежат такие базовые концепты, как «предмет», «действие», «признак», «количество», «процесс» и др., находящие отражение в системе частей речи. Е. С. Кубрякова пишет: «Части речи как бы прокладывают своим концептуальным содержанием некие русла, по которым течет мощный поток человеческой мысли» (Кубрякова, 1997, 5). По общепризнанному мнению когнитологов, язык не просто отражает мир, но и «создает новые ментальные пространства» (там же, 4). Особую роль в конструировании ментальных пространств играет концепт «процесс», репрезентируемый глаголами.

Специфика семантики глагола обнаруживается в выражении активного динамического процессуального признака. Глагол в свернутом виде способен отображать элементы представляемой ситуации, то есть обладает высокой валентностью. Например, в семной структуре глагола *руководить* — ‘направлять чью-л. деятельность, быть во главе чего-л.’ определены его будущие синтаксические связи. Субъектом обозначаемого глаголом действия может быть человек, организация, причем социальный статус субъекта выше статуса объекта (по определению Л. П. Крысина, это асимметрич-

ный глагол). Объектом также может быть человек (*профессор руководит аспирантами*) и организация (*руководить кафедрой*).

Рассмотрение глагола как потенциальной синтагмы восходит к концепции вербоцентрической организации предложения Л. Теньера, активно развивающейся в современной лингвистике. По мнению сторонников этой концепции, в значении глагола имплицитно присутствуют предметные имена. Так, Е. С. Кубрякова пишет: «В значении глагола явно прослеживаются следы предметности, следы связанности данного движения или действия, процесса или состояния с объектами определенных типов» (Кубрякова, 1997, 283). Следовательно, значение глагола невозможно рассматривать в отрыве от участников события. Это позволяет ученым говорить о том, что значение глагола фиксирует пропозициональные форматы знания. Например, значение глагола *ваять* — ‘создавать скульптурное изображение (из глины, камня, дерева, металла, кости и т. п.)’ включает следующие компоненты ситуации: субъект (*человек*), объект результативного типа (*скульптурное изображение*), материал (*глина, камень* и т. д.), способ (в словарной дефиниции эксплицитно не выражен) — и в свернутом виде отображает денотативную ситуацию создания материального объекта. И хотя каждая денотативная ситуация уникальна, в сознании носителей языка она подводится под определенную мыслительную схему. Например, предложения *Он конструировал модели самолетов, Архитектор проектирует здание, Писатель сочиняет рассказы* описывают различные денотативные ситуации с разными участниками, однако в основе этих ситуаций лежит общая пропозиция создания объекта, которая и получает языковую репрезентацию в представленных предложениях.

Пропозиция — это способ ментального представления обобщенной типовой ситуации в сознании человека. Ядром пропозиции является предикат (компонент, выражающий отношения между участниками события), который определяет количественный и качественный состав актантов (слов, называющих участников события) и сирконстантов (слов, выражающих обстоятельственные характеристики события). Термин логики «пропозиция» является ключевым понятием семантического синтаксиса и определяется

как «модель называемого предложением “положения дел”, как объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных значений и от тех особенностей, какие придает ему та или иная формальная организация предложения» (Белошапкина, 1997, 775). В когнитивной семантике пропозиция рассматривается как способ хранения и репрезентации знаний, как ментальная структура, которая формирует каркас будущего предложения. Причем пропозициональные форматы знания фиксируются не только предложениями, но и другими языковыми единицами. В лекции, прочитанной слушателям Международной летней школы «Новые типы словарей и их роль в сохранении национального языка и культуры» (Екатеринбург, 2000), Е. С. Кубрякова привела следующие примеры свертывания пропозиции: 1) *человек пашет землю* — пропозиция репрезентирована предикативной конструкцией; 2) *пахущий человек* — пропозиция репрезентирована словосочетанием, то есть непредикативной конструкцией; 3) *землепашец* — пропозиция репрезентирована композитом (сложным словом); 4) *пахарь* (человек, который пашет землю) — пропозиция репрезентирована производным словом. Значит, пропозиция может репрезентироваться как эксплицитными способами (предложением), так и имплицитными (в свернутом виде присутствовать в единицах с композиционной семантикой, то есть в производных словах). Процессуальное значение может репрезентироваться как глаголами, так и отглагольными формами (причастиями, деепричастиями, отглагольными существительными).

В значении глагола в свернутом виде содержится указание на участников ситуации. Это позволяет ученым определять глагол как «узел когний», поскольку глаголы, «реализуя свои валентные свойства, активизируют в голове коммуникантов когниции о познанных ими взаимосвязях между объектами внеязыковой действительности, то есть задают параметры соответствующего кадра внеязыковой действительности» (Гришаева, 1999, 20).

Таким образом, в лексических значениях глаголов и производных глагольных формах, являющихся репрезентантами обобщенного процессуального концепта, фиксируются пропозициональные форматы знания.

§ 3. Полипропозитивный характер значений социальных глаголов

Когнитивный статус глагола как носителя пропозициональной информации определяется субъектно-объектными связями, присущими глаголу. По словам А. А. Уфимцевой, «семантические отношения типа “субъект — действие” и “действие — объект” могут быть отнесены к константам сознания и являются единицами концептуальной модели мира» (Уфимцева, 1988, 119). Антропоцентрический подход к изучению семантики глагола позволяет сосредоточить основное внимание на субъектном компоненте, поскольку именно субъект является активным производителем действия, носителем процессуального признака и способен определять характер процесса, обозначенного глаголом.

С точки зрения референциальной природы субъектного компонента в русском языке выделяются глаголы, ориентированные на субъекта-человека (например, *возделывать, говорить, готовить, исполнять, конструировать, создавать, трудиться* и т. д.), и глаголы, ориентированные на другие типы субъектов: животных (*ворковать, лаять, пасться*), растения (*ветвиться, колоситься, зеленеть*), явления природы (*взойти, моросить, опустить*), предметный мир (*буксовать, засахариться, черстветь*) и т. д. Таким образом, можно говорить о двух сферах динамики бытия и соответственно о двух областях референциальной приложимости глагола: антроподинамике и натурдинамике. Большая часть глаголов представляет сферу антроподинамики, что объясняется антропоцентрической сущностью самого языка. Э. Бенвенист, давший обоснование антропоцентрической концепции изучения языка, писал: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть*, — понятию “Его” — “мое я”» (Бенвенист, 2002, 293).

Сфера антроподинамики, самая сложная по внутренней организации, делится на подсферы в соответствии с теми денотативными областями, в которых проявляется деятельность человека: радиодинамику, социодинамику, психодинамику, речединамику (Плотникова, 1999). Более подробное членение представлено в ра-

боте Ю. В. Казарина, который называет эту сферу хомодинамикой и выделяет в ней 8 зон: лингводинамику, социодинамику, манодинимику, радиодинамику, психодинамику, эмотиодинамику, физиодинамику, спиритодинамику (Казарин, 1999, 78–86). Еще раз отметим, что выделение этих сфер является фиксацией тех областей человеческой деятельности, которые репрезентируются глагольными средствами языка.

В учебном пособии подробно рассмотрены глаголы, входящие в сферу социодинамики. Именно эти глаголы называются социальными, или глаголами социальных действий и отношений. В ТИСРГ зафиксировано 780 ЛСВ социальных глаголов. Социодинамика — одна из самых сложных сфер антроподинамики, что объясняется в первую очередь экстралингвистическими факторами: общественной природой человека как субъекта общественно-исторической деятельности и многообразием видов этой деятельности. В лексике репрезентируются различные социальные роли человека, а в глагольной лексике — те ситуации общественной жизнедеятельности, в которые вовлечен человек.

Называя социальные ситуации, человек аккумулирует в языке знания о социальном устройстве мира. Одни глаголы называют общий тип социального взаимодействия (*защищать, обеспечивать, подчинять, управлять*), это базовые социальные глаголы. Например: *подчинять* — ‘ставить (поставить) в зависимость от кого-, чего-л., делать (сделать) подвластным, заставлять (заставить) действовать согласно чему-л.’ (ТИСРГ). Другие включают в значение указание на участников, обстоятельства ситуации и содержат «моторную программу» (термин Е. С. Кубряковой) выполнения действия, например: *патрулировать* — ‘защищать кого-, что-л. от нарушителей порядка, дисциплины и т. п. в определенном районе области, города в составе небольшой специальной группы от воинского подразделения, от милиции, от вневедомственной охраны’; *боксировать* — ‘противодействовать сопернику в спортивном соревновании (боксе), ведя с ним бой, отражая его удары и нанося ему по определенным строгим правилам ответные удары в течение трех или более раундов’ (ТИСРГ). В словарной дефиниции глагола *патрулировать* достаточно подробно представлена сущность патрулирования как вида защиты, определены место

и социальные роли участников, а в словарной дефиниции глагола *боксировать* определены правила игры, которая состоит из совокупности отдельных эпизодов. Такие глаголы относятся к группе глаголов комплексной семантики, то есть глаголов, способных отображать в одной лексеме последовательность сменяющих друг друга ситуаций.

Л. Г. Бабенко, исследуя глаголы — репрезентанты нескольких пропозиций, говорит о двух механизмах отображения комплекса ситуаций в семантике глагола: включении предикатных смыслов и их совмещении (Бабенко, 1997, 30–45). При включении, по ее мнению, семная структура глагола имеет «не одно, а по меньшей мере два предикативных места: позицию основного идентифицирующего предиката в статусе категориально-лексической семы и позицию включенного предиката в статусе дифференциальной семы», причем основной и включенный предикат обычно связаны логическими отношениями цели, причины, результата и следствия, образа действия и под. (там же, 43). Например, глагол *гарантировать* — ‘обеспечивать успех, качество чего-л., выполнение каких-л. условий, ограждая и защищая от чего-л. побочного, нежелательного и давая ручательство, поруку в чем-л.’ (ТИСРГ) содержит одну основную пропозицию (*обеспечивать успех*), две включенные событийные (*защищая от чего-л. нежелательного, давая ручательство*) и логическую пропозицию образа и способа действия (*обеспечивать успех как? каким образом? — защищая и давая ручательство*). При совмещении пропозиций значение глагола фиксирует несколько одновременно происходящих ситуаций. Например, глагол *отмечать* — ‘заниматься устройством праздника, торжества в честь чего-л., в ознаменование чего-л. (юбилея, праздника, окончания работ, учебы и т. п.), участвовать в празднике’ (ТИСРГ) содержит две равноправные пропозиции (*организовывать и участвовать*).

Характерной особенностью и результатом включения и совмещения пропозиций является пересекаемость социальных глаголов с другими глагольными классами, то есть один и тот же глагол входит в две и более ЛСГ. Значения социальных глаголов обычно пересекаются со значениями глаголов следующих семантических классов:

а) с глаголами речевой деятельности (*агитировать, пропагандировать, аргументировать, свидетельствовать, проспоривать, приказывать, командовать*);

б) с глаголами эмоционального состояния (*храбриться, капризничать*);

в) с глаголами состояния (*бродяжничать, тунеядствовать, нищенствовать*);

д) с глаголами физического действия (*биться, драться*).

Так, в семантике глагола *командовать* содержатся семы со значением речевого сообщения и управления объектами, причем в семной структуре глагола они имеют неравноправный статус (базовая сема 'сообщать' и зависимая сема 'управлять'), что позволяет рассматривать данный глагол как глагол с включенной пропозицией. Словарная дефиниция глагола содержит репрезентанты двух пропозиций, один из которых выражен формой глагола, а другой формами деепричастий: *командовать* — 'произносить кратко, лаконично и с особой интонацией приказ, какое-л. указание, направляя и регулируя чьи-л. действия' (ТИСРГ).

Пересекаемость социальных глаголов с глаголами других ЛСГ представлена в «Экспериментальном синтаксическом словаре» (ЭСС). Анализ словарных материалов позволяет говорить о том, что большинство социальных глаголов обладает комплексной семантикой, то есть они включают или совмещают несколько пропозиций. Например, все глаголы общественно-политической деятельности являются полипропозитивными и, по данным словаря, образуют семь совмещенных семантических моделей предложений:

1) субъект — предикат общественно-политической деятельности и согласованных действий (*коллективизировать, кооперировать, национализировать, приватизировать*);

2) субъект — предикат общественно-политической деятельности и речевого воздействия и распространения информации (*агитировать, пропагандировать*);

3) субъект — предикат общественно-политической деятельности и выбора (*баллотировать, голосовать*);

4) субъект — предикат общественно-политической деятельности и речевого общения (*заседать*);

5) субъект — предикат общественно-политической деятельности и противодействия (*конкурировать*);

6) субъект — предикат общественно-политической деятельности и отрицательного воздействия на объект (*терроризировать, дискриминировать*);

7) субъект — предикат общественно-политической деятельности и осуществления события (*отмечать, праздновать, справлять*) (ЭСС, 211–212).

Поскольку почти любое социальное действие — это процесс, разворачивающийся во времени, характеризующийся фиксированным набором участников и обстоятельств, полипропозитивный характер значений социальных глаголов обусловлен наличием у них, по образному выражению Н. Д. Арутюновой, «семантической памяти». Н. Д. Арутюнова пишет: «Значение динамического предиката — это кадр, выхваченный из киноленты жизни... Однако, будучи отдельным кадром, значение предиката содержит в себе тени прошлого, контуры ушедших в вечность положений дел, призраки былого... Предикаты типа *отомстить, отблагодарить, наказать, свести счеты, компенсировать, возместить, отругать, сделать выговор, упрекнуть, ответить тем же, извиниться* — все обозначения рикошетных акций включают в свое значение отсылку к прошлому событию как к мотиву, причине действия» (Арутюнова, 1998, 43–45). Для обозначения подобной отсылки к ситуации, предшествующей основной, обычно используется термин «пресуппозиция». Некоторые социальные глаголы содержат и отсылку к будущей ситуации, например: *провоцировать, подстрекать, побуждать, подговаривать* и т. д.

Подчеркивая фазисное распределение действия, обозначенного глаголом, на временной оси, Н. Б. Лебедева рассматривает значение глагола как ситуатему, то есть «открытую единицу плана содержания со сложной архитектурой, включающей ряд ситуаций (событий, пропозиций), маркированных лексическими и морфемно-словообразовательными элементами плана выражения глагола» (Лебедева, 1999, 5). Отличительным признаком ситуатемы Н. Б. Лебедева называет ее сегментированность и выделяет три составляющие: лексикализованную ситуацию, ретроситуацию и перспект-ситуацию. Лексикализованная ситуация — это ядро си-

туатемы, пропозиция, «попавшая в коммуникативный фокус» (Лебедева, 1999, 57). Ретроситуация и перспект-ситуация включают те пропозиции, которые связаны с основными хронологическими отношениями.

Как показывает анализ материала, большинство социальных глаголов характеризуется полипропозитивной семантикой, то есть способностью репрезентировать комплекс ситуаций. Одним из самых пропозитивно насыщенных социальных глаголов является глагол *исповедоваться*: *исповедоваться* — ‘покаяться’; *покаяться* — ‘каяться на исповеди’; *исповедь* — ‘обряд покаяния в грехах перед священником и получение от него отпущения грехов’ (ср. приведенный А. А. Уфимцевой английский глагол *to church*, обозначающий целую церемониальную ситуацию: ‘воздать публично (в церкви) молитву (о женщине-роженице) в благодарность за благополучный исход ее родов’).

Следствием пропозитивной сложности глагола *исповедоваться* являются различия в его словарных дефинициях, зафиксированных в толковых словарях:

исповедоваться — ‘признаваться в своих грехах на исповеди’; *исповедь* — ‘у христиан: признание в своих грехах перед священником, отпускающим грехи от имени церкви и Бога, церковное покаяние’ (СО);

исповедоваться — ‘покаяться (каяться) на исповеди; побывать (быть) на исповеди’; *исповедь* — ‘обряд покаяния в грехах перед священником и получения от него отпущения грехов’ (МАС);

исповедоваться — ‘каяться в грехах на исповеди’; *исповедь* — см. *покаяние*; *покаяние* — ‘одно из семи таинств, заключающееся в перечислении своих грехов на исповеди с искренним раскаянием и отпущением их священником от имени Иисуса Христа’ (Словарь православной лексики).

С позиций христианского мировоззрения исповедь является одним из семи таинств (в христианстве таинства и обряды не отождествляются, ср.: *таинства* — ‘священные символические действия, через которые невидимым и непостижимым образом подается человеку благодать Святого Духа и осуществляется связь человека с Богом. Таинства: крещение, миропомазание, покаяние, причащение, брак, священство, елеосвящение’ (Словарь православ-

ной лексики). Соответственно при характеристике данного глагола следует учитывать и реальный план (совершение определенных символических действий), и план невидимый (ментальный), поскольку в исповеди при видимом прощении от священника человек получает невидимое отпущение грехов от Христа.

Участниками ситуации исповеди являются священник (духовник), человек, пришедший на исповедь (духовное чадо), и Бог. Глагол *исповедоваться* в денотативном аспекте является полиситуативным, то есть включающим несколько ситуаций, эти ситуации, в свою очередь, тоже являются комплексными. Следовательно, с когнитивной точки зрения это полипропозитивный глагол.

Ситуация 1: человек совершает действие (поступок, слово, мысль), которое противоречит Евангельским заповедям.

Ситуация 2: человек чувствует раскаяние (раскаяние представляет собой полипропозитивную структуру, так как для верующего человека раскаяние — это осознание себя грешным, страх перед муками в вечности, которые ожидают всякого не очистившегося в этой жизни, страх перед воздушными мытарствами, ожиданием Страшного суда и самим Страшным судом).

Ситуация 3: человек принимает решение исповедаться, то есть рассказать о своем действии (поступке, слове, мысли). Эта ситуация является следствием ситуации 2 (раскаяние подвигает верующего человека к исповеди).

Ситуация 4: субъект рассказывает о своих грехах священнику, который выступает посредником между человеком и Богом.

Ситуация 5: священник отпускает грехи от имени Христа. Отпущение грехов включает несколько ситуаций: священник накрывает прихожанина епитрахилью, читает разрешительную молитву, прихожанин целует крест и Евангелие и др.

Ситуация 6: как следствие ситуаций 4 и 5 происходит изменение субъекта, причем для всех ситуаций характерен этический модус положительной нравственной оценки.

На примере глагола *исповедоваться* мы видим, что социальные глаголы способны включать в свое значение комплекс последовательно сменяющихся ситуаций, распределенных на временной оси, содержат «моторную программу» осуществления действия. Следовательно, значения таких глаголов полипропозитивны.

§ 4. Лексические значения социальных глаголов как репрезентанты процессуального знания

Исследование лексических значений слов — приоритетное направление когнитивной семантики, позволяющее по-новому взглянуть на структуры и типы лексических значений.

Традиционный семасиологический подход обращает внимание на многокомпонентность значения и внутреннюю неоднородность этих компонентов. При иерархическом подходе к лексическому значению слова, принятом в семасиологии, выделяются макрокомпоненты — крупные лексические блоки, которые определяют семантику слова (денотативный, сигнификативный, коннотативный, в некоторых работах рассматривают также эмпирический, культурный, селективный и другие компоненты), и микрокомпоненты — семы, минимальные элементарные единицы смысла (см. работы Л. М. Васильева, Э. В. Кузнецовой, М. В. Никитина, Л. А. Новикова, И. А. Стернина, Д. Н. Шмелева и др.).

В начале 90-х гг. в связи с распространением в России когнитивных идей традиционный взгляд на структуру лексического значения подвергся критике. Так, Е. Г. Беляевская писала: «...необходимо отказаться от узкого понимания лексического значения как совокупности основных и наиболее существенных признаков обозначаемого, необходимых и достаточных для его идентификации. Лексическое значение включает в себя весь комплекс знаний об обозначаемом, в том числе потенциальные и ассоциативные признаки, и представляет собой микрофрейм — особым образом организованный блок знаний об обозначаемом» (Беляевская, 1992, 5). В научных работах говорилось о том, что разложение значения слова на составляющие семантические компоненты (компонентный анализ) не учитывает роль значения в процессе функционирования, не связывает значение слова с преломленным в сознании человека опытом и знаниями о мире. Вероятно, такое категоричное отрицание предшествующих достижений было связано с формированием когнитивной семантики как самостоятельной области лингвистического знания. Сегодня ученые отмечают, что первоэлементы значения лежат в основе когнитивной деятельности человека. Так, Е. В. Рахилина указывает на близость идей Московской

семантической школы (Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук, А. К. Жолковский) и взглядов американских когнитологов (Рахилина, 2001).

Рассмотрение значения глагола с когнитивных позиций приводит к мысли о фиксации в нем знаний человека о действиях, процессах, событиях, происходящих в действительности, то есть значение глагола фиксирует процедурные форматы знания. При исследовании пропозитивного характера глагольного значения (см. предыдущий параграф) мы делали акцент на синтагматической сущности глагола и на включении в его значение нескольких пропозиций. Данные пропозиции в сознании человека определенным образом упорядочены, представляют собой определенную последовательность действий и образуют когнитивный сценарий.

Когнитивный сценарий фиксирует повторяющиеся стереотипные ситуации динамического характера. Например, этикетные ситуации приветствия, выражения благодарности, просьбы, извинения, пожелания, комплимента. В. И. Карасик пишет: «Значимые признаки этикетных ситуаций закреплены в словах, обозначающих социальное общение людей. Изучая естественную дескрипцию этикета в лексической семантике, мы раскрываем информацию о типичных проявлениях этикетного общения» (Карасик, 2002, 92). Значение глагола часто фиксирует этикетную ситуацию, отклоняющуюся от нормы. При этом отклонение от нормы может быть как в сторону ее превышения (*величать, деликатничать, церемониться, миндальничать*), так и в сторону ее несоблюдения.

В результате проведенного нами анализа глаголов, обозначающих различные типы этикетных ситуаций, выявлено, что несоблюдение нормы связано с нарушением ряда этикетных принципов:

1) нарушение принципа уважительного, почтительного поведения обнаруживается в глаголах, реализующих сценарий конфликтного речевого общения (*браниться, ругаться, дразнить, орать, улюлюкать, освистывать, грубить, дерзить, хамить*), а также в глаголах, реализующих сценарий высмеивания собеседника (*высмеивать, глумиться, ехидничать, зубоскалить, иронизировать, насмехаться, хихикать*);

2) нарушение принципа «цивилизованного поведения» (термин Т. В. Крыловой), то есть некоторых внешних, формальных ограничений свободы, реализуется в глаголах *забываться, фамильярничать, церемониться, высокомерничать*;

3) нарушение принципа доброжелательного отношения реализуется в глаголах порицания, неодобрения (*укорять, упрекать, отчитывать, придирааться, набрасываться, нападать, грозить, проклинать*);

4) нарушение принципа искреннего поведения обнаруживается в глаголах *заискивать, лебезить, прикидываться, подбодрять, подхалимничать*;

5) нарушение принципа естественного поведения проявляется в глаголах *жеманиться, кривляться, паясничать, попугаивать*;

6) нарушение принципа эмоционально-положительной тональности в речевом этикете реализуется в глаголах *сквернословить, накричать, извергать, взрываться, выпаливать, гаркать*;

7) нарушение принципа эмоционального самоконтроля зафиксировано в глаголах *бешенствовать, буйствовать, дебоширить, капризничать, неистовствовать, раздражаться*.

Следовательно, соблюдение нормы предполагает учет принципов уважительного, вежливого, почтительного, доброжелательного отношения к собеседнику, естественного, искреннего поведения и эмоционального контроля над собой, своей речью и своими поступками. Перечисляя постулаты общения, П. Грайс отмечал существование эстетических, социальных и моральных постулатов (например, постулата «Будь вежлив») (Грайс, 1985). Лексические значения перечисленных выше глаголов фиксируют нарушения нормы и, следовательно, через отображение нарушений и отклонений дают представление о норме.

Анализ когнитивных сценариев исследуемых глаголов позволяет выявить принципы вежливого, почтительного, уважительного отношения к собеседнику, сложившиеся в языковом коллективе, культурные ценности, выработанные в течение многих веков и канонизированные в правилах хорошего тона.

Этикетно-маркированные глаголы часто являются полипропозитивными, что обусловлено спецификой этикетной ситуации, состоящей из определенной последовательности действий. Например, глагол *приветствовать* — «обращаться к кому-л. при встрече с приветствием» объединяет значение речевого обращения (в словарной дефиниции репрезентантом категориально-лексической семы является маркер *обращаться*), контакта (репрезентируется

компонентом *при встрече*) и внешнего проявления отношения (*приветствие* — ‘обращение при встрече, выражающее дружелюбие, доброжелательство’). В глаголе *кланяться* — ‘делать поклон (поклоны) кому-л. в знак приветствия, почтения, благодарности’ значение внешнего проявления отношения объединено со значением изменения положения. Анализ семантики таких глаголов с выявлением когнитивных сценариев позволяет реконструировать воплощенные в языке этикетные стереотипы. Рассмотрев глаголы, обозначающие различные типы этикетных ситуаций, мы видим, что в лексических значениях социальных глаголов кодируются знания о стереотипных, повторяющихся ситуациях (ситуациях приветствия, выражения благодарности и т. п.). Анализ социальных глаголов свидетельствует о том, что наиболее значительными и сложными по внутренней организации являются сценарии поведения, победы и поражения, достижения цели, противодействия, профессионально-трудовой деятельности, принуждения, убеждения, помощи, управления. Например, когнитивный сценарий помощи состоит из следующих сцен:

1) объект находится в сложном положении (моральном или материальном) и нуждается в поддержке;

2) субъект обладает необходимыми средствами для помощи объекту;

3) субъект предпринимает какие-либо действия, прилагает усилия, чтобы помочь объекту.

Представленный в таком предельно обобщенном виде когнитивный сценарий конкретизируется в значениях глаголов, репрезентирующих ситуацию помощи. Например, в значении глагола *опекать* конкретизируется позиция объекта (недееспособные лица, дети, лишившиеся родителей, душевнобольные), в значении глагола *выручать* конкретизируется позиция обстоятельства (из тяжелого положения). В некоторых глаголах помощи когнитивный сценарий усложняется за счет увеличения числа пропозиций и конкретизации социальных ролей участников, как, например, в глаголе *консультировать* — ‘будучи компетентным, обладая авторитетом профессионала в какой-л. области, помогать кому-л., давать (дать) советы по каким-л. вопросам’ (ТИСРГ).

Идея представления значения слова как репрезентанта сценарной структуры организации знания принадлежит Дж. Лакоффу. Исследуя эмоцию гнева, он пишет: «...выражения, обозначающие гнев в американском английском, не являются случайным набором, но представляют собой область, структурированную в терминах весьма разработанной когнитивной модели, имплицитно представленной в семантике языка» (Лакофф, 2004, 527). Эту когнитивную модель Дж. Лакофф называет прототипическим сценарием гнева, в котором выделяются последовательные, сменяющие друг друга во времени этапы: событие, наносящее ущерб; гнев; попытка удержать гнев под контролем; утрата контроля; наказание (там же, 515–521).

В когнитивных сценариях социальных глаголов фиксируются не только последовательность действий, «моторная программа», но и социальные роли участников, специфика их социального взаимодействия. Так, в глаголах помощи субъект имеет более высокий социальный статус или материальное положение, вследствие чего и способен оказать содействие объекту.

Кроме того, значимым для когнитивных сценариев социальных глаголов оказывается модально-прагматический компонент, то есть оценка ситуации говорящим с позиции соблюдения или несоблюдения социальных норм. Например, представленные выше глаголы, описывающие ситуации нарушения норм этикета, содержат компоненты отрицательной оценки, зафиксированные в толковых словарях либо в виде эмоционально-оценочных помет (*попугайничать* — ‘Неодобр. Быть попугаем (во 2 знач.)’), либо в виде компонентов словарной дефиниции, непосредственно указывающих на нарушение нормы (*забыться* — ‘выйти из границ принятого, нарушить нормы поведения’). В ряде случаев модально-прагматический компонент значения выявляется с помощью методики ступенчатой идентификации. Например: *дразнить* — ‘называть в насмешку каким-л. обидным прозвищем’; *насмешка* — ‘обидная шутка по поводу кого-, чего-л.’; *обидный* — ‘содержащий в себе обиду, причиняющий обиду, оскорбительный’; *обида* — ‘оскорбление, огорчение, причиненное кому-л. несправедливо, незаслуженно’. Из такого анализа видно, что действие «дразнить» предполагает унижение, оскорбление достоинства другого человека, приводит

к обиде и оценивается как несправедливое. Модально-прагматический компонент значения особенно важен для глаголов социального поведения, которые будут рассмотрены ниже (см. § 5).

Таким образом, когнитивный сценарий — это абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закрепленными социальными ролями.

§ 5. Когнитивные сценарии социального поведения человека

Глаголы поведения относятся к периферии акциональных глаголов, поскольку обозначают не столько конкретно наблюдаемое действие, сколько «интерпретацию постоянного процесса (капризничать, лицемерить, мошенничать, лукавить, обманывать и т. п.)» (Золотова, 1998, 61–62). Следует говорить о пограничном статусе данных глаголов: обозначая интерпретацию и оценку события, они приближаются к глаголам состояния. Так, Т. А. Кильдебекова на основании грамматического признака непереходности включает глаголы поведения в класс неакциональных глаголов состояния (Кильдебекова, 1985, 60).

ЛСГ глаголов поступка и поведения в ТИСРГ насчитывает 156 единиц, объединенных базовым глагольно-именным оборотом *вести себя*. Глаголы поведения характеризуются ярко выраженными оценочными коннотациями, преимущественно отрицательными (*барствовать, беззаконничать, дебоширить, лицемерить, распутничать* и т. п.). Оценочный компонент значения лежит в основе существующих классификаций этих глаголов. Так, в словаре-справочнике «ЛСГ русских глаголов» (1988, 75–78) выделяются следующие подгруппы глаголов поведения: глаголы неестественного, самовольного, неискреннего, несерьезного, безответственного, безнравственного, бесцеремонного, неуравновешенного, нечестного, излишне расчетливого поведения. По признаку объекта оценки

О. П. Жданова выделяет в составе глаголов поведения три группы: 1) поведение, обусловленное отношением к самому себе (*хвастаться, высокомерничать, безобразничать, дурить, жадничать*); 2) поведение, обусловленное отношением к другому человеку (*выслуживаться, лицемерить, злодействовать, пакостничать*); 3) поведение, обусловленное отношением к делу (*мошенничать, плутовать, упрямиться*) (Жданова, 1997, 189–191). Представляется, что состав групп характеризуется неустойчивостью и подвижностью. Например, *лицемерить* и *притворяться* — значит вести себя и неискренне, и нечестно, и безнравственно; глаголы *бездельничать* и *дармоедничать* обозначают безответственное и одновременно несерьезное поведение, причем оно проявляется как в отношении к другим людям, так и в отношении к делу.

Еще одним основанием классификации может служить признак целевой направленности поступка и целевой характеристики поведения. С этой точки зрения лексика поведения делится на две полярные группы: 1) лексику неискренного поведения, обмана с целью скрыть свои намерения; 2) лексику открытого (демонстративного) поведения, явно обнаруживающего намерения и желания субъекта. Причем в русском языке зона лживого, неискренного поведения с целью скрыть свои замыслы или с целью получить выгоду разработана очень хорошо, в ней выделяются: а) наименования лиц: *лакей, подлиза, подхалим, лиса, лицемер, льстец, притворщик, комедиант, мистификатор, обманщик, плут, очковтиратель, приспособленец, притворщик, пройдоха, проныра, прохиндей, ловкач, проходимец, святоша, фарисей, хамелеон, шарлатан*; б) характеристики действий человека: *вилять, изменять, лебезить, лицемерить, лукавить, мошенничать, обманывать, плутовать, притворяться, хитрить*; в) наименования особенностей поведения: *вероломство, двуличие, лицемерие, козни, интриги, поза, притворство* и т. п. Данные слова чаще всего маркируются в словарях пометой «пренебрежительное». Следует отметить, что плюсом крайнего отрицательного отношения является, по данным словарей, такая разновидность обмана, как лицемерие, неискренность, притворство, это поведение может быть охарактеризовано как поведение-маска.

Противоположный этому полюс можно условно обозначить как поведение, при котором поступки соответствуют замыслу, намерениям. Это все виды несерьезного, безответственного поведения (*озорство, шутовство, безрассудство, легкомыслие, разгул, расточительство, ребячество, трюкачество*). В целом такое поведение оценивается отрицательно, хотя в отдельных примерах наблюдается даже поэтизация озорства, шалостей. Например: *Говорят, он влюблен и ни на кого не смотрит? Не знаю, а на меня уж слишком смотрел, да и на Таню, приказчикову дочь, тоже, да и на Пашу колбинскую, да грех сказать, никого не обидел, такой баловник!* (А. Пушкин); *Графиня Лидия Ивановна очень молодою восторженной девушкой была выдана замуж за богатого, знатного, добродушнейшего и распутнейшего весельчака* (Л. Толстой).

По словам О. М. Исаченко, «глаголы поведения отражают нормативный канон языковой личности, оценочность глаголов поведения лежит в сфере деонтических представлений русского человека об эталонном поведении...» (Исаченко, 2000, 5).

Данные толковых, идеографических и синонимических словарей, а также анализ контекстов позволяют выделить ключевые поведенческие концепты, репрезентируемые глагольной лексикой русского языка: 1) обман; 2) шалость, баловство; 3) лень; 4) своеволие; 5) хвастовство; 6) невежливость; 7) скупость/расточительность; 8) неестественность; 9) храбрость/трусость; 10) грех. Каждая из этих групп представляет собой концептуальную область, в которую входят лексические единицы с соответствующей семантикой. За каждым выделенным ключевым концептом поведения стоит определенный когнитивный сценарий. Цель пособия — дать характеристику основным когнитивным сценариям поведения человека и выявить специфику их репрезентации в глагольной лексике русского языка. В качестве примера рассмотрим сценарии обмана и баловства, шалостей. Анализ проводится по следующей модели:

1) выявление набора слов, лексические значения которых реализуют когнитивный сценарий;

2) выделение базового слова — репрезентанта когнитивного сценария;

3) характеристика денотативной ситуации (денотативная ситуация поведения человека включает состав участников и отноше-

ния между ними, типичные проявления поведения, мотивацию поведения, реакцию наблюдателя, которому приписывается функция оценивать ситуацию по признаку соблюдения или несоблюдения нормы);

4) моделирование когнитивного сценария: выявление состава событийных и логических пропозиций; определение временной последовательности пропозиций; характеристика позиции наблюдателя;

5) исследование способов варьирования когнитивного сценария.

Когнитивный сценарий обмана

1. Когнитивный сценарий обмана репрезентируется глаголами: *обманывать, лгать, врать* (разг.), *проводить* и *обводить* (разг.), *обходить* и *объезжать* (разг.), *оплести* (разг.), *надувать, обдурять, душить, обдуривать* (прост.), *оболванивать* (прост.), *околпачивать* (прост.), *обжуливать* (прост.), *объегоривать* (прост.), *облапошить* (прост.), *обставить* (разг.), *охмурять* (прост.), *нагревать* (прост.), *обмишуливать* и *обмишуливать* (прост.), *обитопывать* (прост.), *обувать* (прост.), *подковывывать* (прост.), *мошенничать, жульничать* (разг.), *плутовать* (разг.), *хитрить, лукавить, вилать* (разг.), *крутить* и *крутиться* (прост.), *угодничать, подхалимничать, пресмыкаться, низкопоклонничать и низкопоклонствовать* (устар.), *раболепствовать, лебезить* (разг.), *лизоблюдничать, подобоострастничать, оговорить, оклеветать, оболгать, наговаривать, запутать, подвирать* (разг.), *приукрасить* (разг.), а также глагольными фразеологизмами: *обводить вокруг (кругом) пальца* (разг.), *обувать на обе ноги, обувать в лапти, объехать на кривой (на вороньих)* (прост.), *оставлять на бобах* (разг.), *напускать туману, пускать пыль в глаза, поддевать (поймать) на удочку (на уду)* (прост.), *водить за нос, натянуть нос* (прост.), *оставлять с носом* (разг.), *оставлять на бобах* (разг.), *оставлять ни с чем* (разг.), *оставлять в дураках, втирать очки* (разг.), *залезать в (чужой) карман* (разг.), *заговаривать зубы* (разг.), *морочить/душить голову* (разг.), *вертеть хвостом* (прост.), *знать все ходы и выходы* (разг.), *выходить сухим из воды* (разг.), *прятать/хоро-*

нить концы в воду (разг.), *обводить вокруг пальца* (разг.), *играть в кошки-мышки* (разг.), *без мыла в душу лезть* (прост.).

Значительное количество языковых единиц, выражающих семантическую идею обмана, свидетельствует об особой роли данной сферы в языковой картине мира.

2. Базовое слово — репрезентант когнитивного сценария: *обманывать*. Глагол *обманывать* относится к разряду социальных реляционных глаголов и представляет сложную типовую ситуацию, состоящую из комплекса взаимосвязанных микроситуаций.

3. Денотативная ситуация обмана включает двух участников, один из которых говорит другому что-либо, не соответствующее истинному положению дел с целью ввести того в заблуждение и скрыть с помощью хитрых приемов и уловок свои истинные намерения. В денотативной ситуации присутствует мотивация поведения: действие обмана осуществляется обычно ради корыстных целей, получения какой-либо выгоды. Такое поведение оценивается всегда отрицательно и рассматривается как нарушение этических норм. Обман рассматривается как крайне отрицательный поступок.

Н. К. Рябцева, характеризуя обман с лингвокультурологических позиций, пишет: «Этика здравого смысла предупреждает, что самым опасным в поведении окружающих людей выступает обман. <...> Обман многолик, имеет множество форм и видов — обмануть можно словом и делом, явно и тайно, промолчав или не сделав обещанного. Чтобы скрыть правду или истинные намерения, человек *кривит душой, виляет, запирается, заговаривает зубы, морочит голову, пудрит мозги, втирает очки*... совершает вводящие в заблуждение поступки: *жульничает, устраивает подвохи, кормит обещаниями, плетет интриги, действует исподтишка*. <...> Обман — самый драматичный способ отношений между людьми» (Рябцева, 2000, 179–180).

Существует множество видов поведения, вводящего других людей в заблуждение, например: неестественное поведение, так называемое поведение-маска, скрывающее истинный смысл поступка (*актерствовать, кривляться, лицедействовать, притворяться, геройствовать*); нескромное поведение, при котором человек говорит о себе неправду, стараясь произвести впечатление

на других (*хвастаться, хвалиться, важничать, кичиться, пыжиться, бахвалиться*). В. А. Маслова пишет: «Нет такой сферы человеческой деятельности, где не встречалась бы ложь. Будучи сложным переплетением интенциональных, когнитивных и нравственных аспектов, ложь сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой как одной из фундаментальных бытийных ценностей» (Маслова, 2004, 221). Также она отмечает разнообразие видов обмана: «Понятие лжи, как показывает язык, является двуликим. В одной проекции ложь является злом (*подлая ложь*), а в другой — добром (*святая ложь*), потому что она может быть использована во благо: ложь разведчика, ложь врача, скрывающего от больного неизлечимую болезнь. Двуличие и лицемерие лежат в основе многих современных профессий: адвоката, строящего защиту преступника; политика, журналиста, актера, фальшивомонетчика; дипломатия также приемлет ложь в больших количествах. Более того, такие бесспорные добродетели, как любезность, вежливость, тактичность, априори содержат в себе запрет на искренность и откровенность» (там же, 222). Ложь, по мнению Х. Вайнриха, неотъемлемое свойство языка: «...языковая ложь, если понимать вещи буквально, — это большинство таких риторических фигур, как эвфемизмы, гиперболы, эллипсис, двусмысленности, виды и формулы вежливости, эмфаза, ирония, слова-табу, антропоморфизмы и т. д. Для истины в языке остается только узенькая улочка. Это, как можно предположить, простое повествовательное предложение, так любимое логикой» (Вайнрих, 1987, 46).

С позиций православного мировоззрения любой из видов обмана, в том числе и обман во спасение, осуждается. С точки зрения народной культуры, отраженной во фразеологии и паремиологии, обман способен принести материальную выгоду и нанести непоправимый моральный вред и обманутому, и самому обманщику. Двойственное отношение к обману, по данным паремиологии, возможно только в том случае, если отсутствует субъект ущерба, тогда обман превращается в оцениваемую с эстетических позиций ложь: *Красно поле рожью, а речь ложью*.

Из 1 570 рассмотренных нами прозаических контекстов только в одном дается положительная оценочная характеристика об-

мана: *Все самое очаровательное в природе и искусстве основано на обмане* (В. Набоков). Поскольку в поэтических контекстах значение слова приобретает смысловые наращения и у него возникают ассоциативно-образные смыслы, невозможно однозначно говорить о положительной или отрицательной оценке (см., например, у А. Пушкина: *И низких истин нам дороже нас возвышающий обман; Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад*).

Ситуация обмана может обрастать предметными коннотациями, например: указанием на физические характеристики — *тонкая ткань обмана, тончайший обман*; представлением обмана как субстанции, ограничивающей свободу, — *окружена обманом, освободился от обмана*.

4. Когнитивный сценарий обмана включает трех участников: *X* (субъект-агенса, тот, кто осуществляет обман); *Y* (субъект ущерба, тот, кого обманывают); *Z* (наблюдатель); предикат обмана.

В структуре когнитивного сценария обмана несколько событийных пропозиций. Выявление их возможно с помощью дефиниционного анализа, который позволяет уточнить семантику глагола: *обмануть* — ‘намеренно ввести кого-л. в заблуждение’; *вести* — ‘поставить в какое-л. положение, привести в какое-л. состояние (обычно неприятное)’; *заблуждение* — ‘см. *заблуждаться*’; *заблуждаться* — ‘неправильно думать, судить о чем-л., ошибаться в своих представлениях, суждениях’. Как показывает анализ словарных дефиниций, данный глагол относится к числу лексических каузативов: обмануть кого-либо — значит сделать так, чтобы кто-либо (субъект ущерба — *Y*) ошибался в своих суждениях, думал неправильно.

В пресуппозитивной части значения глагола содержится ситуация знания: *X* обладает определенным знанием относительно какой-то ситуации (*Y* может обладать знанием, а может не знать каких-либо обстоятельств). Далее *X* намеренно предпринимает какие-либо действия, обычно словесного характера, то есть говорит что-либо, чтобы воздействовать на *Y*. В результате намеренно, преследуя какие-либо цели, *X* вводит в заблуждение *Y*, то есть отрицает знание *Y*, дает ему другое знание, которое *Z* рассматривает как неистинное, ложное, ошибочное и квалифицирует данные действия как обман.

Позиция наблюдателя (Z) способна изменяться:

— *Он обманул преследователей* (наблюдатель — лицо, не являющееся непосредственным участником ситуации обмана, выполняющее функцию субъекта оценки и квалифицирующее данное действие как обман);

— *Я ждал тебя, а ты обманул* (в этом примере происходит совмещение ролевых функций субъекта ущерба Y и наблюдателя Z , субъект ущерба узнает об обмане и сам квалифицирует действие как обман);

— *Я обманул товарищей* (в данном случае происходит совмещение ролевых функций субъекта X и наблюдателя Z , субъект оценивает свои действия как обман).

В когнитивном сценарии глагола *обманывать* несколько событийных пропозиций:

а) две пропозиции мнения, знания: 1) X обладает знанием относительно определенной ситуации; 2) в результате обмана X думает неправильно, ошибочно, так как он обманут);

б) пропозиция воздействия, обычно речевого (Y говорит что-либо X с целью обмана);

в) пропозиция получения выгоды (X обманывает Y намеренно, с целью получения выгоды).

Все событийные пропозиции связаны причинно-следственными и результативно-следственными логическими пропозициями.

Ситуация обмана реализована, например, в следующем контексте: *В Петербурге он, разумеется, скоро бы ее отыскал, под каким бы именем она ни воротилась в Россию; да дело в том, что заграничные его агенты его ложным свидетельством обманули: уверили его, что она живет в одном каком-то заброшенном городишке в южной Германии...* (Ф. Достоевский). Представим событийные пропозиции, репрезентирующие ситуацию обмана в данном случае: Y (герой) знает, где находится N (она), однако X (заграничные агенты) отрицают его знание и дают другое знание (то есть уверяют его, что N живет в южной Германии), которое Z (здесь это автор-повествователь) расценивает как обман (*ложным свидетельством обманули*).

5. Способы варьирования когнитивного сценария. Представленный когнитивный сценарий обмана является исходной моделью,

вокруг которой группируются различные варианты. Варьирование когнитивного сценария обмана осуществляется в нескольких направлениях:

а) варьируется цель обмана: получение материальных благ, денег (*обжужливать, нагревать, обштопывать*); получение расположения другого лица (*угодничать, подхалимничать, пресмыкаться* и т. д.);

б) варьируется позиция субъекта ущерба: он может занимать вышестоящее социальное положение (*пресмыкаться, лебезить, низкопоклонничать, раболепствовать, подобострастничать*); он может характеризоваться по умственным качествам, быть наивным, простодушным (*обдурять, обдушивать, околтачивать, охмурять*);

в) уточняется способ обмана: денежная, торговая сделка (*объегоривать, обжужливать, нагревать*), ловкость, хитрость, коварство (*плутовать, хитрить, лукавить, вилять*).

При реализации значения глагола в контексте особенно актуальной становится позиция наблюдателя, дающего отрицательную оценку мотивам и результатам обмана. Например: *Воспользоваться тем, что старикашка выжил из ума, обмануть его, выйти за него, за калеку, чтоб вытащить у него его деньги и потом каждый день, каждый час желать его смерти, по-моему, это не только вздор, но сверх того, так низко, так низко, что я не поздравляю вас с такими мыслями, маменька!* (Ф. Достоевский); *Когда я понял, как Кирилл все устроил, уговорил бедную дуру, обманул нас, скрывал, лицемерил, меня схватило и стало душить чувство, еще более непереносимое, чем страх* (Ю. Трифонов). В приведенных контекстах содержится этическая оценка обмана как поступка низкого и недостойного.

Отрицательная оценка обмана содержится в словосочетаниях: глагола *обманывать* с качественными наречиями (*обмануть подло, постыдно, жестоко, немилосердно*); предикатного имени *обман* с прилагательными (*циничный, страшный, наглый, глупый, бессмысленный, губительный, ловкий, хитрейший, гнусный, искусно прикрытый цветами*). В контексте происходит фокусировка внимания на этической оценке ситуации обмана, в результате обмана человек чувствует себя виноватым, он испытывает раскаяние, стыд, угрызения совести: *В обмане этом и будет заключаться*

наше страдание, ибо мы должны будем лгать (Ф. Достоевский). Обман опасен не столько для жертвы, сколько для самого обманщика, так как обман — это страшный грех, разрушающий человека: *Человек, способный обмануть один раз, может это сделать и во второй* (А. Рыбаков).

Когнитивный сценарий баловства

1. Когнитивный сценарий шалостей, баловства репрезентируется глаголами: *шалить, проказничать, озорничать, баловаться, бедокурить, озоровать* (разг.), *шкодить* (разг.), *дурачиться* (разг.), *дурить* (разг.), *обезьянничать* (разг.), *попугайничать* (разг.), *ребячиться* (разг.), *скоморошничать* (разг.), *фиглярничать*.

Сопоставляя данные современных толковых словарей и словаря В. И. Даля, В. И. Карасик пишет: «...современное понимание шалости, проказливости и озорства в русской лингвокультуре возникло на основе смягчения более старого резко негативного отношения к такому поведению. В основе этого смыслового сдвига лежит переход от идеи причинения вреда, странного и опасного поведения к идее потешности, забавы. Такой смысловой переход отражает определенный сдвиг в ментальности: архаичное сознание сконцентрировано на результате действия, современное сознание — на мотивации этого действия» (Карасик, 2000, 193). Он также отмечает, что «озорство как показатель страстности положительно оценивается в русской лингвокультуре...» (там же, 192). Сопоставление словарных дефиниций русских и английских толковых словарей позволяет ему говорить о том, что в русских лексикографических источниках не уточняются формы проявления шалости, в отличие от английских, где шалость — это желание высмеять человека, подшутить над ближним (там же, 194–197). На основании проведенного дефиниционного анализа В. И. Карасик дает лингвокультурологический комментарий: «Психологически шалость по-русски сводится к шутовскому поведению, к ситуации полной неуправляемости собой и получения от этого удовольствия, то есть к чувству своеобразного опьянения собственной активностью, в то время как шалость по-английски — это протест против чрезмерного контроля со стороны старших, это выплески-

вание накопившегося раздражения и чувство эмоциональной разрядки, возникающей при осмеянии источника раздражения либо того, кто этот источник заменяет» (Карасик, 2000, 197).

2. Базовые слова — репрезентанты когнитивного сценария: *баловаться* и *шалить*. Действия, обозначенные этими глаголами, чаще всего соотносятся с субъектом «дети»: *шалить* — ‘играя, забавляясь, вести себя более резво, вольно и шумно, чем следует’; *баловаться* — ‘шалить, озорничать, резвиться’.

3. В денотативной ситуации шалостей и баловства фокусируется способ поведения в его отношении к норме (‘более резво, шумно, чем следует’) и оценка такого поведения. Если субъектом поведения является ребенок, то поведение оценивается с позиции взрослого человека как требующее исправления. В то же время оценка такого поведения может варьироваться от крайне неодобрительной и отрицательной до мягкой и снисходительной: *Ребенок шалил и кричал во время болезни матери, я останавливал его; сверх простой необходимости, мне казалось совершенно справедливым заставлять его стеснять себя для другого, для матери, которая его так бесконечно любила...* (А. Герцен); *Разлакомившаяся Катенька не могла накушаться, заливалась смехом и шалила, а потом, наевшись и разомлев от тепла, укрылась маминым пледом и сладко уснула на диване* (Б. Пастернак). В первом примере видно, что шалость — действие, которое приносит окружающим неудобство и поэтому требует вмешательства взрослого человека; во втором примере шалость получает положительную эстетическую оценку.

Шалости и баловство могут рассматриваться как проявление творческих способностей человека: *Дома она — ни к чему, ни ткать, ни коров доить, ни гусей пасти. Одно ей — намять синей глины и — баловаться, — сделает кошку верхом на собаке или старуху с клюкой, как живую...* *Налепит птиц, зверей, каких не бывает* (А. Н. Толстой); как уход от однообразия жизненных обстоятельств: *Несмотря на утомительные строевые занятия, на два часа ежедневного политпросвещения, бойцы, отъездившие на хуторах, начинали баловаться от избытка сил* (А. Н. Толстой).

4. Когнитивный сценарий включает двух участников: *X* (субъект, часто ребенок) и *Z* (наблюдатель, часто взрослый). Субъект

находится в постоянном движении, что доставляет ему удовольствие: *Он был резв, шаловлив в отрочестве, а когда не шалил, то занимался, под надзором отца, делом* (И. Гончаров); *Парубки шалили и бесились вволю* (Н. Гоголь); *Притворился старый хрен, по своему обыкновению, глухим: ничего не слышит и еще бранит, что шатаюсь бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам* (Н. Гоголь). В когнитивном сценарии актуализирован компонент эмоционального воздействия X (субъекта) на Z (наблюдателя) — наблюдатель воспринимает шалость как отрицательное действие, помеху для окружающих: *Зачем же ты шалишь, огорчаешь Екатерину Дмитриевну?* (А. Н. Толстой). Контексты позволяют судить о том, что в фокусе внимания оказывается этический компонент — оценка шалости, озорства, баловства как поступка, не соответствующего норме, приносящего окружающим определенные неудобства, однако отношение к такому поведению достаточно снисходительное и мягкое.

Социальные глаголы в целом, и в частности глаголы поведения, характеризуются прагматической направленностью: они обозначают «статусно маркированные ситуации» (термин В. И. Карасика), в которых субъект присваивает себе право выносить оценку. Так, рассматривая поведение, связанное с обманом, говорящий оценивает его как однозначно отрицательное и осуждает такой тип поведения. Поведение, связанное с шалостями, баловством, не всегда получает в контекстах отрицательную оценку. Этот тип поведения не считается абсолютно неприемлемым.

Таким образом, глаголы поведения, являясь репрезентантами когнитивных сценариев, отражают определенные культурно и национально обусловленные стереотипы поведения.

Глава 2

КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЗНАЧЕНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

§ 1. Основные подходы к категоризации действительности

Одним из известных когнитологов, исследующих понятие категоризации, является Джордж Лакофф. Название его книги «Женщины, огонь и опасность» (Лакофф, 2004) объясняется экзотической классификацией реалий окружающей действительности, представленной в языке австралийских аборигенов — дьирбал и исследованной Р. Диксоном. Каждое существительное в этом языке требует употребления перед ним одного из четырех слов, которые служат классификаторами предметов внешнего мира. То есть все многообразие окружающей действительности носителями языка дьирбал осмысляется в терминах четырех категорий. В одну из этих категорий входят женщины, огонь, растения, животные, боевое снаряжение, опасные рыбы. Состав других категорий также экзотичен и не поддается на первый взгляд какому бы то ни было логическому объяснению. Однако на самом деле психологическое обоснование такой категоризации существует.

Дж. Лакофф считает, что категоризация лежит в основе всех мыслительных процессов человека. Он пишет: «Не будь у нас способности к категоризации, мы не смогли бы действовать вообще, ни в физическом мире, ни в нашей социальной или интеллектуальной жизни. Понимание того, как мы осуществляем категоризацию, является необходимым для понимания того, как мы мыслим и как мы действуем, и, следовательно, необходимым для понимания того, что делает нас человеческими существами» (Лакофф, 2004, 20). Способность к категоризации у человека проявляется очень рано, а с возрастом она изменяется и приобретает более совершенный характер. Категоризация происходит неосознанно,

и человек задумывается о ее существовании лишь в проблемных ситуациях. Рассматривая эволюцию осмысления категоризации мира, Дж. Лакофф выделил три следующих основных подхода к ее изучению.

1. Традиционный подход (категория — абстрактное вместилище). Традиционная точка зрения на формирование категорий восходит к идеям Платона и Аристотеля. По мнению Платона, мы можем отличать одну вещь от другой, потому что обладаем идеей этой вещи. Познать вещь — это обладать идеей вещи, то есть знать свойства вещи, ее строение, назначение, смысл. Аристотель разграничивает существенные и несущественные признаки предмета. Для отнесения какого-либо предмета к конкретной категории и для называния его конкретным именем нужно знать существенные признаки предмета. В рамках традиционного подхода категория рассматривается как абстрактное вместилище: одни предметы входят в категорию (им присущи определенные свойства), другие — нет. Признаки традиционного подхода формулируются в работах по когнитивной лингвистике следующим образом: 1) содержание категории исчерпывается набором обязательных и наиболее существенных признаков, которыми должны обладать все члены категории; 2) все элементы категории равноправны; 3) границы категории строго определены. С точки зрения Лакоффа, классическая теория представляет собой результат умозрительных заключений и не имеет эмпирического обоснования; с течением времени она превратилась в нечто само собой разумеющееся и, не подвергаясь сомнению, долго господствовала в науке (Лакофф, 2004).

2. Подход Л. Витгенштейна (принцип «семейного сходства»). В книге «Философские исследования», анализируя понятие «игра», Л. Витгенштейн отмечал, что данная категория не имеет четких границ, поскольку невозможно определить те существенные признаки, по которым игры можно было бы отделить от не-игр. Например: настольные игры, карточные игры, игры с мячом, Олимпийские игры, лотерейные игры. Не всем из них свойственно наличие выигрыша или проигрыша, не все они связаны с получением удовольствия. Одни игры зависят от определенных умений, навыков (например, шахматы), другие — от везения (лотерея). Принцип категоризации Л. Витгенштейн назвал «семейным сходством» (по-

добно тому, как у членов одной семьи черты сходства встречаются в разных комбинациях, например, цвет глаз, телосложение, темперамент и т. п.). На примере понятия «число» Л. Витгенштейн показал несостоятельность идеи равного членства понятий внутри категории: целые числа от 0 до 9 занимают в ней центральное положение в отличие, например, от дробных чисел. Неравенство членов внутри категории позволяет говорить о более или менее типичных ее членах — о хороших и плохих примерах той или иной категории.

3. Подход Рош (прототипический). Понятие прототипа было введено в психологию в начале 70-х гг. прошлого века. Его возникновение связывают обычно с работами американского психолога Элеоноры Рош (Хайдер). Истоки этого подхода можно проследить в более ранних работах психологов. Так, в работе Н. Н. Болдырева (2000) представлено осмысление результатов психологических экспериментов. Он пишет, что в 50-е гг. два американских психолога, Б. Берлин и П. Кэй, провели следующий эксперимент: используя таблицу из 329 цветных фишек (40 цветовых оттенков восьми степеней яркости, белый, черный и 7 разновидностей серого), они просили носителей разных языков называть слова, обозначающие тот или иной цвет. Эти названия должны были отвечать следующим условиям: не быть словами иностранного происхождения, быть известными всем носителям данного языка и не замыкаться на ограниченном классе объектов, нельзя было называть, например, такие слова, как *русый* (о волосах) или *карий* (о глазах). На втором этапе эксперимента носители языка показывали фишки, которые они при любых условиях назвали бы соответствующим цветом (это были наиболее типичные образцы определенного цвета). Такие фишки называли фокусами. Оказалось, что если границы цветовых категорий у носителей разных языков и даже у носителей одного языка могут быть разными, то цветовые фокусы у всех совпадают. Это позволило сделать вывод о том, что при категоризации цветов человек выбирает определенные точки цветового пространства для ориентации. Подобные эксперименты ставили под сомнение основные положения традиционного подхода, согласно которому все члены категории обладают одинаковыми свойствами и категории независимы от человека.

В 1971–1972 гг. Э. Рош доказала в ходе экспериментов, что фокусные цвета относятся к области неязыковых знаний. Чтобы избежать влияния языковой категоризации, исследовательница привлекла в качестве испытуемых детей дошкольного возраста и людей из племени дани (жители Папуа — Новой Гвинеи), в языке которых есть только два термина цветообозначения. В результате эксперимента было установлено, что детьми лучше запоминаются, раньше усваиваются фокусные (или фокальные, как их называет Э. Рош) цвета. В другом эксперименте испытуемым показывали на 5 секунд цветную фишку и через 30 секунд после этого они должны были найти этот цвет среди примерно 160 цветных фишек. Если фишка была фокального цвета, то испытуемые отыскивали ее значительно быстрее, чем когда она была нефокального цвета.

Следовательно, фокусные (фокальные) цвета обладают особой когнитивной выделенностью и служат ядром категории цвета. Это привело к идее существования естественных прототипов, вокруг которых формируется категория цвета (Болдырев, 2000, 75–77).

В 1973 г. Э. Рош проводит эксперимент с различными типами категорий. Например, в одном из экспериментов информантам предлагалось оценить степень принадлежности к категории «птица» следующих существ: орлов, малиновок, гусей, уток, воробьев, пингвинов, летучих мышей. По результатам ранжирования в категории «птица», малиновки и воробьи были признаны типичными ее представителями, орлы — менее типичными, а куры, утки, гуси — еще менее типичными и, следовательно, занимающими место на периферии категории. Пингвины не умеют летать и, возможно, поэтому оказались на дальней периферии категории. Летучие мыши вообще не являются птицами. Член категории, признанный информантами в качестве ее лучшего примера, был назван прототипом данной категории.

Оценивая концепцию Э. Рош, Дж. Лакофф пишет: «Она разработала методику экспериментов для исследования категорий физических объектов. Во всех случаях были обнаружены явления асимметрии (названные *прототипическими эффектами*): испытуемые оценивали некоторые члены категории как в большей степени представляющие категорию в целом, чем другие члены. Например,

малиновки рассматривались как более характерные представители категории ПТИЦА, чем куры, пингвины и страусы, и стулья для того, чтобы сидеть за столом, — как более репрезентативные члены категории СТУЛ, чем качающиеся стулья (кресла-качалки), парикмахерские стулья...» (Лакофф, 2004, 64–65).

Результаты таких экспериментов доказали, что человек воспринимает категорию как имеющую центр (наиболее типичные члены категории) и периферию (менее типичные члены категории).

Таким образом, учеными были сформулированы основные принципы прототипического подхода:

— Элементы категории неравноправны, они имеют центр и периферию.

— Центральные, самые типичные элементы воплощают наиболее характерные признаки категории и называются прототипами.

— Принадлежность объекта к той или иной категории определяется его сходством с прототипом.

— Прототипические элементы одной категории максимально отличаются от прототипических элементов других категорий.

— Границы между категориями могут быть нечеткими. (Например, Мак-Клоски и Глакберг проводили эксперимент, связанный с категорией «насекомое». Все испытуемые соглашались, что муха — это насекомое, а вот по поводу пиявки 30 % считали, что это насекомое, 17 % к насекомым ее не относили, остальные затруднились с ответом.)

Итак, в психологическом понимании **прототип** — это лучший образец категории.

§ 2. Структура прототипической категории и виды прототипов

Идея прототипов получила огромный резонанс в лингвистике. В работе 1998 г. Е. В. Рахилина пишет: «...прототип остался в статусе неформального понятия (впрочем, в лингвистике это не единственный случай) и сугубо теоретического. Скептик мог бы понизить его до научной метафоры, но это не меняет дела: прототип

уже довольно долго “держится на плаву”, не исчезая из лингвистического узуса» (Рахилина, 1998, 286).

Сегодня можно говорить о том, что понятие прототипа является ключевым для описания семантических категорий и языковых значений. В лингвистике прототипический подход получил развитие в работах Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, Р. М. Фрумкиной и др.

Описание значения слова в рамках прототипического подхода строится следующим образом. Со словом соотносится его прототип, описание которого представляет собой пучок (кластер) семантических признаков. Кроме прототипа, выделяется периферия, представляющая собой различные отклонения от центрального понятия. Например, Дж. Лакофф так анализирует слово *мать*. Мать — женщина, которая родила ребенка, отдала половину своих генов будущему ребенку, вынянчила его, является женой его отца, принадлежит к поколению, непосредственно предшествующему поколению ребенка, и является законным блюстителем интересов ребенка; это прототипическое значение не покрывает случаев узуальных употреблений, находящихся на периферии языкового сознания: *мачеха*, *приемная мать*, *суррогатная мать*, *биологическая мать* (Лакофф, 1988, 42). Прототип представляет собой объединение всех возможных признаков, причем в каждом конкретном употреблении может реализоваться только часть из них.

В лингвистике существуют понятия, связанные с понятием «прототип». Это инвариант, общее значение, семантический примитив. Рассмотрим их соотношение.

По определению А. В. Бондарко, *и н в а р и а н т* — это признак или комплекс признаков изучаемых системных объектов (языковых и речевых единиц, классов и категорий), который остается неизменным при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием исходной системы с окружающей средой (Бондарко, 2002, 159). Например, формы совершенного и несовершенного вида глагола выступают как варианты по отношению к инварианту — категории вида в целом. Рассматривая соотношение понятий «инвариант» и «прототип», А. В. Бондарко пишет: «...инвариант — это прежде всего системный — глубинный — источник воздействия на подчиненные ему варианты. Он отражает исходно-системную сторону взаимодействия системы и среды. Инвари-

анты часто не являются интенциональными, они далеко не всегда включаются в сферу актуального смысла... Прототипы по своей природе интенциональны. Они неразрывно связаны с актуальным сознанием участников речевого акта» (Бондарко, 2002, 265–266). Следовательно, можно говорить о неизменности и стабильности инварианта. В отличие от инварианта, прототип меняется со временем, он обусловлен концептуальной картиной мира, характеризуется национально-специфичными чертами. По мнению Ч. Филлмора, прототип, в отличие от инварианта, обладает признаками размытости, неустойчивости в наборе компонентов, а теория «задает для категории ее прототипический каркас, но в то же время допускает вариативность и возможность неполного удовлетворения этих условий, заданных в прототипе критериев» (Филлмор, 1983, 30).

Сопоставлению инвариантов и прототипов посвящена работа Н. Н. Болдырева (2003). Он пишет: «...инвариант — это понятие скорее гносеологического плана, в то время как прототип — понятие онтологического уровня. Следовательно, они связаны с разными направлениями классификационного процесса — в сторону обобщения (инварианты) и в сторону конкретизации (прототипы). <...> Инвариант — это определенное понятие, результат теоретического мышления. В качестве прототипа, однако, может выступать и конкретно-чувственный образ, и некоторая схема, и определенный стереотип, идеал, типичный образец и т. д. Иначе говоря, инварианты существуют только на ментальном уровне, то есть свойственны только концептуальным, языковым категориям, а прототипы обнаруживаются как в естественных, так и в языковых категориях» (Болдырев, 2003, 56–57).

В лексической семантике термин «инвариант» используется и при рассмотрении многозначности. Общая часть значений многозначного слова называется инвариантом или общим значением.

В истории науки общее значение как то общее, что существует между значениями многозначного слова, признавалось не всеми исследователями. Так, Е. Курилович расценивал общее значение как абстракцию. В качестве иллюстрации он приводит пример со словом *осел*: 1) ‘животное’; 2) ‘глупый или упрямый человек’ (Курилович, 1962, 246). В общем определении значения данного

слова, по мнению Е. Куриловича, должны отпасть частные признаки ‘животное’ и ‘человек’, вместо которых подставится понятие ‘живое существо, глупое и упрямое’. Но слово *осел* вряд ли употребляется в применении к другим животным.

Термин «общее значение» используется в современных учебниках по лексикологии. Например, анализируя в своем учебнике 4 значения слова *вода*, Л. А. Новиков пишет о наличии общего, инвариантного значения этого слова, которое присутствует во всех других его значениях и может быть представлено как H_2O (Новиков, 1999, 197).

Итак, общее значение — это инвариант значений лексической единицы.

В когнитивной семантике наличие общего значения признается, но сущность данного феномена получает несколько иное объяснение, чем в лексикологии. Возьмем, например, глагол *крутить*. В словаре (БТС) зафиксировано 9 самостоятельных его значений:

‘1. что или чем. Приводить в круговое или вращательное движение; вращать, вертеть. *Крутить педали велосипеда. Крутить руль.*

// Быстро поворачивать из стороны в сторону. *Крутить головой.*

2. что. Разг. Воспроизводить снятый на пленку фильм или записанную на ленту (пластинку) музыку, пение и т. п. при помощи соответствующего аппарата, устройства. *В этом кинотеатре крутят старые ленты.*

3. что. Вертя, туго свивать. *Крутить пряжу. Крутить папироску.*

4. что. Связывать, стягивать. *Крутить руки кому-л.*

5. что. Придавать вихревое движение чему-л., вздымая, кружить. *Ветер крутит пыль на дорогах.*

6. без доп. Взметать, кружить снег, пыль и т. п.; мести. *Метель крутит.*

7. Распоряжаться по своему усмотрению, командовать. *Она им крутит, как хочет.*

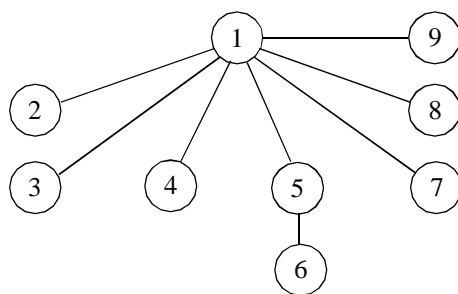
8. Разг. Избегать прямого ответа с помощью каких-л. уловок; хитрить. *Ты не крути, говори прямо.*

9. что с кем. Разг. Находиться в любовных отношениях. *Крутить роман с кем-л.’*

Совершенно очевидно, что значения многозначного глагола семантически удалены друг от друга и обозначают различные по характеру действия: физические (1, 3, 4-е значения), социальные (2, 7, 8, 9-е значения) и природные процессы, не зависящие от человека (5-е, 6-е значения). Глагол *крутить* обладает высоким потенциалом словообразовательной и семантической деривации, о чем свидетельствуют, в частности, значения глаголов *крутиться*, *накрутить*, *раскрутить*, представленные в Словаре общего жаргона.

В основном значении глагол *крутить* относится к ЛСГ кругового и вращательного перемещения объекта. На когнитивном уровне он репрезентирует следующий сценарий: субъект (человек, живое существо) приводит в движение объект (предмет, прикрепленный к оси и способный двигаться кругообразно) по заданной окружностью траектории вокруг точки закрепления с какой-либо целью.

Связь значений — радиально-цепочечная. Схема:

Развитие значений глагола *крутить* связано со специализацией элементов исходного сценария. Специализация позиции объекта приводит к возникновению ряда значений: объект — фильм, пленка, пластинка (2-е значение), объект — часть тела (оттенок 1-го значения). Актуализация цели и способа действия способствует возникновению 3-го и 4-го значений. Утрата специализации объекта приводит к изменению способа перемещения объекта и объясняет появление 5-го значения. В 6-м значении, непосредственно образованном от пятого, происходит специализация объекта и включение его в значение глагола (*метель крутит* — в значение глагола включен объект «снег»).

Метафорическое значение (*крутить* — ‘распоряжаться по своему усмотрению’) обусловлено каузативной ситуацией в основном значении (‘приводить в движение объект’) и характером движения объекта (перенос с «заданной окружностью траектории» на «заданное кем-л., чьими-л. приказами, распоряжениями поведение»). Связь кругового движения с обманом и хитростью (*крутить* — ‘избегать прямого ответа с помощью уловок’), по всей видимости, обусловлена архаическими представлениями о круговом движении (Мечковская, 2000). Метафора «любовные отношения — движение по кругу» (9-е значение глагола) не всегда получает отрицательные коннотации (*крутить любовь, крутить роман*) и вряд ли восходит к 8-му значению, связанному с обманом. Скорее основой переноса является заданная траектория движения, объединяющая движение по кругу и любовные отношения. Возникновение жаргонного значения ‘крутить деньги’, по мнению авторов Словаря общего жаргона, связано с быстрым движением по кругу, при котором предмет удаляется из поля зрения и тут же возникает снова (СОЖ, 1999, 84). Представляется, что более важным при метафорическом переносе является не позиция наблюдателя, а характер действия: оно связано с идеей движения, при котором происходит увеличение объекта и, следовательно, получение прибыли, ср. противоположные смыслы: ‘хранить деньги’ (*деньги лежат*, то есть находятся в ситуации без движения) и ‘пустить деньги в оборот’ (то есть заставить их двигаться, работать).

Таким образом, мы видим, что, несмотря на далекие семантические расстояния и неочевидные семантические связи между значениями глагола *крутить*, существуют такие прототипические элементы когнитивного сценария, которые объясняют развитие значений этого многозначного глагола. В отличие от общего значения, прототип — это ментальная структура, концепт, структурирующий категорию в целом.

Не следует отождествлять понятия «прототип» и «семантический примитив», относящиеся к принципиально разным терминологическим категориям. В отличие от прототипа, являющегося единицей концептуального уровня, семантический примитив — единица лексико-семантического уровня языка. Семантические примитивы — это универсальные и простые слова, кото-

рые можно найти в любом языке. По мнению А. Вежицкой, их около 60. Например: 1) я, ты, кто-то, что-то, люди, тело; 2) этот, тот, другой; 3) один, два, некоторые, много, все; 4) хороший, плохой, большой, маленький; 5) думать, знать, хотеть, чувствовать, видеть, слышать; 6) сказать, говорить; 7) существовать, иметь; 8) жить, умереть и т. д. (Вежицкая, 1996). Такие слова характеризуются предельно обобщенным, абстрактным значением.

Рассмотрев соотношение понятий «прототип», «инвариант», «общее значение», «семантический примитив», можем дать следующее определение прототипа.

Прототип — это концепт, являющийся эталонным репрезентантом категории. Для прототипа характерны следующие черты:

1) прототип является мысленным образом предметов, который обусловлен представлениями о типичном и конструируется людьми, закрепляется в их сознании;

2) прототип является способом восприятия мира, это тот инструмент, с помощью которого человек справляется с бесконечным числом стимулов, поставляемых действительностью;

3) прототип организует категорию и является ее структурным ядром (ср.: «прототип — когнитивный ориентир категории», «прототип — это концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание»; Болдырев, 2003, 56–57).

И. М. Кобозева предлагает выделять прототипический денотат и прототипический сигнификат, что является попыткой соединить психологические и лингвистические признаки прототипа (Кобозева, 2000, 160).

Прототипический денотат — это типичный, эталонный представитель класса. Например, типичная птица — воробей.

Прототипический сигнификат — это набор свойств, характеризующих прототипический денотат. Например, прототипический сигнификат слова *птица* складывается из признаков: 1) имеет крылья, перья; 2) кладет яйца; 3) имеет пару лапок; 4) умеет летать; 5) не хищник; 6) не домашняя; 7) умеет петь.

Множество объектов, которые обозначаются словом *птица*, размыто. Поэтому его значение не надо описывать в виде конечного списка признаков-критериев, которые должны быть у всех объектов, обозначенных данным словом. Значение слова *птица*

следует описывать как прототипический каркас, то есть набор свойств прототипического денотата.

В психологической и лингвистической литературе выделяют следующие виды прототипов:

1. Стереотипы — типичные примеры, эталоны. Например, типичный фрукт — яблоко, типичная птица — воробей. Такие прототипы имеют достаточно стабильный характер и могут быть выявлены в результате экспериментов.

2. Социальные стереотипы — представление о типичных социальных чертах. К социальным стереотипам относят, в частности, этностереотипы, то есть обобщенные представления о типичных чертах, характерных для какого-либо народа, например: типичный японец трудолюбив, вежлив; типичный француз галантен; типичный немец педантичен, экономен. Они достаточно подробно изучены (Красных, 2003; Рахилина, 2000; Шмелев, Шмелева, 2002; и др.).

Социальные стереотипы могут включаться даже во внутреннюю форму слова. Так, в итальянском языке слово *pantofolaio* — ‘лентяй’, образовано от существительного *pantofole* — ‘домашние тапочки’, то есть буквально оно обозначает человека в домашних тапочках. В русской же культуре образ лентяя ассоциируется прежде всего с халатом и диваном — возможно, сказывается влияние литературного образа Обломова.

3. Идеалы — абстрактные идеальные образцы. Так, по данным эксперимента, проведенного американскими психологами, идеальный муж хорошо зарабатывает, верен жене, внушает уважение, а стереотипное представление о муже — скучный, толстый бездельник.

4. Образцы — отдельные представители категории, которые воплощают категорию в целом, например: Плюшкин — образец скупости, Обломов — образец лени, Робин Гуд — образец храбрости. По словам Д. Б. Гудкова, «стереотипная ситуация может апеллировать к конкретной ситуации, обретающей статус прецедентной и оказывающейся эталоном для ситуаций такого типа вообще... Очевидна связь таких абстрактных имен и прецедентных имен, как, например, *предательство* — *Иуда*, *грех* — *Адам*, *лень* — *Обломов*, *скупость* — *Плюшкин*, которую (связь) показы-

вает “Ассоциативный тезаурус русского языка”» (Гудков, 2003, 180). Прототипические образы могут быть включены в словарную дефиницию. Например, в словаре «Тысяча состояний души» дается следующая дефиниция слова *лицемерие*: «...неискренность, притворное чистосердечие и доброжелательность, нередко как склонность, доставляющая индивиду скрытое удовольствие... действие в целях прагматической выгоды. Классические образцы лицемеров — Тартюф в одноименной комедии Мольера и Иудушка Головлев в “Господах Головлевых” М. Салтыкова-Щедрина» (Тысяча состояний души, 2003, 83).

Пока в отечественной лексикографии нет словаря прототипов. Но задача его создания учеными уже осознана. Так, исследователи проблемной группы «Русский глагол» под руководством Л. Г. Бабенко работают над идеографическим словарем синонимов, в котором выделяется семантическая зона прототипа синонимического ряда. Например, Л. Г. Бабенко следующим образом представляет прототипическое значение слова *бродяга*: «БРОДЯГА — плохо одетый человек, не имеющий возможности и желания хорошо одеваться, живущий в непригодных для человека условиях: подвалах, канализационных люках, лесных шалашах, вокзалах, подъездах и под.» (Бабенко, 2002, 6).

В Лаборатории информационных лингвистических технологий Института лингвистических исследований РАН создан Толковый словарь русского языка под редакцией Д. В. Дмитриева, словарные дефиниции которого ориентированы на прототипическое представление значения слова (хотя когнитивный подход авторами словаря не декларируется). Например, значения глагола *вздыхать* толкуются следующим образом: ‘1. Когда вы вздыхаете, вы делаете несколько вдохов и выдохов, сопровождая их звуками или словами (*ох, ах* и т. п.), потому что вы хотите выразить какое-то чувство (обычно сожаления, переживания и т. п.). 2. Если вы вздыхаете по какой-то прошлой ситуации, значит, вы очень сильно грустите из-за того, что не можете вернуть это. 3. Если вы вздыхаете по кому-то, значит, вы влюблены в этого человека’ (Толковый словарь русского языка, 2003, 62).

Для лексикографической презентации прототипов, конечно, необходимо комплексное исследование их природы.

§ 3. Когнитивные основания классификации глагольной лексики

Языковые категории могут быть рассмотрены с точки зрения прототипического подхода. Когнитивной основой частеречной классификации является прототипический принцип. Рональд Лангакер пишет: «Существительное — это знаковая структура, служащая обозначению концепта “вещь”» (цит. по: Кубрякова, 1997, 145). То есть прототипом существительного является легко выделяемое в пространстве физическое тело. Сложнее определить прототип глагола, поскольку глагол обозначает процессуальный признак. О прототипическом признаке глагола прекрасно сказал выдающийся отечественный лингвист М. В. Панов: «Язык не воспроизводит мир пассивно-безучастно. Он его активно преобразует по своим законам. Глаголом мир превращен в движение» (Панов, 1999, 131).

Прототипами категории глагола как части речи являются акциональные глаголы (Кубрякова, 1997; Болдырев, 2000). Как пишет Н. Н. Болдырев, «эти глаголы выражают события, в которых конкретный субъект-агнс совершает конкретное намеренное действие, направленное на конкретный объект-пациенс, и добивается определенного видоизменения этого объекта. Все другие глаголы располагаются на том или ином удалении от прототипического ядра, концептуализируя события окружающего мира как **процессы** (не зависящие от энергии и воли субъекта), **свойства** (характеристики субъекта по характерным для него действиям и поступкам), **состояния** (психические и эмоциональные состояния, физические и умственные способности и т. д.) и **отношения** (различные типы логических отношений: тождество, различие, соответствие, партиципальность и т. д., — которые устанавливаются говорящим между теми или иными объектами материального мира)» (Болдырев, 2000, 102).

По мнению многих исследователей, в значении акциональных глаголов ведущим является признак активности действия. В соответствии с этим признаком глаголы выражают действия, направленные на объект и вызывающие изменение объекта (например, *писать сочинение, варить суп, мыть тарелки, копать землю, ломать стену* и т. п.). По мнению Г. А. Золотовой, акциональные

глаголы обладают признаками активности, целенаправленности действия, совершаемого, как правило, лицом или живым существом, потенциальной наблюдаемостью действия и способностью к конкретной временной локализации (Золотова, 1998, 61). Т. А. Кильдебекова к перечисленным выше добавляет признак каузативности, выражающийся в подавляющем большинстве акциональных глаголов (Кильдебекова, 1985, 45).

Ориентируясь на признаки акциональных глаголов, Г. А. Золотова представляет семантическую типологию глаголов в виде поля, ядром которого являются акциональные глаголы, то есть глаголы конкретного физического действия, перемещения, речевого действия, социального действия (Золотова, 1998, 61–77). К приядерной зоне относятся глаголы ментальных действий, восприятия, эмоциональных, физиологических действий, в меньшей степени характеризующиеся наблюдаемостью и целенаправленностью действия. К ближней периферии относятся глаголы состояния и реляционные глаголы. Все акциональные и неакциональные глаголы способны функционировать в основной глагольной роли — роли предиката предложения. К дальнейшей периферии относятся неполнознаменательные глаголы, например: *быть, являться, определять, обуславливать* и под.

Значение одного и того же действия может быть выражено различными способами. Например: *гордиться — испытывать гордость; победить — одержать победу; проверять — проводить проверку*. По признаку соответствия/несоответствия отображаемого категориального значения основному категориальному значению той или иной части речи Г. А. Золотова выделила изосемические и неизосемические слова (1998, 109–110). Например, изосемические существительные — *окно, дерево, книга*, неизосемические — *белизна, красота, множество*; изосемические глаголы — *бежать, бить, говорить*, неизосемические — *желтеть, становиться, удвоить*.

Таким образом, способ представления концептуального содержания глагола, при котором оно репрезентируется акциональными глаголами, является изосемическим. Соответственно акциональные глаголы мы будем называть изосемическими, поскольку

именно в них концентрируются основные концептуальные признаки глагола как части речи. Эти признаки, на наш взгляд, хорошо сформулированы в работах Н. Н. Болдырева: активность (использование субъектом собственной энергии для осуществления действия), волитивность (наличие у субъекта определенного намерения совершить данное действие), контролируемость (способность контролировать процесс реализации своего намерения, то есть получение предполагаемого результата), результативное воздействие на объект, при котором происходит видоизменение объекта, локализованность во времени, фазовая дискретность (делимость на фазы: начало, конец, середина действия), кратность действия (однократность, многократность, повторяемость) (Болдырев, 2000, 102–103). Изосемический или неизосемический характер репрезентации процесса в значении глаголов является одним из оснований классификации глагольной лексики и выделения акциональных и неакциональных глаголов.

Когнитивный анализ глагола предполагает также выявление его связей с тем фрагментом процессуально-событийного мира, который данным глаголом обозначается. Исследованию этих связей способствует, на наш взгляд, концепция пространственной организации глагольной лексики, разрабатываемая Л. Г. Бабенко (Бабенко, 1997, 1998, 1999).

Л. Г. Бабенко выделяет семантическое, денотативное и концептуальное пространства русского глагола: «Семантическое пространство русского глагола — это совокупность глагольных семем, структурно организованных в семантические комплексы, включающие в свой состав категориально-лексическую и дифференциальную семантику всех глаголов одной лексико-семантической группы слов. <...> Концептуальное пространство русского глагола представляет собой набор ключевых концептов процессуально-событийного мира. <... > Денотативное пространство русского глагола — это процессуально-событийный мир, каким он осознается носителями русского языка. Он имеет яркую национально-специфическую окраску...» (Бабенко, 1998, 8–10). Опираясь на теоретические представления о пространственной организации глагольной лексики, Л. Г. Бабенко разработала модель когнитив-

ного анализа глаголов, входящих в одну лексико-семантическую группу, которая включает: а) выявление слов — репрезентантов концепта; б) исследование семантического комплекса глаголов одной ЛСГ; в) характеристику когнитивно-пропозициональных структур (Бабенко, 1999). Эта модель приложима к анализу как акциональных, так и неакциональных глаголов.

Представим, как работает данная модель, на материале социальных глаголов, относящихся к одной лексико-семантической группе. В качестве примера возьмем ЛСГ глаголов защиты.

По данным ТИСРГ, ЛСГ глаголов защиты включает 28 ЛСВ, объединенных общей типовой семантикой: ‘защищать (защитить) кого-л., что-л. от опасности, беды, чего-л. нежелательного, чьих-л. враждебных действий, используя различные средства защиты’. Базовым глаголом — репрезентантом семантической идеи ЛСГ является глагол *защищать* — ‘охраняя, ограждать (оградить) кого-, что-л. от посягательств, нападения, неприязненных или враждебных действий, опасности и т. п.; син. *бороться, отстаивать*; ант. *нападать*’. Данный глагол выступает также в качестве репрезентанта категориально-лексической семы: с его помощью в ТИСРГ семантизируются все рядовые члены ЛСГ.

Категориально-лексическая сема уточняется набором дифференциальных сем, которые, повторяясь в различных комбинациях в глаголах данной группы, образуют семантический комплекс. Анализируя в качестве примера глаголы движения, Л. Г. Бабенко пишет: «Совокупность семантических признаков, регулярно повторяющихся в различных, порой уникальных, комбинациях в семемах глаголов движения, выявляемая путем их обобщения и абстрагирования, и представляет собой семантический комплекс глаголов движения» (Бабенко, 1999, 29). Семантический комплекс глаголов защиты включает следующие компоненты: 1) субъект защиты: *человек, группа лиц, животное* (обычно *собака*), *предметы*; 2) объект защиты: *человек, объекты материальной и интеллектуальной собственности*; 3) контрагентс или контрсила: *человек (противник)*, *какие-л. неодушевленные объекты*; 4) способ: *отражая нападение, стреляя, споря* и т. д.; 5) место: *в определенном районе* (например, *патрулировать*); 6) время: *во время войны* (на-

пример, *оборонять*); 7) цель: *сохранить, обезопасить, оградить от чего-л.*

Обобщение семантических компонентов, выявление частотности их репрезентации в значениях глаголов позволяет представить когнитивно-пропозициональную структуру глаголов защиты: субъект — предикат — объект — контрагенс (контрсила) — цель — способ.

Глаголы защиты, включая базовый глагол *защищать*, являются полипропозитивными и содержат несколько взаимодействующих по принципу включения пропозиций.

По мнению Л. Г. Бабенко, «семантика полипропозитивных глаголов содержит знания о регулярных связях различных процессов в действительности и, следовательно, о пересекаемости концептосфер» (Бабенко, 1999, 47). Полипропозитивность глаголов, по ее мнению, ведет к их поликонцептуальности.

Семантический анализ глаголов одной ЛСГ, как считает Л. Г. Бабенко, способствует выявлению соответствующего концепта. Моделируя концепт глагола, она выделяет: ядро — базовый глагол, номинирующий концепт, и его когнитивно-пропозициональную структуру; приядерную зону — основные варианты лексической репрезентации когнитивно-пропозициональной структуры; ближайшую периферию — совмещенные динамические признаки, заключенные в семантике полипропозитивных глаголов одного семантического класса; дальнейшую периферию — ассоциативно-образное представление концепта, которое присутствует в семантике глаголов с переносными значениями (там же, 39–42). Причем структура концептуального пространства и объем его частей будут зависеть от степени разработанности того или иного семантического фрагмента.

При переходе от анализа когнитивно-пропозициональной структуры к выявлению элементов когнитивного сценария следует отметить, что все глаголы ЛСГ защиты являются ретроспективно направленными: защита всегда возникает как результат предшествующего ей нападения, враждебных или опасных действий со стороны противника. Именно эта ретроспективная направленность детерминирует полипропозитивный характер значений глаголов защиты.

Поскольку в роли субъекта и объекта защиты могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные субстанции, обозначим их условными символами *X* и *Y*. Контрагенс, чьи действия направлены против *X*, или контрсилу, противодействующую *X*, обозначим соответственно символом *N*. Наблюдатель, который квалифицирует действия контрагенса как опасные и способные принести вред *X*, обозначим символом *Z*.

Таким образом, глаголы защиты включают две событийные пропозиции, образующие когнитивный сценарий:

— Событийная пропозиция 1: *N* совершает или потенциально может совершать в отношении *X* действия, которые *Z* рассматривает как опасные, вредные для *X*. В словарных дефинициях глаголов такие действия чаще всего обозначают словом *посягательство*. Данная пропозиция по отношению к основной пропозиции защиты на денотативном уровне представляет ретроситуацию.

— Событийная пропозиция 2: *X* защищает *Y* от *Z*. На денотативном уровне данная ситуация конкретизируется в зависимости от целей, способов и средств защиты. Например: *караулить* — ‘защищать кого-, что-л. от чьего-л. нападения, посягательств, враждебных действий, следить за сохранностью кого-, чего-л., выполняя обязанности сторожа’, конкретизируются позиции субъекта (*сторож*), цели (*с целью сохранить*), причины (*от нападения, посягательств, враждебных действий*); *парировать* — ‘защищать в полемике, споре, отстаивая свое мнение, взгляды, отражать (отразить) чьи-л. нападки, доводы и т. п., представляя бесспорные возражения сразу, быстро, мгновенно, словно отбивая удар противника’, конкретизируются позиции способа действия (*представляя бесспорные возражения*), цели (*отстаивая свое мнение*), обстоятельств действия (*в полемике, споре*), скорости действия (*сразу, быстро, мгновенно*). Рядовые члены ЛСГ обладают большей пропозитивной насыщенностью, так как включают событийные пропозиции, указывающие на способ и цели защиты, а также ряд логических пропозиций результативного и причинно-следственного характера.

Таким образом, анализ когнитивного сценария глаголов ЛСГ защиты позволяет говорить о наличии у глаголов этой лексикосемантической группы прототипического значения, которое в наи-

более обобщенном виде репрезентировано типовой семантикой ЛСГ и семантикой базового глагола. Рядовые члены ЛСГ удалены от прототипического ядра, что объясняется варьированием и конкретизацией таких элементов когнитивного сценария, как агенс, контрагенс, цель и способ защиты.

§ 4. Уровневый подход к семантической категоризации глаголов

Концепцию Э. Рош, о которой говорилось в начале второй главы, обычно называют теорией прототипов и категорий базового уровня. Изучая в конце 70-х гг. прототипические эффекты, Э. Рош обнаружила, что прототипические эффекты задают внутреннюю структуру категорий.

Исследовательница предложила трехуровневую систему категоризации объектов действительности, которая включает:

- 1) суперординатный уровень (уровень высшего порядка);
- 2) базовый уровень (центральный);
- 3) субординатный уровень (уровень нижнего порядка).

Э. Рош полагает, что восприятие и категоризация объектов осуществляются благодаря наличию базового уровня. Интерпретируя идеи Э. Рош, Н. Н. Болдырев пишет: «К этому уровню относятся концепты, обозначаемые такими словами, как: стол, кресло, книга, ручка, собака и т. п. Они требуют наименьших когнитивных затрат при их восприятии и обработке и поэтому легче и быстрее усваиваются, запоминаются в первую очередь. На этом уровне человек, сталкиваясь с недискретностью естественного окружения, действует наиболее эффективно. Именно на этом уровне опыта материального взаимодействия с окружающим миром мы четко проводим различия между кошкой и собакой, розами и гвоздиками, книгами и тетрадями. Однако стоит опуститься на уровень ниже или подняться на уровень выше, и вещи становятся значительно сложнее. Гораздо труднее отличить один вид собаки от другой, чем кошку от собаки, или выделить их общие характеристики» (Болдырев, 2000, 86).

В основе выделения категорий базового уровня лежат четыре дифференциальных признака, или, как их называет Дж. Лакофф, четыре эффекта базового уровня:

1) особенности восприятия: объекты, относящиеся к базовому уровню, имеют внешне воспринимаемые очертания, одиночный ментальный образ и поэтому легко осознаются и быстро идентифицируются;

2) наличие особых функций, то есть общей «моторной программы», системы действий, которые могут быть произведены по отношению к данному объекту;

3) особенности коммуникации: категории базового уровня репрезентируются в языке частотными и контекстуально нейтральными словами, которыми в первую очередь овладевают дети и которые составляют основу словарного запаса языка;

4) организация знания: на базовом уровне хранится большая часть знаний о той или иной категории (Лакофф, 2004, 72–73).

Следует сказать, что в научной литературе хорошо исследованы прототипические эффекты базового уровня. Суперординатный и субординатный уровни оказываются лишь зафиксированными, однако их специфические признаки, насколько нам известно, подробно не описаны.

Таким образом, любая категория представляет собой иерархическую структуру. Причем в основе иерархии лежит принцип психологической релевантности базового уровня. Прототипические эффекты получают воплощение в языковой категоризации. Дж. Лакофф пишет: «Данные относительно природы языковых категорий послужат вкладом в общее понимание когнитивных категорий в целом. Поскольку язык имеет чрезвычайно развитую категориальную структуру и поскольку языковые явления столь разнообразны и многочисленны, изучение категоризации в языке будет одним из основных источников данных о природе структуры категорий вообще» (Лакофф, 2004, 86–87).

Рассмотрение семантической классификации глагольной лексики в аспекте теории уровневой категоризации действительности позволяет говорить о существовании когнитивных оснований выделения семантических классов и групп слов.

Основой семантической организации глагольной лексики считаются лексико-семантические группы слов (ЛСГ) — группировки слов одной части речи, характеризующихся общностью категориально-лексической семы (КЛС) (Кузнецова, 1989, 73). Например, ЛСГ глаголов влияния, убеждения, подчинения, помощи. ЛСГ объединяются в семантические поля, выделяемые на основе семантических суперклассификаторов. Три семантических поля — «Действие», «Состояние», «Отношение» — образуют макропарадигмы семантической классификации. Внутри каждой ЛСГ могут быть выделены микропарадигмы, в которых слова, помимо общей КЛС, объединены уточняющими ее общими дифференциальными признаками (ДП). Например, в составе ЛСГ глаголов контакта выделяются две дифференциально-семантические группы: глаголы согласованных действий (*договариваться, знакомиться, сговариваться, условливаться* и др.) и глаголы расположения к контакту (*задабривать, прикармливать, приручать* и др.).

Сказанное проиллюстрируем на примере организации фрагмента семантического поля глаголов отношения:

Уровень 1 — семантическое поле «Отношение».

Уровень 2 — ЛСГ защиты и базовый глагол *защищать*.

Уровень 3 — дифференциальные группы: защита от военного нападения (*оборонять, отбиваться, отстреливаться, отражать, оттаивать*), защита мнения в споре (*отражать, оттаивать, парировать*), защита с целью сохранения (*караулить, охранять, стеречь, сторожить*) и т. д.

На языковом уровне базовому уровню категоризации действительности соответствует ЛСГ. Каждая ЛСГ характеризуется наличием базового слова-идентификатора, воплощающего когнитивный сценарий. Например, ЛСГ защиты имеет идентификатор *защищать*, ЛСГ влияния — *влиять*, ЛСГ управления — *управлять*, ЛСГ звучания — *звучать* и т. д.

Признаки ЛСГ и ее базовых идентификаторов, выделенные в работах Э. В. Кузнецовой, соответствуют, на наш взгляд, признакам базового уровня, обозначенным в работах когнитивных психологов. Так, Э. В. Кузнецова пишет: «...для большинства ЛСГ типично наличие базовых слов, которые олицетворяют семанти-

ческое единство группы и обладают в качестве таковых определенными свойствами. Как правило, они являются наиболее употребительными; так, глагол *брать (взять)*, являющийся базовым для ЛСГ глаголов приобщения объекта, зафиксирован в 4 227 фразах из 20 тысяч фраз, в которых передана ситуация приобщения объекта. Это значительно превышает употребительность остальных глаголов данной группы» (Кузнецова, 1989, 76–77). Базовый глагол и рядовые члены ЛСГ характеризуются часто однотипной семантической сочетаемостью, общими условиями функционирования. Семантическая идея, выраженная в базовом глаголе, получает конкретизацию в рядовых глаголах. Сходство базового слова и рядовых глаголов обнаруживается и в сфере эпидигматических отношений: зачастую они развивают однотипные вторичные значения.

Все эти признаки свидетельствуют о базовом статусе ЛСГ в когнитивном, психологическом и лингвистическом отношении. Рассматривая ЛСГ с точки зрения когнитивной семантики, Л. Г. Бабенко отмечает: «...в семантике базовых идентификаторов “минимизированы”... знания об отображаемой действительности, в них свернута и обобщенно репрезентирована семантика всех единиц ЛСГ, передается идея класса (классовая семантика), что существенно для категоризации мира» (Бабенко, 1998, 6).

Представим опыт когнитивного анализа, доказывающий, как нам кажется, базовый статус ЛСГ. В качестве примера возьмем глаголы ЛСГ победы и поражения (например, *возобладать, завладеть, лидировать, обыгрывать, одолевать, осиливать, побеждать, превосходить, протпоривать, сдаваться* и др.).

Глаголы победы и поражения, относящиеся к семантическому классу социальных глаголов, на когнитивном уровне репрезентируют ситуацию, включающую двух субъектов (контрагентов) и предикат победы/поражения. Прототипическая ситуация может быть охарактеризована следующим образом: субъект 1 преодолевает сопротивление, оказываемое субъектом 2, одерживает верх над субъектом 2, и субъект 2 терпит поражение. Данная прототипическая схема программирует набор участников ситуации победы и поражения, а также отношения между ними. Процессуальный подход

к значению глагола позволяет рассматривать прототипическую ситуацию ЛСГ победы и поражения как сценарий, состоящий из нескольких сцен. Пресуппозитивная часть включает сцену конфликта участников (контрагентов), который каузирует интенсивные действия субъекта 1. Центральной в ситуации борьбы является сцена преодоления субъектом 1 сопротивления со стороны субъекта 2.

Перспективизация, то есть фокусировка внимания на отдельных элементах сценария, позволяет выделить две подгруппы глаголов: многочисленную группу глаголов победы (*возобладать, восторжествовать, выигрывать, завладевать, одолевать, опережать, побеждать, побороть, превозмогать* и т. д.) и группу глаголов поражения (*проигрывать, проспоривать, сдаваться*). Глаголы победы и глаголы поражения отображают одну и ту же ситуацию с противоположными ролевыми структурами, то есть являются семантическими конверсивами. Закономерно и связано с особой значимостью позиции активного субъекта то, что в русском языке получает лексико-семантическое воплощение именно ситуация победы и в меньшей степени представлена ситуация поражения.

Базовый глагол ЛСГ победы *победить* и базовый глагольно-именной оборот со значением поражения *терпеть поражение* выражают основную семантическую идею класса и задают когнитивный сценарий ситуации победы и поражения, который варьируется в значениях рядовых членов ЛСГ.

Основным механизмом варьирования когнитивного сценария, как показывает анализ материала, является развитие образных схем.

В когнитивной лингвистике общепризнанным является тот факт, что в основе понятийной системы человека лежат образные схемы (образ-схемы, топологические схемы, топологические типы). Понятие образной схемы (*image schema*) было предложено М. Джонсоном для обозначения типовых пространственных моделей, применимых к описанию многих языковых единиц. Образная схема понимается им как «повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту» (цит. по: Ченки, 2002, 347). Таковы, например, следующие схемы:

вместилище, препятствие, путь, контакт, часть — целое (эти и другие схемы охарактеризованы в работе: Лакофф, 2004, 355–365). Каждая из подобных схем восходит к физическому опыту человека и элементарным пространственным структурам. Ссылаясь на М. Джонсона, А. Ченки пишет: «Суть вместилища — это **граница**, отделяющая **внутренность** от **внешней среды**. Обычно вместилище защищает свое содержимое от внешнего мира. Понятие вместилища определяет базовое различие между *в* и *из*. Мы понимаем само тело как вместилище... мы сами постоянно входим во вместилища и выходим из них. Примеры таких вместилищ — одежда, здания, машины и т. п. Но мы также понимаем состояния как вместилища или места: можно *упасть в обморок*, *быть в бессознательном состоянии* и потом *прийти в себя*. Такое “движение” и “местонахождение” метафорическое, а не буквальное» (Ченки, 2002, 346–347).

Использование образных схем определяет, по мнению Дж. Лакоффа, структуру категорий и типы категорий (Лакофф, 2004). Впрочем, мы не будем подробно останавливаться на концепции Дж. Лакоффа и специфике идеализированных когнитивных моделей и типах категорий, так как теоретическое осмысление этих идей изложено в ряде работ (Беляевская, 2000; Болдырев, 2000; Рахилина, 2000; Скребцова, 2000).

Образные схемы активно применялись при изучении пространственных ситуаций, воплощенных в языке; известно, например, множество исследований по семантике пространственных предлогов. Приведем некоторые примеры: предлогу *over* посвящена работа Дж. Лакоффа (Лакофф, 2004, 538–594), сопоставление английского предлога *above* и итальянского *sopra* проводится в статье Дж. Тейлора (Taylor, 1998, 299–402); в ряде работ Л. Янда анализируются английские пространственные предлоги; семантическая сеть для предлогов *через* и *сквозь* представлена в работе Е. В. Рахилиной (Рахилина, 2000, 264–283). Понятие образной схемы используется и при рассмотрении других языковых единиц, например, Е. С. Кубряковой исследован концепт «контейнер» (Кубрякова, 1999). Представляется, что понятие «образная схема» может быть применено для рассмотрения социальных глаголов, поскольку, как

известно, мы понимаем абстрактные концепты через призму конкретного физического, сенсомоторного опыта.

Анализ глаголов ЛСГ победы и поражения позволяет говорить о том, что в основе ситуации победы/поражения лежит образная схема «преодоление препятствия». В роли препятствия может выступать физическая или интеллектуальная сила другого человека или группы людей (*побороть, пересиливать, обыгрывать, опережать, переспоривать, сламывать*), какое-либо естественное препятствие (*осиливать, преодолевать, форсировать*), болезнь (*одолевать, перебарывать, выкарабкиваться*), чувство, состояние, желание (*превозмогать, перебарывать, преодолевать, подавлять, совладать*). Ситуация поражения, представленная в основном метафорическими глаголами, иллюстрирует схему невозможности устранения препятствия, что метафорически осмысливается как повреждение, гибель субъекта (*лопаться, проваливаться, прогорать, погореть, раздавливать*) или как невозможность движения (*погрязнуть, увязнуть, провалиться*). Интересно, что метафоры победы и поражения имеют пространственную семантику: победа осмысливается как движение вверх (*выкарабкиваться, вылезать*), а поражение — как движение вниз (*провалиться, погрязнуть, увязнуть*). Таким образом, центральную роль в построении ЛСГ победы и поражения играют трансформации образной схемы «преодоление препятствия», при которых происходит фокусирование внимания на одном из аспектов схемы, аспекте препятствия.

ЛСГ победы и поражения построена по радиальному принципу: в значениях рядовых членов ЛСГ репрезентируется единый для всей группы когнитивный сценарий, в основе которого лежит образная схема «преодоление препятствия». Следовательно, можно говорить о том, что в основе ЛСГ победы/поражения лежит прототипический принцип организации. В значениях глаголов — рядовых членов ЛСГ происходит актуализация отдельных компонентов сценария. Так, в ряде глаголов актуализируются компоненты значения, связанные с денотативной сферой, в которой осуществляется победа (*обыгрывать — в игре; лидировать — в конкурсе, соревновании; переспоривать — в споре; побороть — в бою, войне, сражении; и т. д.*). В других глаголах более значимым ста-

новится реляционный аспект, связанный с отношениями превосходства одного субъекта над другим (*превосходить, опережать*). А в глаголе *форсировать* происходит специализация когнитивного сценария с включением в значение глагола указания на характер преграды (*форсировать* — ‘Воен. Преодолевать с боем какой-л. рубеж или естественное препятствие, чаще водное’; ТИСРГ).

Таким образом, в основе ЛСГ победы и поражения лежит когнитивный сценарий, представляющий собой определенную конфигурацию компонентов (сцен), которые, варьируясь в различных комбинациях, образуют дифференциально-семантические группы. Одним из механизмов развития когнитивного сценария и соответственно формирования структуры ЛСГ является развитие образных схем.

ПОЛИСЕМΙΑ СОЦИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

§ 1. Когнитивная специфика семантической деривации социальных глаголов

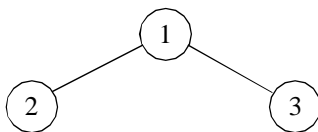
Когнитивные принципы, в первую очередь прототипический подход, начинают последовательно применяться в современной лингвистике при изучении полисемии и способствуют рассмотрению ее в новом аспекте. По словам Г. И. Кустовой, «сам факт существования полисемии есть главное доказательство когнитивной природы этого явления. Полисемия является следствием того, что для обозначения новых предметов, явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек НЕ изобретает НОВЫХ знаков, а использует уже существующие, приспособлявая их для выполнения новых функций. Человек понимает новое, неосвоенное через освоенное и известное, извлекая из исходных значений определенные семантические модели и распространяя их, а точнее, “подводя” под них новые элементы опыта» (Кустова, 2001, 8).

С традиционной точки зрения, отраженной в классических работах и учебниках по лексикологии (Апресян, 1995; Новиков, 1982; Уфимцева, 1986; Шмелев, 1964), полисемия (или многозначность) рассматривается как наличие у слова нескольких значений — лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Совокупность ЛСВ образует семантическую структуру слова — иерархически организованную и исторически сложившуюся систему значений, среди которых выделяется ядро — основное, прямое номинативное значение и периферия — совокупность производных, вторичных значений. Семантические отношения между ЛСВ называются эпидигматическими, а соответствующий им аспект лексико-семантической структуры — эпидигматикой. М. В. Никитин пишет:

«...принятие полисемии равнозначно признанию того факта... что слово не имеет жестко очерченного круга связанных с ним концептов. Его значение подобно гравитационному полю со сгущением масс и тесным их взаимодействием в центре и ослабевающими к периферии силами тяготения, способными, однако, захватить и вовлечь в свою орбиту, хотя бы на время, те или иные концепты» (Никитин, 1988, 67).

Изучение структурно-семантических связей между ЛСВ приводит исследователей к идее существования топологических типов многозначности (Апресян, 1995, 182–183). Если все значения связаны с одним и тем же основным, центральным значением, то мы имеем дело с радиальной полисемией. Например, глагол *ввалиться*, по данным Словаря Ожегова, имеет 3 значения: '1. Упасть внутрь, вглубь (о ком-, чем-н. тяжелом); 2. Войти (о ком-н. грузном или шумном); 3. Стать впалым, втянуться внутрь'. Оба производных значения (2-е и 3-е) связаны с первым:

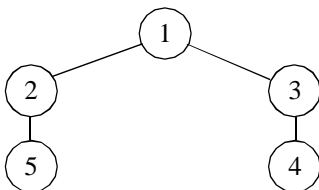
Общими семантическими компонентами, связывающими 1-е и 2-е значения глагола, являются категориальная сема движения относительно конечной точки и специализированная субъектная позиция (что-либо тяжелое — что-либо грузное или шумное). Семантический компонент 'направление движения' (репрезентированный в словарной дефиниции наречием *внутри*) объединяет 1-е и 3-е значения глагола.

Если каждое из значений связано с предыдущим, ближайшим значением, то следует говорить о цепочечной полисемии, которая, как отмечают ученые, встречается нечасто. Такой тип полисемии представлен, например, в глаголе *болеть*, имеющем, по данным Словаря Ожегова, следующие значения: '1. Быть больным, переносить какую-н. болезнь. 2. Сильно беспокоиться, постоянно тревожиться, остро переживая что-н. 3. Будучи чьим-н. сторонником, поклонником, остро переживать его успехи и неуда-

чи'. В данном глаголе 1-е и 2-е значения связаны метафорическим переносом, а 3-е значение образовано в результате сужения второго:

Самым распространенным топологическим типом является радиально-цепочечная полисемия. Например, так выглядит схема многозначного глагола *разыграть* ('1. Играя, исполнить или разучить (музыкальное произведение, театральную пьесу). 2. Перен. Представить, изобразить собой. 3. Сыграть, привести игру к концу. 4. Распределить, присудить посредством лотереи, жребия. 5. Подшучивая над кем-н., поднять на смех, одурачить'):

В основе семантических связей значений лежат такие типы переносов, как метафора и метонимия. Напомним: метафорический перенос основан на сходстве по какому-либо признаку (*персидский ковер* — *снежный ковер*, сходство формы и расположения; *взломать сейф* — *взломать компьютерную сеть*, сходство действия и т. д.), метонимический — на смежности (*вымыть тарелку* — *съесть тарелку супа*).

При отсутствии семантических связей между ЛСВ, обладающими тождественной формой, говорят об омонимии. К проблеме разграничения омонимии и полисемии обращались многие исследователи (В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев и др.). Основным признаком, позволяющим разграничивать эти явления, ученые называют степень семантической близости значений. Так, Ю. Д. Апресян пишет: «Лексическая многозначность будет определена через понятие сходства значений. Значения a_i и a_j слова A называются сходными, если существуют

такие уровни семантического описания, на которых их толкования (семантические деревья) или коннотации имеют нетривиальную общую часть, и если она выполняет в толкованиях одну и ту же роль относительно других семантических компонентов» (Апресян, 1995, 186). Тем не менее в лексикографической практике, как неоднократно отмечалось, нет единообразия в разграничении омонимии и полисемии.

Другой проблемой, не имеющей однозначного решения, является проблема разграничения значений многозначного слова. М. В. Никитин предлагает использовать для их разграничения совокупность методов: 1) дистрибутивный метод (анализ сочетаемости); 2) метод субституции (замещения синонимами); 3) метод перевода на другие языки (Никитин, 1997, 211–224). В то же время он отмечает: «Нельзя исследовать значение, не обращаясь к тому, как люди понимают мир, что знают о нем, что делают в нем и как к нему относятся... Значения как когнитивные единицы сознания непосредственно обусловлены структурой действительности и человеческого опыта. Они выявлены и разграничены в сознании с той степенью четкости, с какой разработан в опыте соответствующий участок человеческой действительности» (Никитин, 1988, 67). Поэтому ученый делает вывод о невозможности существования единого формального метода, позволяющего однозначно разграничивать все значения многозначного слова.

Систематизируя различные подходы к изучению полисемии, существующие в науке, следует сказать, что когнитивному пониманию полисемии предшествовали инвариантный и списочный подходы. В основе инвариантной теории значения лежит идея существования у многозначного слова инвариантного (общего) значения. Противники такого подхода считают, что инвариант — слишком абстрактное описание, под которое трудно подвести все ЛСВ многозначного слова. При списочном подходе к полисемии, нашедшем отражение в толковых словарях, возникает вопрос о том, «каким образом человек вообще ориентируется в этом множестве и почему все это разнообразие покрывается одной единицей» (Рахилина, 2000, 361).

Не отрицая полностью инвариантный и списочный подходы, когнитивная семантика предлагает свои варианты решения проблемы полисемии. Е. В. Рахилина пишет: «...сеть или цепочка

значений для когнитивной семантики — это только начало теории полисемии; самое главное — возможность если не предсказать, то объяснить разнообразие значений... Следовательно, важнейшей задачей когнитивной семантики оказывается описание *типов* и *способов* перехода от одного значения к другому; делается это на материале разных языков и разных значений — лексических, словообразовательных, грамматических — в предположении, что здесь действуют общие семантические механизмы» (Рахилина, 2000, 363).

Рассмотрим специфику семантической деривации социальных глаголов. Но прежде чем обратиться к анализу способов семантической деривации этих глаголов, то есть к динамическому аспекту многозначности, охарактеризуем их семантическую парадигму в статическом аспекте.

Семантическая парадигма любого многозначного слова (полисеманта) включает иерархически организованную совокупность ЛСВ. В отличие от глаголов конкретного физического действия, характеризующихся широко развитой многозначностью и вследствие этого привлекающих внимание ученых — специалистов в области эпидигматических связей, социальные глаголы имеют в среднем от двух до пяти ЛСВ.

Рассматривая значение социального глагола как самостоятельную структуру, мы определяем принадлежность каждого ЛСВ к семантической группе. В большинстве случаев все ЛСВ исследуемых глаголов отображают социальные действия или отношения. Например, в БТС выделено 5 значений глагола *организовать*: '1. Создать — создавать, основать — основывать, учредить — учредить. *О. спортивное общество* [ЛСГ создания объекта]. 2. Подготовить — подготавливать и осуществить — осуществлять, наладить — налаживать. *О. экспедицию, экскурсию, выставку* [ЛСГ осуществления]. 3. Разг. Достать — доставать, добыть — добывать или приготовить — приготавливать для кого-л. *Организуешь нам билеты на концерт?* [ЛСГ получения объекта в свое распоряжение]. 4. Объединить — объединять, сплотить сплавлять людей для какой-л. цели. *О. студентов для уборки картофеля* [ЛСГ глаголов влияния]. 5. Внести — вносить во что-л. известный порядок, планомерность, упорядочить — упорядочивать. *О. труд, досуг* [ЛСГ обеспечения]'. Все ЛСГ глагола *организовать* связаны со сферой социальных действий и отношений.

Пополнение сферы социальных действий и отношений происходит за счет метафоризации конкретных глаголов. Как известно, именно с помощью метафоры мы осмысливаем абстрактные понятия, какими являются понятия социальной сферы. Так возникают многие значения социальных глаголов, например: *завязать* — ‘Перен. Установить, начать (какие-л. связи, взаимные действия)’.

Реже глаголы социальной сферы образуют производные значения «несоциального» характера. Таковы, например, 2, 3 и 4-е значения глагола *заклЮчить*: ‘1. Лишить свободы, помещая под арест, под надзор и т. п. [ЛСГ лишения свободы]. 2. Поместить внутрь чего-л. [ЛСГ помещения объекта]. 3. Закончить, завершить [ЛСГ конечной фазы бытия, состояния]. 4. Сделать вывод, построить умозаключение [ЛСГ интеллектуальной деятельности]. 5. Официально условившись, договорившись о чем-л., принять приглашение, условие и т. п. [ЛСГ взаимосвязи]’. В данном глаголе собственно социальными следует признать 1-е и 5-е значения.

Таким образом, все социальные глаголы можно разделить на глаголы постоянных семантических классов (все значения глагола отображают действия социального характера) и на глаголы подвижных семантических классов.

Ограничения в семантической деривации социальных глаголов объясняются, на наш взгляд, полипропозитивным характером их значений: эти глаголы репрезентируют несколько пропозиций и отображают сложную денотативную ситуацию с закрепленным набором участников и другими фиксированными признаками. Кроме того, значения социальных глаголов характеризуются абстрактностью, препятствующей возникновению метафорических и метонимических переносов.

§ 2. Прототипическое значение глагола-полисеманта и развитие образ-схем

Значение слова не следует рассматривать как набор элементарных семантических признаков, которые обязательно присутствуют в значении. В когнитивной семантике принята точка зрения, согласно которой значению слова соответствует его мыслительный

аналог — прототип. По словам М. А. Кронгауза, «прототипическое значение может быть абстракцией, которая никогда не реализуется в конкретном контексте. Его центральная роль обусловлена тем, что именно оно связывает семантическую сеть. Конкретное значение языковой единицы возникает в результате применения к прототипическому значению определенных и регулярных операций» (Кронгауз, 2001, 314).

Рассматривая прототип как «естественный источник семантического материала для производных значений», Г. И. Кустова выявила основные факторы, влияющие на развитие значений, механизмы и стратегии семантической деривации (Кустова, 2001). Это наиболее полное известное нам когнитивное исследование полисемии в аспекте моделей, способов, механизмов семантической деривации. Причем в центре внимания Г. И. Кустовой находятся неметафорические производные значения глаголов физического действия, характеризующихся широко развитой многозначностью. Лингвистами изучены также отдельные способы развития значений: сдвиг диатезы и смещение акцентного статуса компонента (Е. В. Падучева), категориальные сдвиги актантов (Р. И. Розина), трансформации образ-схем (К. И. Гилярова и др.). Внимание исследователей привлекают и механизмы образования метафорических значений, это одно из приоритетных направлений когнитивной семантики, сложившееся под влиянием работ Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Задача системного описания многозначности реализуется в системе «Лексикограф» — компьютерной базе данных по семантике русского глагола (Кустова, Падучева, 1994). Основой данной концепции служит идея существования регулярных и воспроизводимых связей между значениями многозначного слова. Е. В. Падучева пишет: «Путь к восстановлению единства слова мы видим в описании общих моделей (семантических дериваций), которые преобразуют одно значение в другое. Весь набор значений полисемантического слова предстает при этом как иерархическая система, в которой значения связаны друг с другом. Но этого мало: иерархия становится деревом деривационных связей; значения выводятся одно из другого (и в конечном счете возводятся к общему корню) последовательностью применений тех или иных

моделей деривации. Моделей деривации много, но все-таки не бесконечно много. И главное — они воспроизводимы: применимы ко многим словам, иногда к сотням и тысячам слов» (Падучева, 2004, 14).

Мы предположили, что процессы, связанные с изменением когнитивного сценария глаголов одной ЛСГ, должны совпадать с варьированием лексико-семантических вариантов в семантической структуре многозначного глагола.

Принимая позицию Г. И. Кустовой, в соответствии с которой «исходное значение слова как способ концептуализации некоторой ситуации внеязыковой реальности предоставляет говорящим своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций, подводимых (в той или иной мере) под эту схему» (Кустова, 2000, 104), покажем на примере анализа многозначного глагола *одолеть* варьирование когнитивного сценария победы.

В основном значении данный глагол является репрезентантом прототипической ситуации победы (*одолеть врага, неприятеля, противника*). Действие субъекта направлено вовне, на противодействующую силу. В «семантической памяти» глагола содержится указание на существование конфликта между участниками: *одолеть* — ‘победить, осилить в борьбе’ (борьба предполагает активное противодействие ее участников, стремящихся победить, уничтожить друг друга и поэтому оказывающих друг другу сопротивление). Противодействующая сила (другой участник борьбы) становится препятствием, требующим преодоления.

При развитии производных значений глагола происходит трансформация препятствия: если в основном значении препятствием является человек, то в производных значениях препятствием становится любой неодушевленный объект физического или интеллектуального характера: *одолеть* — ‘2. Осилить, преодолеть что-л., требующее физических усилий, труда’. Например, *одолеть перевал, подъем, лестницу, дорогу*. Интересно, что препятствие мыслится как пространственный объект, ориентированный вертикально (*подъем*) или протяженный (*дорога*). Ситуация преодоления препятствия описывается через схему движения вверх (*одолеть перевал, подъем, лестницу* означает ‘подняться’). В анализируемых

значениях глагола важен активный и наблюдаемый характер действия.

Изменение характера препятствия в рамках той же образной схемы преодоления ведет к образованию производных метафорических значений. Так, специализация значения относительно типа препятствия приводит к возникновению производного значения глагола *одолеть* — ‘преодолев трудности в изучении, освоении, овладеть чем-л.’ Например: *одолеть нотную грамоту, итальянский язык*. При этом вместе с изменением преграды происходит фокусировка внимания на психологическом факторе, то есть *одолеть трудности в изучении* — это превозмочь какие-либо интеллектуальные препятствия или сопротивление внутренних обстоятельств. Те же процессы наблюдаются при образовании другого значения глагола *одолеть* — ‘преодолеть, побороть (какое-л. чувство)’. В данном значении чувство, эмоциональное состояние негативно-го характера (*одолеть страх, тревогу, волнение, застенчивость*) мыслится как препятствие, мешающее человеку (положительное чувство или эмоциональное состояние не может быть препятствием, ср.: **одолеть счастье, радость, храбрость*).

Сдвиг диатезы формирует новое значение глагола, в котором субъект теряет признак активности и становится носителем состояния, которое полностью охватывает и побеждает его: *одолеть* — ‘охватить кого-л., всецело овладеть кем-л. (о каком-л. состоянии)’. Например: *одолела зевота, бешенство, сон одолевал, старость одолевает* и др. Сдвиг диатезы представляет собой в данном случае преобразование по конверсии, то есть изменение ролевой структуры участников при сохранении того же когнитивного сценария (*человек одолел сон — сон одолел человека*).

Семантическая парадигма значений глагола *одолевать* представляет собой поле с сильно центрированным ядром, так как при развитии значений и при употреблении глагола в контексте происходят модификации когнитивного сценария преодоления препятствия.

Таким образом, развитие когнитивного сценария многозначного глагола *одолеть* и трансформация образной схемы «преодоление препятствия» идет в соответствии с теми же механизмами, которые действуют при развитии когнитивного сценария и образной

схемы ЛСГ победы и поражения в целом. Такая корреляция в организации семантических парадигм разного статуса (ЛСГ как межсловной парадигмы и семантической структуры глагола как внутрисловной парадигмы) объясняется наличием общих моделей языковой категоризации мира.

§ 3. Актантные трансформации глагола-полисеманта

Л. Теньер, исследовавший ролевую структуру предложения, метафорически назвал глагольный узел «маленькой драмой» и отвел актантам роль ее актеров. Ученый выделил трех основных участников действия: «того, который осуществляет действие», «того, который испытывает действие», «того, в чью пользу совершается действие» (Теньер, 1988, 124).

В современной научной литературе уточняется классификация актантных компонентов и расширяется область применения термина «актант».

Ч. Филлмор в построении падежной грамматики руководствуется тем, что «предложение в своей глубинной структуре трактуется как состоящее из глагола и одной или более именных групп, каждая из которых связана с глаголом определенным падежным образом» (Филлмор, 1981, 405). Он выделяет следующие падежи: агентив, инструменталис, датив, фактитив, локатив, объектив (там же, 405–408). В поверхностной структуре глубинные падежи могут получать самые разные воплощения. В современном синтаксисе термин «актант» употребляется для обозначения элемента пропозиции, зависящего от предиката и соответствующего действующему лицу в событии, ситуации (В. А. Белошапкова, Т. В. Шмелева).

Помимо падежной грамматики (Ч. Филлмор) и семантического синтаксиса (Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, В. Г. Гак, Ю. А. Левицкий, Т. В. Шмелева), термин «актант» используется также в лексической семантике при выделении семантических валентностей глагола (Ю. Д. Апресян, М. В. Никитин, А. А. Уфимцева).

Для обозначения участников когнитивного сценария, репрезентированного глаголом, мы также будем использовать термин «актант». В данной работе актантами называются семантические роли участников ситуации, включенные в значение глагола-предиката. На важность позиции актантов в концептуализации динамического фрагмента мира указывает Е. В. Падучева: «Глагольная лексема, будучи употреблена в высказывании, описывает некую ситуацию. Тем самым лексема (или говорящий с помощью данной лексики) **концептуализирует** определенный фрагмент внеязыковой действительности, сопоставляя ему нечто, что можно назвать “концепт ситуации”, и этот концепт включает определенный набор участников. Описание значения слова... мыслится как “сценарий” некой типовой ситуации: должны быть указаны участники ситуации, их свойства, отношения участников друг к другу и происходящие с ними события. Эти свойства, соотношения и т. д. и составляют значение лексемы» (Падучева, 2004, 52).

Каждое значение глагола характеризуется свойственным ему набором актантов. Например, глагол *дирижировать* — ‘управлять оркестром или хором’ открывает места для следующих актантов: субъект (*дирижер*), объект (*оркестр, хор*), инструмент (отчуждаемый — *дирижерской палочкой* или неотчуждаемый — *рукой*). Но в его словарной дефиниции указаны на все эти актанты. Так, позиция субъекта является инкорпорированной, а позиция инструмента вообще не получает лексической репрезентации.

Актанты, содержащиеся в глагольном значении, различаются:

1) по функциям: субъект, объект, инструмент, адресат, средство и т. д. (число выделяемых на этом основании актантов в разных классификациях колеблется от 3 до 50);

2) по денотативным ролям: одушевленные существа (люди, животные), неодушевленные предметы (транспортные средства, предметы быта и т. д.);

3) по обязательному/необязательному выражению и соответствию синтаксическим актантам (так, позиция объекта в предложении *Он читает книгу* может редуцироваться: *Он читает*).

Несоответствие глубинной семантической роли синтаксическому актанту обусловлено, по мнению Е. В. Падучевой, рядом причин:

1) участник ситуации инкорпорирован в значение глагола (*Он увидел ее* — участник «глаза» включен в значение глагола, по-

этому невозможным становится его синтаксическое повторение:
*Он увидел ее глазами);

2) участник ситуации одновременно является наблюдателем (см. примеры Ю. Д. Апресяна: *На дороге показался всадник*; **На дороге показался я* — неправильность второго предложения объясняется тем, что субъект наблюдает эту ситуацию со стороны и не может выступать в роли активного участника движения);

3) участник ситуации выражается дейктически (*Он взял эту книгу в Германию* значит ‘взял с собой’);

4) участник ситуации подразумевается (это происходит при метонимических переносах: *вымел пол* = *вымел мусор с пола*) (Падучева, 2004, 53–54).

При семантической деривации значения глаголов меняют состав и количество актантов. Рассмотрим семантическую парадигму глагола *дирижировать* и охарактеризуем его актантный состав.

Дирижировать — ‘1. Управлять оркестром или хором. // Проф. Управлять коллективом при исполнении музыкального произведения. *Дирижировать симфонию*. 2. Разг. Размахивать, делать движения руками или чем-л., находящимся в руках (обычно при разговоре, пении). *Актеры любят дирижировать при разговоре*. 3. Делать движения руками, указывая кому-, чему-л. направление движения, управляя кем-, чем-л. *Гид дирижирует группой туристов*. 4. Разг. Направлять деятельность кого-л. в нужном направлении, стараясь при этом не проявлять своей заинтересованности в чем-л. *Дирижировать послушными людьми*’.

1, 3 и 4-е значения содержат общий семантический компонент управления, при этом в 1-м и 3-м значениях есть указание на способ управления (движение рук или предмета, находящегося в руках), а 1, 2 и 3-е значения имеют общий семантический компонент ‘движение руками’, причем во 2-м значении этот компонент выполняет функцию категориально-лексической семы.

Несмотря на то что глагол *дирижировать* в основном значении содержит инкорпорированный актант *дирижер* (причем инкорпорация получает словообразовательное выражение), в производных значениях происходит утрата специализации актанта (субъектом действия может быть любой человек). Позиция объекта воздействия, напротив, оказывается чрезвычайно актуальной для всех

значений глагола (кроме второго). Утрачивая специализированность субъектного компонента (в 1-м значении и в том значении, которое в словарях отмечается как оттенок первого, в качестве объекта выступает музыкальный коллектив), значения глагола сохраняют важнейший семантический признак объекта 'множественность лиц': *дирижировать потоком машин, дирижировать группой туристов, дирижировать послушными людьми* (ср: **дирижировать машиной, туристом, человеком*). Во 2-м значении глагола акцентируется способ действия (движение) и инструмент действия (руками или чем-либо, находящимся в руках). Следовательно, семантическая деривация глагола *дирижировать* характеризуется изменением актантной структуры, выражающимся в утрате специализации объекта, причем семантические признаки актантных компонентов оказываются значимыми при развитии производных значений глагола.

Исследование субъектно-объектных связей позволяет говорить о существовании трех базовых актантных моделей социальных глаголов: 1) субъект-агенс — предикат социальной деятельности; 2) субъект — предикат социального отношения — субъект-коагенс, контрагенс; 3) субъект — предикат социальной деятельности — объект-пациенс.

Первая модель (субъект — предикат) представлена глаголами поведения, общественно-политической, профессионально-трудовой деятельности. Например, несерьезное поведение человека, совершающего нелогичные, глупые, безрассудные и легкомысленные поступки, может быть обозначено глаголами *баловаться, буянить, глупить, дурачиться, кутить, озорничать, паясничать, проказничать, чудачествовать, шалить* и др. Интересно, что многие глаголы поведения (см. примеры выше), профессионально-трудовой деятельности (*гончарничать, директорствовать, кустарничать, малярничать, секретарствовать* и т. п.) являются производными от имен. Словообразовательная мотивация глагола существительным позволяет говорить об иррадиации предметной семантики в сферу глагола. Такие глаголы содержат инкорпорированные позиции субъекта действия (*столярничать, токарничать, плотничать*), способа действия с оценочно-сопоставительной семантикой (*геройствовать, храбриться, мошенничать*) или являются

глаголами, обозначающими поведение-маску и включающими скрытое сравнение (*попугайничать* — ‘вести себя как попугай’, *петушиться* — ‘вести себя как петух’). Для глаголов данного типа в целом характерна моносемия, объясняющаяся и словообразовательными причинами, и спецификой лексического значения этих глаголов. В ряде случаев возникновение производных значений обусловлено сужением основного значения (*зарегистрироваться* — ‘1. Отметиться, записаться где-л. с какой-л. целью; стать на учет. 2. Разг. Официально оформить свое вступление в брак’) или метафоризацией (*митинговать* — ‘1. Участвовать в митинге, проводить митинг. 2. Перен. Вести бессодержательные разговоры, прения, не желая или будучи неспособным заниматься делом’).

Вторая модель (субъект — предикат — одушевленный объект) репрезентирует ситуацию социальных отношений и представлена ЛСГ глаголов победы, поражения, противодействия, влияния, подчинения, управления, взаимосвязи, замены, лишения, контакта, защиты, помощи. Например, ситуация управления отображается следующими двусубъектными глаголами: *властвовать*, *возглавлять*, *господствовать*, *начальствовать*, *назначать*, *поручать*, *руководить*, *управлять* и др. Активным субъектом (агентом) может быть человек, юридическое лицо, официальная организация, наделенные властью; вторым субъектом, испытывающим воздействие со стороны первого, оказывается также человек, группа лиц, официальная организация, юридическое лицо. Такие глаголы называют в научной литературе двусубъектными, бисубъектными, интерсубъектными, межличностными. Характер социальных отношений определяется и семантикой глагола, и соотношением субъекта и объекта (их равноправием, подчинением одного другому, противодействием и т. п.). В зависимости от социального статуса участников и характера социального взаимодействия Л. П. Крысин выделяет симметричные глаголы (*дружить*, *ссориться*, *сотрудничать* и др.) и асимметричные (*арестовать*, *благоволить*, *апеллировать*, *грубить* и др.). В отличие от симметричных, асимметричные глаголы «обозначают такие действия или отношения, участники которых обладают разным социальным статусом или исполняют разные социальные роли» (Крысин, 1997, 271).

Деривационный потенциал глаголов, относящихся ко второй модели, ограничен. В ряде случаев основой их многозначности является сдвиг диатезы. (По мнению Е. В. Падучевой, сдвиг диатезы, то есть изменение синтаксических позиций участников ситуации с заданными ролями, ведет к образованию новых значений: *Я резал мясо тупым ножом. Нож резал плохо*; Падучева, 2004, 51–53.) Примером диатетического сдвига значений является уже приводимый нами ранее глагол *одолеть* (*одолеть сон* — *сон одолел кого-л.*). Однако следует отметить, что сдвиг диатезы не является характерным механизмом семантической деривации социальных глаголов (в отличие от глаголов конкретной физической деятельности, глаголов звучания или глаголов восприятия, рассмотренных в работах Е. В. Падучевой).

Другим способом семантической деривации глаголов, представляющих вторую модель, является специализация одного из актантов. Как известно, в семантике многих глаголов содержится указание на денотативную роль актанта, например: *штормить* (о море), *литься* (о воде), *косить* (траву), *директорствовать* (о человеке). Существует несколько классификаций актантов, в основу которых положен тематический принцип (Бацевич, 1992; Лебедева, Янценецкая, 1989; Михайлова, 1998; Плотникова, 1999; и др.). Такие классификации позволяют уточнить границы референции глагольного слова: одни глаголы характеризуются широкими семантическими связями с практически неограниченным кругом актантов (*идти, стоять, находиться* и т. п.), у других глаголов семантические связи предсказуемы и ограничены одним-двумя актантами (*дуть* — о ветре, *моросить* — о дожде).

Значение любого глагола раскрывается через связи с предметными именами. Замена одного денотативного класса участника на другой приводит к изменению значения (*вода льется* — *свет льется; разбить стакан* — *разбить надежды*). Но в результате необязательно образуется метафорическое значение. При сохранении денотативного класса актанта может происходить специализация значения. Например, 1-е значение глагола *уволить* — ‘1. Освободить от выполнения каких-л. обязанностей, связанных с работой, службой’ не содержит указания на объект действия,

а во 2-м значении семантика глагола сужается за счет специализированной объектной позиции: ‘2. Отпустить (*военнослужащего, курсанта*) в увольнение’.

В отдельных случаях семантическая деривация происходит за счетмены денотативного класса объекта — одушевленного на неодушевленный. Например, *дублировать* — ‘1. Заменять основного исполнителя в какой-л. роли (в театре, кино). 2. Заменять речевую часть звукового фильма новой записью, представляющей собой перевод на другой язык с языка оригинала. 3. Получать *сдвоенный текстильный материал* путем прошивки, проклеивания его другим материалом для придания ему водонепроницаемости, несминаемости и т. п.’ Здесь одушевленный объект (исполнитель) в 1-м значении заменяется неодушевленным (фильм, материал) во 2-м и 3-м значениях.

Третья модель социальных глаголов (субъект — предикат — неодушевленный объект) включает две актантные позиции: позицию субъекта (человек, коллектив, организация) и объекта (продукт социальной деятельности). Характер социальной деятельности определяется семантикой объекта — продукта, результата социальной активности человека. В этот класс входят глаголы ЛСГ издательской деятельности и распространения информации, использования, исполнения художественных произведений, изображения объекта.

Основой семантической деривации социальных глаголов, включающих объектную позицию, является изменение денотативного класса объекта. Например: *печатать* — ‘1. Воспроизводить на чем-л. какие-л. знаки, изображения (буквы, цифры, чертежи, рисунки) типографским способом. 2. Помещать в печати, публиковать, издавать. *Печатать монографию*. 3. Помещать на своих страницах, сообщать о чем-л. в печати (о газетах, журналах и т. п.). *Печатать новость*. 4. Воспроизводить какой-л. текст на пишущей машинке. 5. Воспроизводить (фотоснимок с негатива) на специальном материале’. Очевидно семантическое единство значений глагола: 1, 3, 5-й ЛСВ входят в ЛСГ глаголов воспроизведения информации; 2-й и 3-й ЛСВ включены в ЛСГ распространения информации и издательской деятельности, однако, обладая совмещенным значением, они также содержат сему воспроизведения.

Третье значение связано со вторым метонимическим переносом (*кто-либо печатает газету — газета печатает новости*). Как видно из словарных дефиниций, значения глагола различаются актантным составом: 1) буквы, цифры, чертежи, рисунки; 2) печатное издание; 3) сообщения, новости, информация; 4) текст; 5) фотоснимок. Все остальные компоненты значения (способ печати, результат деятельности, инструменты и др.) обусловлены спецификой денотативных классов актантов.

Таким образом, актантные трансформации, а именно сдвиг диатезы, изменение денотативного класса актантов, специализация актантов, являются механизмами развития производных значений социальных глаголов.

§ 4. Метафорические модели социальных глаголов с когнитивной точки зрения

Когнитивная теория метафоры была представлена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 1980 г. в книге «Метафоры, которыми мы живем» («*Metaphors we live by*»; на русский язык переведена в 1990 г.).

Принципиальное отличие когнитивной теории метафоры от традиционных взглядов на метафору связано с осознанием метафоры как концептуального явления — способа думать об одной области через призму другой. Метафора — это инструмент осмысления новых понятийных сфер в терминах сфер, стоящих ближе к непосредственному физическому опыту человека. Результаты метафорического осмысления мира выражаются в языке.

Таким образом, в когнитивной лингвистике метафора понимается как способ освоения мира и концептуализации объектов действительности. Это позволяет ученым утверждать, что метафора творит новую реальность.

Метафора рассматривается как перенос из области-источника (донорской зоны) в область-цель (реципиентная зона). Область-источник характеризуется конкретностью, антропоцентричностью и связью с сенсомоторным опытом человека. Область-цель всегда

более абстрактна, она требует осмысления через апелляцию к конкретному, известному.

Так, рассматривая метафорические выражения *Он напал на каждое слабое место в моей аргументации, Его критические замечания были точно в цель, Он разбил все мои доводы* и под., Дж. Лакофф и М. Джонсон делают вывод о реализации в них метафоры «спор есть война», переносящей понятия, характеризующие военные действия противников, в сферу отношений спорящих людей: «Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явления одного рода в терминах явлений другого рода. Дело вовсе не в том, что спор есть разновидность войны. Споры и войны представляют собой явления разного порядка — словесный обмен репликами и вооруженный конфликт, и в каждом случае выполняются действия разного порядка. Дело в том, что спор частично упорядочивается, понимается, осуществляется как война, о нем говорят в терминах войны» (Лакофф, Джонсон, 1990, 389). В основе метафорического переноса лежит скорее не объективное сходство предметов, а субъективно устанавливаемое людьми соответствие между двумя сферами. Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут: «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» (там же, 390).

При рассмотрении метафоры в когнитивном аспекте исследователи акцентируют внимание на понятийной специфике этого явления. Так, А. П. Чудинов выделяет в сфере социальных отношений криминальную, милитарную, театральную метафоры (Чудинов, 2001). Кроме того, материал исследования расширяется: изучается метафора в сленге (Розина, 2003), в политическом дискурсе (Чудинов, 2001).

Использование достижений когнитивной семантики позволяет выявить регулярные метафорические модели, имеющие языковую природу.

Пополнение социальных глаголов осуществляется за счет пространственной метафоризации глаголов движения, перемещения, помещения объекта, конкретной физической деятельности. При рассмотрении образных семантических моделей предложений с социальными глаголами Т. М. Воронина отмечает использование

в качестве вторичных предикатов социальных отношений глаголов с локативными компонентами 'вверху/внизу', а также других пространственных схем; наложение пространственной схемы на сферу социальных отношений помогает акцентировать социальные роли участников (Воронина, 2001, 188). Пространственная метафора оказывается характерной для отображения ситуаций поражения, подчинения, которые концептуализируются языковым сознанием как ограничение свободы движения: *опутывать, прижимать, связывать, сковывать, скрутить, ввязывать, впутывать, втягивать, засасывать, затягивать, поджимать, притиснуть, тянуть* (*Директор опутал рабочих целой системой штрафов; Семейная жизнь связала бы меня навеки*). Ситуация принуждения осмысливается через обращение к ситуации изменения положения субъекта: *сгибать, сдвигать, склонять, своротить, спихивать* (*Сухов пытался противостоять мафиозным структурам, но его согнули*). Ситуации лишения и поражения осмысляются через движение субъекта вниз, падение (*низвергать, сбрасывать, опрокидывать, провалиться* и др.).

Кроме пространственных метафор, сфера социальных отношений пополняется за счет целого ряда концептуальных метафор со следующими донорскими и реципиентными зонами:

1. Человек в сфере социальной деятельности — животное (*запрягать, подковывать, обуздывать, оседлывать, укрощать, втравливать, натравливать, стравливать, гнать, погонять, по-нукать, подсиживать*). В основе метафоры лежит уподобление объекта воздействия (человека) животному, используемому человеком в его хозяйственной деятельности или на охоте (лошади, собаке):

запрячь — '1. Упряжью соединить с повозкой, экипажем, орудием, которое необходимо тянуть; впрячь, заложить (упряжное животное). 2. Разг. Заставить работать; дать трудную работу';

натравить — '1. Побудить к нападению, преследованию (собаку, собак). 2. Разг. Побудить, подстрекнуть к враждебным, агрессивным действиям против кого-л. *Н. соседей друг на друга*'.

2. Работа — тяжелый груз (*взваливать, заваливать, наваливать, загружать, нагружать, сваливать, складывать*). В основе образного уподобления лежит аналогическая связь «тяжелый — трудный»:

взвалить — ‘1. Подняв, положить наверх что-л. тяжелое. *В. рюкзак на плечи*. 2. Разг. Поручить, возложить на кого-л. что-л. трудное, обременительное для выполнения’.

3. Силы, способности, время — деньги (*разменивать, размениваться, растрачивать, растрачиваться, вкладывать, тратить, расходовать*). В данном случае метафора основана на уподоблении абстрактных нематериальных сущностей денежным средствам:

разменять — ‘1. Обменять более крупный денежный знак на соответствующее по стоимости количество мелких денежных знаков, мелких монет. 4. Растратить попусту свои силы, способности, духовные качества’.

Следует отметить, что так называемая «денежная» метафора функционирует в нескольких направлениях: а) «силы — деньги» (типичное для языка осмысление абстрактных сущностей через призму конкретного явления — денег); б) «деньги — предмет». Перенос «деньги — предмет» позволяет говорить об образном уподоблении денег объектам, которые можно перемещать (*разбрасывать, раскидывать, сорить*), в результате деньги могут лететь (*Деньги летели с такой скоростью, что он начинал беспокоиться*), уплывать или ускользать, водиться, быть в наличии (*Деньги у него не водились*), курсы ценных бумаг могут падать или расти. Деньги можно поместить, при этом они уподобляются предметам (*класть, вкладывать*) или воде (*вливать, выкачивать, замораживать*). Разорившееся предприятие уподобляется поврежденному объекту (*лопаться, лопнуть, проваливаться, прогорать*).

Ситуации, связанные с приобретением, использованием денег в качестве средства, проецируются на другие, не денежные отношения между людьми: *обанкротиться, подкупать, расплатиться, спекулировать, страховать, страховаться, торговаться* и др. Например: *торговаться* — ‘спорить, стремясь выгадать что-л.’ (*Торговаться за право выступить*); *обанкротиться* — ‘оказаться несостоятельным в чем-л., потерпеть крах’ (*Политическая партия окончательно обанкротилась*); *страховаться* — ‘обеспечивать свою безопасность при выполнении каких-л. упражнений или работы, деятельности’ (*Монтажник должен страховаться*)’.

4. Социальная цель — мишень (*метить, нацеливать, нацеливаться, целить, промазать, промахиваться*). Здесь усилия, при-

лагаемые человеком для достижения какой-либо цели, метафорически уподобляются мишени, в которую человек стремится попасть:

метить — ‘1. Целиться, стараться попасть. 3. Разг. Стремиться занять какое-л. положение, должность и т. п.’

5. Материалы, качества — военные снаряды (*вооружать, вооружаться, заряжать, обезоруживать*). Ситуация обеспечения кого-либо чем-либо образно уподобляется ситуации обеспечения оружием, например: *вооружить* — ‘1. Оснастить вооружением. 2. Обеспечить всеми необходимыми орудиями, материалами и др. средствами’. Т. М. Воронина выделяет следующую черту метафорических глаголов обеспечения: «В предложениях с предикатами *вооружать, вооружаться* нет ограничения на референциальную отнесенность имени средства, ср.: *вооружиться знаниями, справками, граблями, карандашом* и т. п. Можно предположить, что в русском языке практически любая ситуация может быть обозначена в терминах войны, борьбы» (Воронина, 2001, 184).

6. Социальные отношения — война (*блокировать, бороться, воевать, восставать, добивать, завоевывать, капитулировать, отвоевывать, одолевать, осиливать, ополчаться, отражать, парировать, сражаться, сталкиваться, отступить* и др.). Военная метафора, распространяясь на различные сферы социальной деятельности, позволяет показать социальное противостояние участников или их отношение к событиям социальной жизни. Например:

воевать — ‘1. Вести войну против кого-, чего-л.; принимать участие в войне, сражаться. 2. Стараться справиться, одолеть или отстоять кого-, что-л., затрачивая много труда, усилий; бороться’;

капитулировать — ‘1. Прекратив военные действия, сдаться — сдаваться победителю на условиях, им предъявленных. 2. Отступить — отступать перед препятствиями, трудностями, признать — признавать свое бессилие в чем-л. *К. перед трудностями*’.

В примере с глаголом *воевать* видно, что в основе метафорического значения лежит не только конфликт между участниками, но и способ разрешения конфликта (‘затрачивая много труда, усилий’).

Из представленных шести метафорических моделей три (социальная цель — мишень; материалы, качества — военные снаряды;

социальные отношения — война) связаны с концептуализацией социальных отношений в терминах войны и военных отношений. Рассматривая политический дискурс конца XX в., А. П. Чудинов пишет: «...военная метафора — яркий признак отечественных политических текстов едва ли не всего советского периода существования нашей страны, причем активизация подобных образов чаще всего происходит в наиболее сложные для России периоды. К сожалению, современная отечественная действительность в немалой степени способствует дальнейшей активизации военной метафоры» (Чудинов, 2001, 104).

Представляется, что источниками метафорической модели «социальные отношения — война», активно использующейся в политических текстах и постоянно пополняющейся новыми языковыми единицами, являются языковые метафоры и в первую очередь те глагольные метафоры, которые были проанализированы выше. Метафора «социальные отношения — война» приобретает статус онтологической, поскольку распространяется на различные сферы социальной жизни общества.

§ 5. Особенности семантической деривации широкозначных глаголов

Термин «широкозначность» (или его иноязычный эквивалент «эврисемия») был предложен Н. Н. Амосовой. Он не является общеупотребительным в отечественной лингвистической традиции, но активно используется по отношению к языкам с развитым в лексике аналитизмом. Широкозначными называют такие многозначные слова, значения которых характеризуются широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью (например, английские глаголы *to give*, *to get*, *to take*, *to put* и др., способные в сочетании с послелогом образовывать множество значений, семантически удаленных друг от друга).

Широкозначными обычно являются непроеизводные глаголы, относящиеся к основному лексическому фонду и называющие базовые типы действий и состояний. Широкозначные глаголы ча-

сто обладают высокой словообразовательной активностью и образуют большие по объему словообразовательные гнезда.

Понятия «широко развитая многозначность» и «широкозначность» не синонимичны, поскольку в первом подчеркивается количественный аспект явления (наличие множества значений), а во втором — семантический (обобщенный характер семантики, широкая семантическая референция, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями). Толковый словарь не ставит задачу отражения семантических связей между значениями широкозначных слов.

Вне контекста значения широкозначных глаголов определяются достаточно легко, например: *бить* — ‘ударять чем-л.’; *держать* — ‘не давать выпасть, упасть, взяв в руки’; *стоять* — ‘находиться в вертикальном положении, не двигаясь с места’. Однако анализ контекстов позволяет говорить, что при сочетаемости глаголов с разными типами референтов происходят такие существенные модификации значения, при которых связь производных значений с основным становится неочевидной: *мальчик бьет по мячу, ветер бьет в лицо, свет бьет в глаза, кучер бьет лошадь кнутом, армия бьет противника, охотник бьет лосей из ружья, револьвер бьет на сто шагов, хулиган бьет лампочки в подъезде, дежурный бьет тревогу, часы бьют полночь, его бьет дрожь* и т. д.

Таким образом, при рассмотрении широкозначности как особого семантического явления мы сталкиваемся с традиционной для лексикологии проблемой разграничения полисемии и омонимии: как известно, если происходит утрата семантических связей между значениями, то следует говорить о распадении многозначного слова на омонимы. Если признавать точку зрения, согласно которой в основе всех значений многозначного слова лежит единый когнитивный сценарий (или прототипическая схема), то следует определить, какие условия контекста и механизмы развития значений обуславливают появление широкозначных слов и как варьируется когнитивный сценарий широкозначного глагола.

В качестве примера возьмем глагол *бить* (в МАС у него зафиксировано 11 значений и несколько оттенков). Значения этого глагола относятся к разным ЛСГ (по данным ТИСПГ, 4 ЛСВ входят в группу нанесения удара, 3 ЛСВ — в группу звучания, остальные ЛСВ относятся к группам лишения жизни живого существа,

разделения, победы и поражения, физиологического состояния, движения), приложимы к разным типам субъектов (*часы бьют, фонтан бьет*) и направлены на разные объекты (*бить противника, бить посуду*). Словообразовательное гнездо с вершиной *бить* включает 468 производных, из них 120 глаголов. Все это, а также то, что в толковых словарях семантические связи между значениями глагола *бить* не эксплицированы, позволяет считать его широкозначным.

Исследование семантической парадигмы широкозначного глагола *бить* позволяет говорить о наличии когнитивного сценария физического воздействия на объект, который варьируется в производных значениях. Развитие же значений многозначного глагола идет по модели специализации элементов когнитивного сценария. В ряде случаев семантическая парадигма глагола представляет собой поле с сильно центрированным ядром и с близкими семантическими расстояниями между значениями. Например, большинство ЛСВ многозначного глагола *строить* репрезентирует сценарий создания, изготовления какого-либо нового объекта (*строить дом, строить суда, строить куб, строить фразу, строить работу*) и развитие его значений идет по модели специализации объекта.

У широкозначного глагола *бить* семантические связи между значениями менее очевидны. Думается, что это объясняется сложной организацией когнитивного сценария, состоящего из нескольких сцен: субъект многократно производит какие-либо повторяющиеся действия (например, заносит руку, палку, другое орудие и опускает на кого-, что-либо), воздействуя тем самым на объект и обнаруживая свою силу, причем такое воздействие часто является для объекта негативным. Отдельные элементы когнитивного сценария программируют появление производных значений. К числу наиболее важных для развития семантической структуры глагола *бить* относятся признаки повторяемости и многократности однотипных действий, которые присутствуют почти во всех его значениях. Например: *бить* — ‘издавать ритмичные, мелодичные звуки ударами в определенном количестве, указывающем на время (о часах с боем)’; *бить* — ‘ударяя, производить звуки, многократно стучать по одному и тому же месту’. В некоторых значениях глагола *бить* (‘разделять что-л. на части’, ‘умерщвлять, убивать

животных, рыб на охоте') также содержится признак многократности действия, проявляющийся в характере объекта: данный глагол может употребляться только в сочетании с множественными объектами (ср.: *бить посуду*, но *бить тарелку; *бить дичь*, но **бить дикого волка*). Признак активности субъекта и направленности его усилий на повреждение объекта представлен во многих значениях глагола, в том числе и в ЛСВ, репрезентирующем ситуацию победы (*бить противника*). Признак движения, которое сопровождает действия субъекта, выходит на первый план в значениях глагола *бить*, реализуемых, например, в следующих контекстах: *фонтан бьет, его бьет лихорадка*. Результативный характер действия, воспринимаемого слухом, обнаруживается в ряде ЛСВ звучания: *бить в колокол, бить в барабан*.

В производных значениях глаголов *выбить*, *отбить*, *разбить*, *сбить* и др. наследуются компоненты значений мотивирующего глагола. Изучение семантических связей между значениями производящего и производных глаголов позволяет обнаружить те семантические компоненты, которые оказываются активными в семантической деривации глаголов.

Глагол *разбить*, по данным МАС, имеет 10 значений. Семантика префикса определяет концептуальную идею глагола — нарушение целостности объекта — и акцентирует внимание на результате действия. В отличие от глагола *бить*, семантическая деривация которого во многом определяется наличием признаков многократности и повторяемости действия, в значениях глагола *разбить* профилируется признак результата действия: 1) в результате физического воздействия на объект происходит его разрушение, уничтожение (*разбить стакан, разбить противника, разбить надежды, разбить все обвинения*); 2) в результате физического воздействия происходит деформация объекта (*разбить затылок о камни, разбить сапоги*); 3) в результате воздействия на объект в нем выделяются какие-либо части, что способствует созданию нового объекта (*разбить землю на участки, разбить туристов на группы, разбить парк*).

Результативный компонент определяет также развитие значений глагола *выбить*: в них компонент физического воздействия на объект понижается в ранге и приобретает статус включенной

пропозиции. При свертывании пропозиции в словарных дефинициях глагола появляется указание на способ осуществления действия — ‘ударами (ударяя) сделать что-л.’: *выбить ковер* — ‘ударяя, очистить’, *выбить в стене нишу* — ‘ударами сделать углубление’; *выбить медаль* — ‘ударами изготовить’; *выбить лист жести* — ‘ударами выпрямить’. В предикатном имени *удары*, репрезентирующем включенную пропозицию, содержится признак многократности и повторяемости действия.

Деривацию значений глагола *сбить* также определяет результативный компонент — ‘в результате удара сдвинуть, переместить объект’. Этот компонент оказывается значимым для многих значений данного глагола: *сбить яблоко с дерева* — ‘ударом, толчком сдвинуть с места, заставить упасть, отделить от чего-л.’; *сбить шляпу набекрень* — ‘сдвинуть с места резким движением, толчком’. В основе метафорического значения глагола *сбить* (*сбить разговор на другую тему*) также лежит идея перемещения объекта — ‘направить мысли, разговор на какой-л. предмет; перевести’.

Другим важным компонентом когнитивного сценария, наследуемым префиксальными производными глагола *бить*, является характер прямого объекта-пациенса, в качестве которого могут выступать:

а) неодушевленные предметы (*бить посуду, бить лед, выбить ковер, разбить стакан, сбить яблоко с дерева, сбить черенок лопаты, разбить сапоги*), физическое воздействие на которые соизмеримо с возможностями человека, то есть обычно объект является относительно небольшим по размеру, непрочным и способным в результате длительного негативного воздействия на него прийти в негодность, сломаться, испортиться, отделиться от чего-либо и под. (исключение составляют некоторые объекты глагола *сбить* в значении ‘заставить упасть, подстрелив’, например: *сбить самолет, сбить ракету*);

б) одушевленные существа (в сочетаниях с глаголом *бить* физическое воздействие приносит им страдания или смерть — *бить слуг, бить лошадь; бить кур; острогой бить цук*; в сочетаниях с префиксальными производными глагола *бить* воздействие приводит к изменению объекта или к изменению его местоположения — *разбить туристов на группы, сбить овец в стадо*).

Рассмотренные выше префиксальные производные глагола *бить* характеризуются наличием четко выраженных семантических связей между их ЛСВ. Например, большинство значений глагола *сбить* репрезентирует когнитивный сценарий перемещения объекта в результате удара; значения глагола *побить* отображают сценарий физического воздействия на объект с нанесением ему вреда вплоть до разрушения; значения глагола *разбить* содержат сценарий нарушения целостности объекта и т. д. Сценарий производных глаголов создается взаимодействием семантики производящего глагола и семантики форманта (префикса).

Таким образом, в значениях широкозначного глагола *бить* происходит актуализация отдельных компонентов когнитивного сценария, причем варьированию подвергаются не только компоненты базовой для данного глагола ситуации физического воздействия (субъект, объект), но и компоненты ситуаций, сопутствующих базовой ситуации. В префиксальных производных глагола *бить* наследуются такие признаки сценария, как результативность, повторяемость, многократность, характер объекта, однако значения этих глаголов трансформируются, во-первых, благодаря семантике префикса, вносящего совершенно новые семантические компоненты, а во-вторых, под влиянием контекстных партнеров, уточняющих характер субъекта, объекта, инструмента и сопутствующих действию обстоятельств.

Производные широкозначного глагола *бить* (*выбить*, *отбить*, *разбить*, *сбить*) обладают ограниченной семантической референцией, специализированными относительно характера действия значениями, четко выраженными семантическими связями значений, что не позволяет считать эти производные глаголы широкозначными.

Итак, для широкозначного глагола *бить* характерны следующие особенности:

- 1) наличие широко развитой многозначности (множественность значений);
- 2) непроизводность;
- 3) высокая словообразовательная активность;
- 4) принадлежность к основному лексическому фонду языка, что является следствием принадлежности глагола *бить* к базовому уровню категоризации;

5) широкая денотативная отнесенность (данный глагол способен обозначать конкретные физические действия, звучание, движение, физиологическую деятельность, различные виды социальной деятельности — противодействие, достижение цели, победу);

6) наличие единого когнитивного сценария.

Анализ широкозначных глаголов русского языка в аспекте когнитивных сценариев и способов семантической деривации позволит выявить все существенные признаки данных глаголов и определить механизмы развития их значений. Исходя из перечисленных выше признаков, свойственных глаголу *бить*, можно предположить, что широкозначными глаголами русского языка являются следующие: *бить, брать, бросить, вести, гнать, дать, держать, знать, идти, лечь, падать, показать, покрыть, положить, пустить, сесть, сидеть, ставить, стоять, тянуть, ударить, уйти, ходить*. Эти глаголы репрезентируют базовые действия (движение, положение в пространстве, помещение, физическое воздействие на объект и др.), выполняют функцию базовых идентификаторов и организуют глагольную лексику русского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе когнитивной семантики лежит представление о том, что значение любой языковой единицы является отображением когнитивных структур, то есть структур сознания, мышления и познания мира. Значения языковых единиц детерминированы познавательными способностями человека, они не являются готовыми структурами, а формируются в процессе познания. Задача исследователей — выявить закономерности концептуализации и категоризации мира, отображенные в семантике языковых единиц. Приоритетным направлением когнитивной семантики, как и семантики в целом, является изучение центрального объекта языкознания — слова, аккумулирующего знания человека о мире.

Объектом описания в учебном пособии является семантика русских глаголов, изучение которой способствует выявлению того неязыкового содержания, которое реализовано в глагольных значениях. Являясь репрезентантами процессуального знания о мире, значения глаголов отображают различные виды действий, состояний и отношений, творцом или участником которых является человек. Более подробно нами были рассмотрены социальные глаголы, то есть глаголы, концептуализирующие тот фрагмент процессуально-событийной картины мира, который связан с жизнью человека в социуме, социальными действиями человека и социальными отношениями между людьми. Как показывает анализ семантики социальных глаголов в когнитивном аспекте, эти глаголы характеризуются следующими особенностями:

1) антропоцентричностью (социальные глаголы референциально связаны с субъектом-человеком);

2) полифункциональностью (социальные глаголы представляют различные типы социальных действий и отношений: социальное поведение человека, защиту, победу и поражение, помощь, обеспечение, трудовые процессы и т. д.);

3) диффузностью значений (социальные глаголы взаимодействуют с глаголами речевой деятельности, физических действий и т. д., то есть с другими сферами антроподинамики);

4) полипропозитивным характером значения (социальные глаголы способны включать в свое значение комплекс последовательно сменяющих друг друга или последовательно развивающихся ситуаций);

5) прагматической направленностью (социальные глаголы обозначают ситуации, в которых субъект и объект обычно обладают закрепленными ролевыми функциями, а потенциально присутствующий в ряде глагольных значений наблюдатель оценивает социальные действия).

В основе языковой категоризации глаголов лежит прототипический принцип, организующий межсловные и внутрисловные глагольные парадигмы. К межсловным парадигмам относятся ЛСГ глаголов, прототипическое значение которых заключено в базовом глаголе — идентификаторе ЛСГ. Базовый глагол и рядовые глаголы одной ЛСГ репрезентируют единый когнитивный сценарий. Внутрисловную парадигму образуют лексико-семантические варианты полисемантического глагола, единство которых также обеспечивается благодаря наличию когнитивного сценария. Таким образом, когнитивный сценарий выступает в качестве модели концептуализации глагольного значения и способа категоризации глагольной лексики русского языка. Рассмотренные в учебном пособии механизмы варьирования когнитивного сценария, такие как актантные трансформации, метафорические модели и образ-схемы, являются универсальными для межсловных и внутрисловных глагольных парадигм.

**МОДЕЛЬ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА
МНОГОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА**

I. Структурно-семантический анализ многозначного глагола:

1. Выписать из толкового словаря все значения анализируемого глагола. Определить тип структурной связи (радиальная, цепочечная, радиально-цепочечная) всех лексико-семантических вариантов, изобразив структуру многозначного слова графически.

2. Выявить виды семантической связи значений.

3. Охарактеризовать каждое значение глагола по следующим признакам: основное — неосновное, прямое — переносное, свободное — связанное (для определения типа связанного значения использовать контекстологический анализ), нейтральное — стилистически маркированное.

II. Анализ когнитивного сценария:

1. Определить прототипическую ситуацию для данного глагола.

2. Охарактеризовать компоненты когнитивного сценария:

а) набор участников когнитивного сценария;

б) набор пропозиций, составляющих структуру сценария;

в) отношения между пропозициями.

III. Анализ моделей семантической деривации глагола:

1. Установить принадлежность каждого значения глагола к ЛСГ.

2. Сопоставить производные значения глагола с прототипической ситуацией; выявить особенности перспективизации (фокусировки внимания на отдельных элементах ситуации).

3. Определить модели семантической деривации глагола: развитие образ-схем, актантные трансформации, метафорические или метонимические модели.

ОБРАЗЕЦ АНАЛИЗА*

Когнитивный анализ многозначного глагола *плакать*

I. Структурно-семантический анализ многозначного глагола *плакать*.

1. Общая характеристика значений, анализ структурных связей между ними.

Плакать — глагол эмоциональной сферы; по классификации эмотивной лексики, предложенной в работе Л. Г. Бабенко (Бабенко, 1989), относится к глаголам внешнего выражения эмоций. В БТС зафиксировано 7 значений этого глагола:

плакать — '1. Пропливать слезы (от обиды, горя, боли, радости и др.), обычно издавая жалобные, нечленораздельные голосовые звуки.

2. Горевать, сожалеть по поводу чего-л., испытывать неприятности, затруднения.

3. Издавать протяжные, тоскливые звуки (о птицах, ветре, музыкальном инструменте).

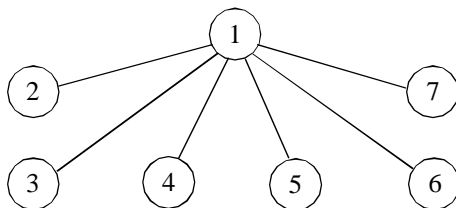
4. Разг. Запотев, покрываться каплями влаги (о стеклах).

5. Поэт. Изливаться дождем.

6. Оплывать (о свечах).

7. Только прош., разг. Истратиться, потратиться, пропасть'.

Связь между значениями радиальная. Схема:

---

* Анализ выполнен студенткой 5-го курса филологического факультета О. В. Крылатых.

2. Виды семантической связи значений.

1—2 — метонимический перенос по модели «действие — результат действия».

1—3, 1—4, 1—5, 1—6, 1—7 — метафорические переносы (далее будут охарактеризованы подробно).

3. Характеристика значений.

Плакать — '1. Проливать слезы'. Значение основное, прямое, свободное, нейтральное.

Плакать — '2. Горевать, сожалеть по поводу чего-л.' Значение неосновное, переносное (метонимия), свободное, нейтральное.

Плакать — '3. Издавать протяжные, тоскливые звуки (о птицах, ветре, музыкальном инструменте)'. Значение неосновное, переносное (метафора), фразеологически связанное (так как ограничен круг контекстных партнеров, способных выступать в роли субъекта действия), нейтральное.

Плакать — '4. Запотев, покрываться каплями влаги (о стеклах)'. Значение неосновное, переносное (метафора), фразеологически связанное (так как сочетается только с субъектом «стекло»), стилистически маркированное (разговорное).

Плакать — '5. Изливаться дождем'. Значение неосновное, переносное (метафора), фразеологически связанное (так как сочетается только с субъектом «небо, небеса»), стилистически маркированное (книжное).

Плакать — '6. Оплывать (о свечах)'. Значение неосновное, переносное (метафора), фразеологически связанное (так как сочетается только с субъектом «свеча»), нейтральное.

Плакать — '7. Истратиться, потратиться, пропасть'. Значение неосновное, переносное (метафора), свободное, стилистически маркированное (разговорное).

II. Анализ когнитивного сценария глагола *плакать*.

1. Прототипическая ситуация.

Субъект (человек), пребывая в определенном эмоциональном или физическом состоянии (обида, горе, радость, боль), совершает действие непроизвольного, как правило, физиологического характера — изливает слезы и при этом издает особые жалобные, нечленораздельные звуки.

2. Компоненты когнитивного сценария.

Субъект действия — человек. Глагол *плакать* является полипропозитивным, так как содержит скрытую пропозицию причины (человек испытывает какое-либо чувство — обиду, горе, радость, боль, жалость и т. п.), основную пропозицию (человек проливает слезы) и дополнительную пропозицию (человек издает звуки). В когнитивном сценарии факультативным является атрибутивный признак (*плакать громко, в голос, навзрыд*).

Сравним два примера: 1) *Катя плачет*; 2) *Мама плачет от радости*. В первом примере не указана причина плача, в этом случае значение проецируется в контекст негативной ситуации. Следовательно, действие, обозначенное глаголом *плакать*, типично для выражения отрицательных эмоций, а типичным репрезентантом внешнего выражения положительных эмоций (радость, счастье) является глагол *смеяться*.

III. Анализ моделей семантической деривации глагола *плакать*.

1. Принадлежность каждого значения к ЛСГ (цифрами обозначены номера значений):

1 — ЛСГ внешнего проявления эмоционального отношения и ЛСГ физиологических действий;

2 — ЛСГ эмоционального состояния;

3 — ЛСГ звучания;

4 — ЛСГ покрытия;

5 — ЛСГ функционального состояния природных объектов;

6 — ЛСГ изменения функционального состояния;

7 — ЛСГ исчезновения.

2. Характеристика производных значений и их сопоставление с прототипической ситуацией.

Плакать — ‘2. Горевать, сожалеть по поводу чего-л., испытывать неприятности, затруднения. *Плакать в жилетку другу*’.

Когнитивный сценарий включает позиции субъекта, адресата, предиката, имплицитно в нем представлена позиция наблюдателя. Субъект (человек) испытывает эмоциональное переживание негативного свойства по поводу какого-либо положения дел и выражает свое состояние, как правило вербально, направляя действие на адресата (рассказывает кому-либо, жалуется кому-либо).

Наблюдатель оценивает эмоциональное состояние субъекта как горестное, скорбное и т. п. Пропозиция причины, представленная в прототипической ситуации, при реализации данного значения эксплицитно не выражена. Этот компонент включен в значение глагола (плакать по причине горя, грусти, скорби). Атрибутивный компонент, указывающий на физические характеристики действия (*плакать громко*) в данном значении невозможен, поскольку глагол обозначает не внешнее выражение эмоционального состояния, а само эмоциональное состояние, которое протекает во внутреннем мире человека.

Плакать — ‘3. Издавать протяжные, тоскливые звуки (о птицах, ветре, музыкальном инструменте)’.

Когнитивный сценарий включает позиции субъекта, предиката и наблюдателя. Субъект (ветер, птица, музыкальный инструмент) производит действие (звук), не являющееся выражением эмоционального состояния; характер звучания обусловлен определенной природой субъекта: особым типом музыкального инструмента (скрипка плачет, но не барабан), видом птиц (чайка плачет, но не воробей), способностью ветра издавать характерные звуки. При этом наименование действия осуществляется наблюдателем (человеком), который, слушая, качественно оценивает звук как протяжный, тоскливый (то есть как будто выражающий тоску, печаль) и сопоставляет его с плачем, тем самым олицетворяя, очеловечивая субъект звучания. Позиция атрибута факультативна (*Скрипка плачет. Надрывно плачет скрипка*). Пропозиция причины не эксплицирована, так как причина плача заложена в самой природе субъекта (в поэтических контекстах пропозиция может получить словесную репрезентацию: *И скрипки плачут от любви...*).

Плакать — ‘4. Запотев, покрываться каплями влаги (о стеклах). *Осенью окна плачут от дождей*’.

В когнитивном сценарии две пропозиции: включенная пропозиция причины и основная пропозиция, состоящая из трех компонентов — субъекта, предиката и наблюдателя. Субъект (стекло) в результате физических явлений (конденсация жидкости, дождь) оказывается покрытым влагой. Человек, визуально оценивая состояние субъекта, сопоставляет его с ситуацией плача.

Плакать — ‘5. Изливаться дождем. *Небеса плачут*’.

Когнитивный сценарий включает позиции субъекта, предиката и наблюдателя. Субъект (небеса), являясь местом скопления природной влаги, при определенных условиях выступает как источник влаги (дождя). Человек поэтически осмысливает эту ситуацию как плач небес, причем небеса приобретают характер живой сущности, олицетворяются. Метафоризация основана не только на сходстве ситуаций, но и на сходстве эмоционального впечатления от плача и от дождя.

Плакать — ‘6. Оплывать (о свечах)’.

В когнитивном сценарии присутствуют позиции субъекта, предиката и наблюдателя. Субъект (свеча) в результате температурного воздействия (горения) изменяет свою структуру, ее воск постепенно истекает. Наблюдатель олицетворяет данный процесс, представляя его как плач свечи.

Плакать — ‘7. Истратиться, потратиться, пропасть. *Плакала моя обувь. Плакал мой отпуск на юге*’.

В когнитивном сценарии есть позиции субъекта (обычно выражен формами притяжательных местоимений-прилагательных *мой, твой*), объекта и предиката. Сценарий включает пропозицию обладания (субъект имеет что-либо или полагает, что имеет) и пропозицию лишения. Субъект (человек) лишается какого-либо объекта, при этом данный объект олицетворяется, ему присваивается свойство сожалеть по поводу того, что он не состоялся или потрагился.

Таким образом, глагол *плакать* во всех значениях предполагает ситуацию изменения субъекта в результате эмоционального или физического воздействия и внешнее проявление этой ситуации (слезы, жидкость, воск, звуки).

3. Модели семантической деривации глагола *плакать*.

Семантическая деривация глагола обусловлена сложностью его когнитивного сценария, включающего три пропозиции. Глагол, основное значение которого связано с внешне выраженным и наблюдаемым эмоциональным состоянием, оказывается способным обозначать само эмоциональное состояние, метафорически проецироваться в область сенсорно наблюдаемых физических харак-

теристик предметов (*скрипка плачет, окна плачут, свеча плачет*), а также обозначать ненаблюдаемые действия (*Плакал мой отпуск*).

Семантический потенциал глагола объясняется наличием в составе его когнитивного сценария трех аспектов: аспекта эмоционального состояния (человек испытывает горе), физиологического аспекта (человек проливает слезы) и звучания как внешне наблюдаемой характеристики (человек издает звуки).

Для развития значений глагола *плакать* (в первую очередь метафорических) оказывается важной пространственная схема: плакать — значит ронять слезы вниз (поэтому вряд ли возможен контекст **фонтан плачет*). Эта пространственная схема объясняет появление данного слова в контекстах типа *небеса плачут, свеча плачет* и делает возможным его употребление в других метафорических контекстах.

ЗАДАНИЯ И ВОПРОСЫ

Задание 1. Проанализируйте существующие в научной литературе определения концепта: выделите основные признаки концепта и основные подходы к его изучению.

«... Предлагаю считать концепт своего рода “алгебраическим” выражением значения, которым мы оперируем в своей памяти и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает. <...> Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» (Д. С. Лихачев).

«Концепт — это объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире “Действительность”» (А. Вежбицкая).

«Концепт — термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Е. С. Кубрякова).

«Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру... Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Ю. С. Степанов).

«Концепт — культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму; единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» (С. Г. Воркачев).

«Концепт — это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировоззрение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства “дома бытия” (по М. Хайдеггеру)» (В. А. Маслова).

Задание 2. Дайте определение пропозиции как вида концепта. Проанализируйте слова, входящие в словообразовательное гнездо с вершиной *надзирать*; определите структуру, способы выражения и особенности свертывания пропозиции.

Надзирать — ‘вести наблюдение за кем-, чем-л., неся за это ответственность’.

Надзирать, надзирание, надзиратель, надзирательство, надзор, безнадзорный, рыбнадзор, технадзор.

Задание 3. Назовите, какие из перечисленных ниже глаголов являются полипропозитивными. Определите способы оформления дополнительной пропозиции (включение или совмещение).

Воспитать — ‘вырастить (ребенка), воздействуя на его духовное и физическое развитие, дать образование, привить навыки поведения в обществе, сформировать характер или его отдельные черты’.

Воспользоваться — ‘использовать для себя, для своих надобностей, своей пользы и т. п.’

Вправить — ‘вставить на свое место (вывихнутые суставы, конечности)’.

Вынырнуть — ‘нырнув, всплыть, показаться вновь на поверхности воды’.

Гипнотизировать — ‘приводить в состояние гипноза; воздействовать на человека в таком состоянии методом гипноза (обычно с лечебной целью)’.

Делегировать — ‘выбрать — выбирать, послать — посылать кого-л. на собрание, конференцию’.

Долбить — ‘ударяя чем-л., пробивать отверстие, делать углубление’.

Задание 4. Назовите типы ситуаций, описываемых глаголами функционального состояния природных объектов (дефиниции взяты из второго издания ТИСРГ, в печати). Объясните, как представлена позиция наблюдателя (человека) в изображении природных процессов.

Брезжить, *несов.* Проявляя функциональное состояние, осознаваемое человеком как начальная фаза, начать проявляться, слегка осветив небо над горизонтом перед восходом солнца; *син.* рассветать. *День уже начинал брезжить. На востоке брезжит утренняя заря.*

Буранить, *несов. Безл. Разг.* Проявлять необычайную силу, движение, воспринимаемые человеком как опасные, протекать бурно, стремительно (о буране, т. е. сильной метели, снежной буре); *син.* бушевать. *В эту зиму часто так буранит, что и опытный путник может заблудиться.*

Бушевать, *несов.* Проявляя необычайную силу, движение, воспринимаемые человеком как опасные, протекать бурно, стремительно, с разрушительной силой (о природных стихиях: ветре, буре, вьюге, метели и под.); *син.* неистовствовать. *Бушует ураган.*

Валить, *несов. Разг.* Проявлять функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз, падать массой, во множестве густыми хлопьями (о большом количестве снега, обильном снегопаде). *Снег валил хлопьями. Эпиграфом к повести «Метель» служат слова Жуковского: «Вдруг метелица кругом, снег валил клоками».*

Вечереть, *несов. (сов. разг. завечереть).* *Чаще безл.* Проявляя функциональное состояние, осознаваемое человеком как движение времени, клониться к вечеру, приближаться к той части суток, которой заканчивается день и с которой начинается ночь (обычно с 6–7 часов после полудня до полуночи), наступать (о вечере). *Осенью вечереет рано.*

Веять, *несов. (сов. провеять).* Проявляя функциональное состояние, дуть, обдувать (о слабом ветре). *Ветер чуть веял.*

Всходить, *несов (сов. взойти).* Проявлять (проявить) свое функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение вверх, появляться (появиться), подниматься (подняться) над горизонтом (о небесных светилах). *Уже рассвело и взошло солнце.*

Выпадать, *несов.* (*сов.* выпасть) Проявлять (проявить) свое функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз, пойти, появиться (об атмосферных осадках: дожде, снеге и др.). *Снег выпал только в январе* (А. Пушкин). *Днем на мерзлую землю выпал сухой, мелкий снег.*

Дуть, *несов.* (*сов.* однокр. дунуть) Проявлять функциональное состояние, нести, гнать, перемещать струи, потоки воздуха (о ветре). *Сердито бился дождь в окно, И ветер дул, печально воя* (А. Пушкин). *В доме из всех окон дуло.*

Дымиться, *несов.* Проявляя функциональное состояние, подниматься клубами, стлаться пеленой (о тумане, пыли). *Туман дымился над болотом* (М. Лермонтов).

Жарить, *несов.* *Разг.* Проявляя функциональное состояние, воздействовать на человека сильным жаром, горячим, сильно нагретым воздухом, обжигать лучами (о солнце); *син.* палить, жечь, печь. *Солнце жарит нещадно.*

Жечь, *несов.* *1 и 2 л. не употр., кого-что.* Проявляя функциональное состояние, воздействовать на человека сильным жаром, обдавать зноем, обжигать лучами (о солнце); *син.*: жарить, палить, жечь. *Солнце жжёт спину.*

Закатиться, *сов.* Проявить функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение вниз, скрыться (о небесных светилах); *син.* заходить, садиться. *Солнце закатилось.*

Зарядить, *сов.* *Разг.* Проявлять функциональное состояние, воспринимаемое человеком как непрерывное движение, начать идти и лить не переставая в течение какого-л. (обычно длительного) времени (о дожде). *Зарядил мелкий дождь.*

Злиться, *несов.* (*сов.* разозлиться). *Перен.* *1 и 2 л. не употр.* Проявляя силу, движение, протекать бурно, стремительно, интенсивно, подобно человеку, проявляющему отрицательное эмоциональное состояние (о буре, ветре и т. п.); *син.* бушевать, неистовствовать. *Зима недаром злится, Прошла ее пора* (Ф. Тютчев).

Идти, *несов.* Проявлять функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз, падать, лить (об атмосферных осадках). *Снег идет. На закате шел дождь.*

Клониться, *несов.* Проявляя функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение вниз, направляться, двигать-

ся по наклонной линии к горизонту, западу (о небесных светилах). *Солнце клонилось к горизонту.*

Крапать, *несов.* Проявлять функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз, падать мелкими, редкими каплями (о дожде); *син.* накрапывать, кропить. *Всю ночь крапал дождь.*

Куриться, *несов.* Проявляя функциональное состояние, воспринимаемое человеком как разнонаправленное движение, виться, носиться в воздухе (о дыме, тумане, пыли, снеге).

Моросить, *несов.* Проявлять функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз, идти, падать очень мелкими каплями (о дожде); *син.* накрапывать. *С утра моросит дождь.*

Морозить, *несов. Безл.* Проявлять функциональное состояние, воспринимаемое человеком как понижение температуры воздуха ниже нуля, становиться холоднее. *Утром морозило.*

Обволакивать, *несов. (сов. обволочь), что.* Проявляя функциональное состояние, покрывать (покрыть), укрывать (укрыть) что-л., окружить собой со всех сторон; *син.* облекать, окутывать (о тучах, тумане, паре и т. п.). *Тучи обволокли небо.*

Падать, *несов. 1 и 2 л. не употр.* Проявлять функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз, идти (об атмосферных осадках, чаще о снеге). *Мокрый снег падал хлопьями.*

Подниматься, *несов. (сов. подняться). 1 и 2 л. не употр.* Проявлять (проявить) функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение вверх, появиться над горизонтом, всходить (о небесных светилах, облаках, тучах). *Величаво поднялся месяц.*

Порошить, *несов. (сов. запорошить и напорошить). 1 и 2 л. не употр.* Проявлять (проявить) функциональное состояние, воспринимаемое человеком как беспорядочное, разнонаправленное движение, идти, падать, сыпаться (о мелком снеге). *С утра порошило. Потом стал порошить снег, убеляя мерзлую грязь точно сахарной пудрой (И. Бунин).*

Распогодиться, *сов. Безл.* Проявляя функциональное состояние, воспринимаемое человеком как улучшение, стать ясной, сол-

нечной (о наступлении хорошей погоды). *После дождя распогодилось.*

Садиться, несов. (сов. сесть). Проявлять функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз, опускаться, опуститься за горизонт, скрываться (скрыться) из виду (о солнце); *син.* закатиться, заходить. *Солнце село за горизонт.*

Свирепствовать, несов. *Перен. 1 и 2 л. не употр.* Проявляя необычайную силу, движение, воспринимаемые человеком как крайне опасные, протекать бурно, стремительно, с разрушительной силой, подобно человеку, проявляющему жестокость в действиях, поступках (о ветре, буре, вьюге, метели и т. п.). *Мне казалось, буран еще свирепствовал, и мы еще блуждали по снежной пустыне (А. Пушкин).*

Сеять, несов. *1 и 2 л. не употр.* Проявляя функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз, идти, падать (о мелком, частом или долгом дожде, снеге). *С утра сеет холодный дождь.*

Смеркаться, несов. (сов. смеркнуться). *Безл.* Проявляя функциональное состояние, осознаваемое человеком как движение времени, клониться к вечеру, той части суток, с которой заканчивается день и наступает ночь, стемнеть, стемнеться (о наступлении сумерек, вечерней темноты). *На дворе смеркается.*

Сыпать, несов. *Перен. 1 и 2 л. не употр.* Проявляя функциональное состояние, воспринимаемое человеком как движение сверху вниз, идти, выпадать (о мелком, частом дожде, снеге). *С утра сыплет мелкий холодный дождь.*

Угомняться, несов. (сов. угомниться). *Употр. обычно в сов.* Проявляя функциональное состояние, ослабеть в силе, действии или прекратиться подобно тому, как живое существо приходит в спокойное состояние (о ветре, буре, метели и др. стихийных явлениях); *син.* утихать, униматься. *Разошлись тучи, снег пошел реже, и ветер наконец угомнился.*

Хмуриться, несов. (сов. нахмуриться). *1 и 2 л. не употр. Перен.* Проявляя функциональное состояние, быть пасмурным, сумрачным, ненастным или предвещающим ненастье, подобно тому как человек своим внешним видом, мимикой выражает мрачное, невеселое состояние, настроение (о небе, погоде). *Заревая сторона нахмурилась.*

Задание 5. Выполните анализ когнитивного сценария скупости, используя приведенные ниже материалы «Идеографического словаря русских синонимов» под редакцией Л. Г. Бабенко (в печати) и отрывки из художественных произведений.

СКУПОЙ

Синонимический ряд: скупой, жадный, прижимистый, зажимистый, скарედный, сквалыжный.

Семантическая идея синонимического ряда: признак человека, проявляющего чрезмерную бережливость, стремление избежать расходов, трат.

Прототип: о человеке, который проявляет бережливость, расчетливость, тратит деньги, средства с чрезвычайной осторожностью и только ради собственной выгоды, старается избежать расходов, трат, экономит на всем, неохотно дает что-л. другим, доходя в своей экономности до крайностей (типичный пример — Плюшкин), что оценивается окружающими отрицательно.

Скупой — признак человека, чрезвычайно расчетливого, бережливого, экономного в расходах.

Жадный — признак человека, стремящегося к личной выгоде, наживе, неохотно дающего что-л. другим, проявляющего чрезмерную бережливость, экономность.

Прижимистый и зажимистый — признак человека, проявляющего бережливость, экономность и стремление приберечь деньги, избежать расходов.

Скаредный — *Разг.* Признак человека, проявляющего чрезмерную скупость, расчетливость и стремление избежать любых трат, расходов.

Сквалыжный — *Разг.-сниж.* Признак человека, проявляющего чрезмерную скупость, расчетливость, что оценивается окружающими с осуждением и пренебрежением.

Близкородственные синонимические ряды: 1) скупой и скупец, скряга (разг.), скаред (разг.) и скареда (разг.), скупердй (прост.), сквалыга (прост.) и сквалыжник (прост.), жади́на (прост.) и жадю́га (прост.), жила (прост.), жмот (прост.) — человек, проявляющий скупость, жадность, избегающий расходов;

2) скупиться, жадничать (разг.), скряжничать (разг.), скаредничать (разг.), сквалыжничать (прост.), скупердйничать (прост.),

жаться (разг.), жилиться (прост.) — быть чрезмерно бережливым, расчетливым, удерживаться от трат и расходов;

3) скупость, жадность, прижимистость (разг.), скарденность (разг.), сквалыжничество (разг.).

Фразеология: дрожать (трястись) над каждой копейкой.

Антоним: щедрый.

В комнате своей он подымал с пола все, что ни видел: сургучик, лоскуток бумажки, перышко, и все это клал на бюро или на окошко. А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином, был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости (Н. Гоголь).

Во владельце стала заметнее обнаруживаться скупость, сверкнувшая в жестких волосах его седина, верная подруга ее, помогла ей еще более развиться; учитель-француз был отпущен, потому что сыну пришла пора на службу; мадам была прогнана, потому что оказалась не безгрешною в похищении Александры Степановны; сын, будучи отправлен в губернский город, с тем чтобы узнать в палате, по мнению отца, службу существенную, определился вместо того в полк и написал к отцу уже по своем определении, прося денег на обмундировку; весьма естественно, что он получил на это то, что называется в простонародии шиш.

Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и чем более пожирает, тем становится ненасытнее; человеческие чувства, которые и без того не были в нем глубоки, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине (Н. Гоголь).

Задание 6. Проанализировав словарные дефиниции глаголов болезненного состояния человека, выявите когнитивный сценарий болезни, способы его варьирования.

Болезнь — ‘быть больным, страдать какой-н. болезнью. *Болезнь воспалением легких*’.

Вянуть — ‘перен. Терять силы, бодрость, здоровье’.

Грипповать — ‘разг. Болезнь гриппом’.

Заболезнь — ‘стать больным. *Он заболел тифом в поезде*’.

Занедужить — ‘устар. Заболезнь, захворать. *Дедушка, должно быть, занедужил от потрясений*’.

Занемочь — ‘устар. Почувствовать недомогание; заболеть. *Он простудился и занемог*’.

Заражаться — ‘воспринять, получить заразу. *Заразиться ангиной*’.

Захворать — ‘разг. Стать больным; заболеть’.

Знобить — ‘безл. О болезненном ощущении озноба, о лихорадочном состоянии. *Его стало знобить*’.

Кашлять — ‘страдать кашлем. *Он кашляет сухим, подозрительным кашлем*’.

Лихорадить — ‘1. Быть в лихорадочном состоянии, чувствовать озноб. *Ребенок лихорадил*. 2. Безл. О болезненной дрожи, ознобе, испытываемых кем-л. *Почти неделю его лихорадило*’.

Нездоровиться — ‘безл. О состоянии нездоровья, недомогания. *Якову что-то нездоровилось: болела голова*’.

Переболеть — ‘1. Перенести какую-н. болезнь. *Переболеть гриппом и воспалением легких*. 2. Перенести много болезней. *Ребенок переболел всеми болезнями*. // Перенести какую-л. болезнь (о всех, многих). *Все дети переболели корью*’.

Перенести — ‘9. Испытать, изведать что-л. неприятное, тяжелое, болезнь и т. п. *Перенести воспаление легких*’.

Подхватить — ‘4. Перен. Разг. // Неожиданно, вдруг получить какую-л. болезнь, заболеть чем-л. *Он подхватил какую-то простуду и неделю провалялся в постели*’.

Подцепить — ‘3. Перен. // Неожиданно, вдруг получить какую-л. болезнь, заболеть чем-л. *Подцепить корь*’.

Простудиться — ‘подвергнуться простуде, заболеть от простуды. *В дороге она простудилась*’.

Разболеться — ‘разг. Начать болеть все сильнее и сильнее (о человеке); расхвораться. *Никак совсем разболелся?* — *заметила Настасья*’.

Схватить — ‘4. Разг. Получить какую-л. болезнь; подхватить. *Схватить грипп*. 5. Внезапно и остро проявиться у кого-л. (о приступе болезни, боли). *Его схватила лихорадка*’.

Температурить — ‘разг. Иметь повышенную, высокую температуру тела. *Он температурит, все лежит или бродит по саду*’.

Чахнуть — ‘2. Терять здоровье, хиреть. *Прохватило где-то сквозняком, теперь и чахну*’.

Задание 7. Проанализируйте глагольные метафоры со значением болезненного состояния человека (п. 1). Определите чувственно воспринимаемые образы, которым уподобляется болезнь в словосочетаниях (п. 2). Выявите аспекты смысла, связанные с концептом «болезнь».

1. Валить, изматывать, изморить, измучить, измытаривать, изнурять, истощать, одолевать, прицепиться, скручивать, схватывать (о болезни).

2. Поясницу переломило, глаза режет, в боку колет, виски разламывает, зубы ломит, в груди жмет, глаза щиплет, желудок давит, в ушах звенит, в голове гудит, в висках стучит, голова трещит, голова горит, сердце схватило, в желудке жжет.

Задание 8. Дайте определение прототипа и назовите виды прототипов. Определите различия между прототипом и стереотипом. Прочитайте приведенный ниже фрагмент статьи «Кот» из словаря «Русское культурное пространство» и отрывки из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»; определите прототипический образ кота, стереотипные и индивидуальные смыслы, связанные с этим образом.

1. Кот валяжен, исполнен собственного достоинства и «ленив» в движениях. Вместе с тем он ловок и быстр в нападении. Обладает независимым характером, сексуально активен, особенно весной (мартовский кот). Кот — хищник по своей природе, но его охота часто превращается в азартную «игру».

Современные русские могут обращаться к образу кота при характеристике: а) мужчины, следящего за своей внешностью, старательно демонстрирующего свое мужское начало, уверенного в себе...; б) мужчины, во внешности которого можно обнаружить сходство с чертами этого животного (например, пышные усы)...; в) поведения человека или его действий, напоминающих поведение этого животного, при этом может подразумеваться способность к мгновенной атаке, неожиданному нападению, быстрой реакции... (Русское культурное пространство, 2004, 92–95).

2. Потеряв одного из преследуемых, Иван сосредоточил свое внимание на коте и видел, как этот странный кот подошел к подножке моторного вагона «А», стоящего на остановке, нагло отсалютовал взвизгнувшую женщину, уцепился за поручень и даже сделал

попытку всучить кондукторше гривенник через открытое по случаю духоты окно.

Ни кондукторшу, ни пассажиров не поразила самая суть дела: не то, что кот лезет в трамвай, в чем было бы еще полбеды, а то, что он собирается платить! Кот оказался не только платежеспособным, но и дисциплинированным зверем.

При первом же окрике кондукторши он прекратил наступление, снялся с подножки и сел на остановке, потирая гривенником усы (М. Булгаков).

3. Но оказались в спальне вещи и похуже: на ювелиршином пуфе в развязной позе развалился некто третий, именно — жутких размеров черный кот со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб, в другой (М. Булгаков).

4. Кот вскочил живой и бодрый, ухватив примус под мышку, сиганул с ним обратно на камин, а оттуда, раздирая обои, полез по стене и через секунды две оказался высоко над вошедшими, сидящим на металлическом карнизе.

Вмиг руки вцепились в гардину и сорвали ее вместе с карнизом, отчего солнце хлынуло в затененную комнату.

Но ни жульнически выздоровевший кот, ни примус не упали вниз. Кот, не расставаясь с примусом, ухитрился махнуть по воздуху и вскочить на люстру, висящую в центре комнаты (М. Булгаков).

Задание 9. На примере ЛСГ глаголов помощи, входящей в группу глаголов социальных отношений, расскажите об уровне подходе к семантической категоризации глаголов. Выделите три уровня категоризации и объясните специфику каждого из уровней.

ЛСГ глаголов помощи

Базовый глагол: *помогать*.

Рядовые глаголы: *благоприятствовать, консультировать, опека́ть, подса́дить, посреднича́ть, содействова́ть, послужи́ть, способствова́ть, услу́жить, шефствова́ть* (ТИСРГ).

Задание 10. Определите лексические значения глагола *гореть* в приводимых ниже контекстах и установите, в каких предложениях он употреблен

в прямом, а в каких — в переносном значении. Объясните, как развивается многозначность у данного глагола.

1. Но ты взгляни чуть-чуть повыше, Как ярко там горят огни (Н. Рубцов). 2. Горел прощальный наш костер, Как мимолетный сон природы (Н. Рубцов). 3. Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы (А. Пушкин). 4. Ночью она начала бредить, голова ее горела (М. Лермонтов). 5. В саду горит костер рябины красной... (С. Есенин). 6. Трудоголики — это люди, которые горят на работе. 7. Горят глаза твои, Горят, как черных две зари (А. Блок).

Задание 11. Проанализируйте словарные статьи многозначных глаголов, приведенных ниже. Определите типы структурных связей (радиальная, цепочечная, радиально-цепочечная) всех лексико-семантических вариантов каждого глагола, изобразив его семантическую структуру графически.

Погрузиться, развязать, ввалиться, увлечься, работать, распустить, управлять, установить, целить.

Задание 12. Охарактеризуйте типы актантных трансформаций, лежащих в основе семантической деривации приведенных ниже глаголов. Приведите примеры ЛСВ с включенными и инкорпорированными актантами.

Подчистить — ‘1. Сделать чище, привести в порядок, удаляя сор, грязь, мусор и т. п. 2. Осторожно соскоблить, стереть или замазать ненужное или неверное в тексте, рисунке, чертеже. 3. Сделать совершеннее, подправить, улучшить. 4. Забрать, подобрать, съесть все подчистую’.

Обветриться — ‘1. Подвергнуться разрушительному действию ветра. 2. Огрубеть, стать шершавым, потрескаться от ветра, от длительного пребывания на воздухе и т. п. (о лице, коже). 3. Утратить свежий вид, посохнув и изменив цвет на воздухе (о пище)’.

Взвихрить — ‘1. Подняв, закружить, завертеть вихрем. 2. Поднять вихрами, растрепать (волосы)’.

Стрелять — ‘1. Производить выстрелы (пулями, камнями и т. п.). 2. Уметь пользоваться огнестрельным оружием. 3. Действо-

вать (об огнестрельном оружии). 4. С силой отделяться, быстро, стремительно лететь в какую-л. сторону (о кусочках веществ, предметов). 5. Убивать из огнестрельного оружия. 6. Издавать резкие, отрывистые звуки, похожие на выстрелы’.

Сочиться — ‘1. Течь, вытекать по капле или тонкой струйкой (о жидкости). 2. Испускать, выделять из себя (какую-л. жидкость)’.

Задание 13. Дайте определение понятию «образ-схема» (образная схема). На примере семантической структуры глаголов *крутить* и *вертеть* охарактеризуйте специфику образной схемы круга. Для анализа используйте толковые словари русского языка и словари жаргона.

Задание 14. Приведите примеры широкозначных глаголов русского языка. Объясните, чем отличается широкозначность от многозначности. На примере одного широкозначного глагола покажите особенности семантической деривации таких глаголов.

Задание 15. Выполните когнитивный анализ одного из многозначных глаголов (см. модель анализа в прил. 1).

Благословить, дрожать, занести, запутать, ломать, напасть, оживить, потерять, разогнать, распустить, сократить, терпеть, толкать, упустить, учить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Словари

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.

Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справ. Свердловск, 1989.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1985 (Малый академический словарь).

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / Под общ. ред. В. А. Красных. М., 2004.

СО — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Словарь русского языка. М., 1994.

СОЖ — *Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.

ТИСРГ — Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999.

Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Скляревской. СПб., 1998.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.

Тысяча состояний души: Опыт психолого-филологического словаря. М., 2003.

ЭСС — Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.

* * *

Андерсон Дж. Когнитивная психология. 5-е изд. СПб., 2002.

Апресян Ю. Д. Избранные труды: Лексическая семантика. М., 1995.

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность: Антол. М., 1997. С. 267–279.
- Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
- Бабенко Л. Г.* Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Э. В. Кузнецовой / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997. С. 30–45.
- Бабенко Л. Г.* Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений. 5–7 февр. 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 3–11.
- Бабенко Л. Г.* Денотативное пространство глаголов комплексной полипропозитивной семантики // Русская глагольная лексика: денотативное пространство: Моногр. Екатеринбург, 1999. С. 172–195.
- Бабенко Л. Г.* Проект толкового идеографического словаря синонимов русского языка // Русская языковая личность в зеркале лексикографии: Материалы XII Кузнецовских чтений. 6 февр. 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 3–8.
- Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж, 1996.
- Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.
- Бацевич Ф. С.* Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.
- Белошапкова В. А.* Синтаксис // Современный русский язык: Учебник для филол. специальностей высш. учеб. заведений / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997.
- Беляевская Е. Г.* О характере когнитивных оснований языковых категорий // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. А. Манерко. Рязань, 2000. С. 9–14.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика: Пер. с фр. 2-е изд. М., 2002.
- Болдырев Н. Н.* Функциональная категоризация английского глагола. СПб.; Тамбов, 1995.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.

Болдырев Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность. СПб., 2003. С. 54–74.

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44–87.

Вежбицкая А. Язык. Познание. Культура. М., 1996.

Воркачев С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филол. науки. 1995. № 3. С. 56–66.

Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: Опыт анализа сопоставительной паремиологии // Вопр. языкознания. 1997. № 4. С. 115–124.

Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж, 2002. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 79–95.

Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24. С. 5–12.

Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Тр. Кубан. гос. технол. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2003а. Т. 17, вып. 2. С. 268–276.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.

Воробьев В. В. Лингвокультурология. М., 1997.

Воронина Т. М. Образные семантические модели русских глагольных предложений: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 212–237.

Гейвин Х. Когнитивная психология. СПб., 2003.

Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23: Когнитивная лингвистика. С. 5–11.

Гилярова К. А. Языковая концептуализация формы физических объектов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Гришаева Л. И. Глагол как узел когний // Филология и культура: Тез. II Междунар. конф. 12–14 мая 1999 г.: В 3 ч. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 1999. Ч. 2. С. 19–21.

Гришаева Л. И. Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы: когнитивные, семантико-структурные, функциональные аспекты описания (на материале современного немецкого языка). Воронеж, 1999а.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

Жданова О. П. Семантика глаголов поведения в культурологическом освещении // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С. 186–194.

Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 36–44.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Иомдин Б. Л. Семантика глаголов иррационального понимания // Вопр. языкознания. 1999. № 4. С. 71–80.

Исаченко О. М. Функционально-семантический класс глаголов поведения (системно-семантический, функциональные и лингвокультурологические аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000.

Казарин Ю. В. Денотативное пространство русского глагола как «факт» // Русская глагольная лексика: денотативное пространство / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999. С. 50–98.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2001.

Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002.

Касевич В. Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. СПб., 1998. С. 14–21.

Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 276–339.

Кильдебекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа. Саратов, 1985.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.

Кравченко А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Кронгауз М. А. Семантика. М., 2001.

Крысин Л. П. Социосемантика // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997. С. 270–285.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 3–15.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике: (О концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58, № 5–6. С. 3–12.

Кубрякова Е. С. Языковое сознание и картина мира // Филология и культура: Тез. II Междунар. конф. 12–14 мая 1999 г.: В 3 ч. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 1999а. Ч. 1. С. 3–5.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопр. языкознания. 2000. № 4. С. 85–110.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23: Когнитивная лингвистика. С. 12–52.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. М., 1990. С. 387–415.

Лебедева Н. Б., Яценецкая М. Н. Типы субъектов // Вариантные отношения в языке и тексте: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1993.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. М., 1997. С. 280–287.

Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999.

Логический анализ языка: Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000.

Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М., 2000а.

Логический анализ языка: Семантика начала и конца / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2002.

Логический анализ языка: Избр. 1988–1995. М., 2003.

Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2003а.

Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. М.; Барнаул, 2002.

Лукин В. А. Слово «противоречие», одноименное семантическое поле и концепт противоречия в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 140–154.

Макеева И. И. Семантика глаголов беспорядочного движения // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2003. С. 395–404.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. Минск, 2004.

Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург, 1998.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.

Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.

Новиков Л. А. Лексикология // Современный русский язык: Учебник для филол. специальностей высш. учеб. заведений / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997. С. 190–270.

Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопр. языкознания. 1998. № 5. С. 3–23.

Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня: Сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. М., 2000. С. 395–415.

Падучева Е. В. Глаголы восприятия: опыт выявления структуры тематического класса // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность. СПб., 2003. С. 75–100.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX в. // Вопр. языкознания. 1996. № 2. С. 19–42.

Плотникова А. М. Денотативно-референциальное пространство русского глагола // Русская глагольная лексика: Денотативное пространство / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999. С. 99–139.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. 3-е изд. Воронеж, 2003.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003а.

Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36. С. 274–318.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

Розина Р. И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // *Вопр. языкознания*. 2002. № 2. С. 3–16.

Розина Р. И. Глагольная метафора в литературном языке и в сленге: таксономические замены в позиции объекта // *Рус. яз. в науч. освещ.* 2003. № 1. С. 68–84.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж, 2002.

Рябцева Н. К. Этические знания и их предметное воплощение // *Логический анализ языка: Языки этики*. М., 2000. С. 178–184.

Савенкова Л. Б. Русские пословицы как функционирующая система: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2002.

Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.

Селиверстова О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // *Вопр. языкознания*. № 6. 2002. С. 12–26.

Семантика и категоризация / Отв. ред. Ю. А. Шрейдер. М., 1991.

Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000.

Солсо Р. Когнитивная психология. М., 2001.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.

Структуры представления знаний в языке. М., 1994.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Токарева О. С. О роли интерпретативного компонента в структуре значения английских глаголов обмана // *Когнитивные аспекты языкового значения: Говорящий и наблюдатель: Межвуз. сб. науч. тр.* Иркутск, 1999. С. 111–120.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.

Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

Фесенко Т. А. Этноментальный мир человека: Опыт концептуального моделирования: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. М., 1981. Вып. 10. С. 369–496.

Филлмор Ч. Об организации семантической информации в слове // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14. С. 23–60.

Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX в. М., 1995. С. 74–117.

Чарыкова О. Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. Воронеж, 2000.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 340–369.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 2003.
Cognitive linguistics: Foundations scope and methodology / Ed. by T. Janson, G. Redeker. Berlin; N. Y., 1999.

Taylor J. R. Contrasting Prepositional Categories: English and Italian // Topics in cognitive linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. Philadelphia, 1988. P. 299–326.

Ungerer F., Schmid H. J. An Introduction to cognitive linguistic. L.; N. Y., 1996.

Учебное издание

Плотникова Анна Михайловна

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ
(на материале русских глаголов)

Учебное пособие

Редактор и корректор	В. И. Первухина
Компьютерная верстка	Н. В. Комардина

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе УрГУ

Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001. Темплан 2005 г., поз. 95.

Подписано в печать 30.06.2005. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 7,8. Усл. печ. л. 8,14. Тираж 150 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.